

Александр Слоневский

Жизнь. Смерть. Воскресение

Издание второе, исправленное и дополненное

Днепропетровск
Издательство «Пороги»
2009

Книга известного днепродзержинского журналиста, краеведа и писателя Александра Слоневского «Жизнь. Смерть. Воскресение» в увлекательной форме рассказывает о Днепродзержинской (Каменской) римско-католической общине костела Святого Николая на протяжении ее более чем вековой истории.

Книга відомого дніпродзержинського журналіста, краєзнавця та письменника Олександра Слоневського «Життя. Смерть. Воскресіння» в захоплюючій формі розповідає про Дніпродзержинську (Кам'янську) римсько-католицьку громаду костьолу Святого Миколая протягом її більш ніж вікової історії.

ISBN 978-966-525-961-9

*Посвящается
ксендзу Мартину Янкевичу*

Появление данной книги стало возможным лишь благодаря процессу возрождения одного из красивейших католических храмов Украины – Днепродзержинского (Каменского) костела святого Николая. Но это не руководство и не инструкция по восстановлению костелов или памятников архитектуры вообще. Воскресение днепродзержинского костела – яркий, но далеко не единственный пример победы идеализма над прагматизмом, веры над неверием. Костел святого Николая объединил вокруг себя самых разных людей, и все мы, хоть немного причастные к его возрождению, всегда с радостью, гордостью и грустью будем вспоминать это нелегкое, но прекрасное время, как, возможно, самое значительное в своей жизни.

В этом произведении, жанр которого можно определить, как художественно-исторический, нет ни одного вымышленного персонажа. Практически все диалоги, монологи или проповеди подтверждаются видео- или аудиокассетами, либо записями, сделанными «по горячим следам». Документальные материалы, как и свидетельства очевидцев, собирались по крупицам в течении десяти лет. Однако жизнь не стоит на месте, и со времени первого издания книги в 2002 году обнаружались новые архивные документы и иные источники, проливающие дополнительный свет на историю Днепродзержинского (Каменского) костела Святого Николая.

Надеюсь, что и второе издание книги «Жизнь. Смерть. Воскресение» найдет положительный отклик, как среди людей верующих, так и тех, кто еще далек от Бога.

Автор

ЧАСТЬ I

Глава 1

Начало

Пан Кальвасинский собирался в дорогу. Поцеловав первенца – сына Леона, обняв на прощание беременную пани Веронику, перекрестившись и вздохнув – «Иезус-Мария, спаси и сохрани!» – он покинул свой дом, семью и Польшу. Путь предстоял неблизкий. Более тысячи верст от Варшавы, через Польшу и Украину в далекое село Каменское, где началось большое строительство металлургического завода, где нужны крепкие рабочие руки, где можно прокормиться, а может и разбогатеть.

Собственно, от «пана» у Яна Кальвасинского было лишь название. В Польше слово «пан» означает не принадлежность к зажиточному слою или классу, это форма обращения к человеку, подчеркивающая его достоинство. Ян Кальвасинский и его жена Вероника из дома Витковских по происхождению были крестьяне Варшавской губернии, Гостынского уезда. Сотни таких неимущих панов на последней волне польской рабочей эмиграции снялись со своих насиженных мест и двинулись на Украину, находившуюся, как и Польша, под сенью одного Государства Российского. Их отъезд напоминал эвакуацию. Терпящее финансовый крах Общество Варшавского сталелитейного завода продало принадлежавший ему в Варшаве завод, и новое Металлургическое Общество переносило на юг России производство со всеми машинами, рабочими и служащими. Конечно, можно было и не ехать! Но найти работу под польским небом совсем не просто, если не сказать невозможно. Какая трагедия для тысяч людей!

В Каменском и вправду заваривалась хорошая каша.
– Матко Боска! Вот это стройка!

Работы действительно хватало всем, даже с излишком. Однако надежда на скорое обогащение никак не сбывалась, и все не удавалось выписать из Польши семью, где в октябре 1889 года родился второй сын Бронислав. Устав от бесплодных ожиданий, продав кое-какое имущество, с двумя малолетними сыновьями на руках, пани Вероника бесстрашно двинулась в Каменское, где в бараке на Нижней, а по-польски Дольней Колонии обосновался ее муж, ставший к тому времени вальцовщиком железопрокатного отделения.

Благодарение Богу! Приехала... Ян Кальвасинский, всю неделю тяжело работавший на заводе, по воскресеньям чинно вел свою пани Веронику в молитвенный дом или каплицу, где собирались каменские католики, в абсолютном большинстве выходцы из городов и весей бывшего Королевства Польского. Тесновато, конечно, в каплице, но что поделаешь? Хотя жаль, что нет в Каменском настоящего костела.

Глава 2

Озарение

Эта история началась в октябре 1989 года. Точнее, эта история началась для меня в октябре 1989 года, ровно через сто лет после приезда в Каменское моего прадеда Яна Кальвасинского.

Пересекая старую часть города, я шёл в редакцию заводской газеты. Мне всегда нравился этот осенний, шуршащий годами, как листьями, район – тихий, доисторический, где еще сохранился дух старого времени, где можно отогреться душой и отрешиться от суматохи нашей бучи. Хорошо здесь! Тихо и спокойно. Здесь еще живут люди, которые называют эти места Верхней Колонией. Их уже немного, они как осколки прежней жизни. Здесь ненадолго можно заболеть сладкой и очищающей болезнью – ностальгией, здесь при подходящем настроении и капле воображения очень легко можно заметить заворачивающего за угол молодого господина в котелке и с тросточкой, и мелькнувший край длинного женского платья.

Но в этот раз... Он вырос предо мною громадный, страшный и прекрасный, я никогда его таким не видел! Сколько раз я бывал здесь во время прогулок, а также, когда моих приятелей забирали отсюда в армию, из бывшего костела, где располагался призывной пункт военкомата. Но только сегодня, когда я случайно забрел во двор костела и обошел его, что-то пронзительное, как крик, резануло сердце и ударило по нервам: какой он весь жалкий, мертвый, изуродованный...

Навалилось какое-то чувство смущения и брезгливости, как пред видом умирающего на навозной куче. Кругом грязь, тлен, запустение. Повсюду в невероятных количествах валялись автомобильные покрышки и мосты, какие-то запчасти, металлолом, мусор. Забитые досками и заложённые шлакоблоком окна костела; змеиные – толщиной в руку – трещины в кладке; готовые рухнуть шпили на башнях с зияющими огромными дырами довершали картину разгрома. А из стен костела росли деревья.

О нет, еще не все! С левой стороны храма сооружена металлическая красная эстакада для заезда автомобилей в здание костела через окно. Через прекрасное, высокое, стрельчатое окно. Все кощунственно и символично: и красная эстакада, как копьё стражника в теле распятого Христа, и гнусная трехэтажная пристройка к центральному входу, на двери которой размещена табличка «Кооператив «Дизайн», а еще выше – другая: «Знания в маси».

Но какая мощь! Какая сила, какое скорбное величие! Вдруг возникло горячее ощущение открытия, которое, наверное, испытывал Генрих Шлиман при чтении «Илиады», предвосхитившее раскопки Трои. Захотелось куда-то бежать и кого-то привести к костелу и, не боясь показаться смешным, крикнуть:

- Да взгляните же, какая красота! А вы и не знали!

И я помчался в редакцию и предложил написать статью о костеле. Я тогда ничего еще не знал ни о Боге, ни о Католической Церкви. Более того, я был убежденным атеистом. В тот момент со мной в чем-то повторилась история, произошедшая с апостолом Павлом. Чувство, вошедшее тогда в меня, что именно я должен что-то сделать для спасения костела, не покидало меня долгие годы. Костел как-то сразу, одномоментно стал моей судьбой. И я бесконечно благодарю Бога, что дело восстановления католического храма коснулось меня и моей жизни.

.....

Лариса Ключ, ответственный секретарь газеты «Знамя Дзержинки», предложение написать статью приняла, хотя в то время сочувственно говорить о вещах, связанных с религией, да еще в многотиражной газете, было довольно смелым шагом.

- Но учтите, Саша, статья должна не повторять азбучные истины, а быть чем-то новым.

И дала мне месяц на работу. Через месяц, выплеснув свой пыл на бумагу, я вновь сидел перед ответственным секретарём и с замиранием сердца ожидал приговор.

- Хорошо! – сказала она, и рукопись отправилась к редактору газеты Владимиру Базарянинову.

- Хорошо! – сказал редактор и изъясил из статьи цитату из Священного Писания и «военную тайну», что в костеле располагался военкомат. – Цензура! – разводя руками, как бы извиняясь, произнес Базарянинов.

- Хорошо! – сказал я, – но материал я снимаю, в таком виде он напечатан быть не может.

Подумав, редактор пошел на компромисс и цитату из Библии вернул на свое место. Шестого января 1990 года статья «Дорога к храму, или хроника одного варварства» увидела свет.

Статья имела громадные недостатки, о которых я, к счастью, не подозревал. Костел был для меня сплошным белым пятном, и, приступая к работе, я абсолютно ничего о нем не знал. Почти столь же мало я знал о костеле и, завершая статью, он не собирался раскрывать свои тайны. Поэтому кое-что я просто додумывал, где-то попадая в точку, а где-то пальцем в небо, и бессознательно преувеличивал исключительность католического храма. Неизвестно откуда в статью просочилась фраза о «почти полностью осыпавшейся черепице», когда ее там и близко не было, а цитату из Нагорной проповеди я вообще употребил в антиевангельском смысле.

И все же в редакции «Знамени Дзержинки» раздавались звонки, люди благодарили газету и автора... Но что могло измениться? По совету редактора я даже записался на прием к зампреду горисполкома Е. Конельской, которая курировала вопросы культуры и общественной жизни. Елена Сергеевна встретила меня очень официально и заявила, что восстановление костела безнадежное дело. Потом, смягчившись, добавила, что сама она не раз поднимала этот вопрос, в том числе перед областными властями, но, увы! И пожелала мне дальнейших творческих успехов на ниве журналистики.

Побывав я и в городском обществе защиты памятников, где, ознакомившись со статьей, мне сказали, что несколько лет назад костел осматривали специалисты из какого-то института и признали, что по своим качествам он отнюдь не является «жемчужиной архитектуры». С другой стороны, восстановление его практически невозможно. Но поставить вопрос о взятии костела на учет можно, отчего бы и не поставить?

В общем, мир не ахнул, не раскололся надвое и не помчался к костелу со слезами раскаяния испускать грехи многолетней давности.

ГЛАВА 3

Католики юга России

Надо сказать, что Ян Кальвасинский был далеко не первым католиком, появившимся в этих краях. Еще в середине XIX столетия на юге Российской империи была образована Тираспольская епархия, в состав которой входил Екатеринославский деканат. А когда в 1884 году была построена Екатерининская железная дорога, связавшая железную руду Кривого Рога с донецким углем, вдоль этой дороги началось строительство металлургических заводов Юга России. Сюда в изрядном количестве приезжали квалифицированные

польские рабочие со своими семьями, составившие костяк местных католических приходов. С 1877 года в Екатеринославе функционировал костел Святого Иосифа, а римско-католическая община Каменского прихода была обязана своим возникновением строительству в селе Каменское Днепроовского завода.

Существует устойчивое представление, что католики востока и юга Украины, по крайней мере, того времени, это сплошь поляки: если католик – значит поляк. И в применении к селу Каменское это было в большой степени справедливо. Католики здесь более чем на девяносто процентов состояли из лиц польской национальности. Остальную часть составляли немцы, французы, бельгийцы, итальянцы, чехи и прибалты.

Однако если смотреть шире, то вырисовывается несколько иная картина. На юге Российской империи издавна существовали немецкие поселения, жители которых придерживались римско-католического вероисповедания. В качестве примера назовем некоторые из них. В Екатеринославской губернии: г. Ямбург (пригород Екатеринослава), колонии Екатериненгоф, Биллерфельд, менонитские колонии – поселок Мариенфельд, хутор Классов, Георгсбург (Софиевка), села Кильмансталь, Катериненфельд, Розенвейд, хутора Браунсталь, Каролинталь, Гохвельд, Кернер.

В Таврической губернии Мелитопольского уезда (где еще в 1842 году была сооружена приходская церковь во имя Беспорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии): Гейдельсберг, Блюменфельд, Гокхейм, Вальдорф, Гофанталь, Гальбдштадт, Костгейм, Лейтерсхаузен и другие. В Херсонской губернии: Ново-Мангейм, Ново-Ландау, Ней-Кроненталь и другие. Священники Екатеринославского деканата согласно «Каталогу духовенства и церквей Тираспольской римско-католической епархии с предшествующим списком всех римско-католических епархий в Российской Империи на 1913 год», были в основном немцы: декан Рафил Шефер, священники Оттон Бем, Яков Розенбах, Франц Кун, Иоанн Гофман, Яков Церр, Петер Ридель, Циммерман. И сама Тираспольская епархия создавалась не под поляков, а под немцев, исповедующих католицизм и проживающих на Юге России.

22 июля 1847 года в Риме был заключен конкордат между Российской империей и Святейшим престолом. Согласно одному из пунктов этого соглашения, в России создавалась новая епархия Херсонская, заключающая в себе область Бессарабскую, губернии Херсонскую, Екатеринославскую, Саратовскую, Таврическую и Астраханскую и земли, составляющие Закавказский край. Кроме того, в ведение епископа херсонского передавались живущие на территории его епархии католики армянского обряда «впредь до назначения католического епископа армянского вероисповедания». Об образовании Херсонской епархии было официально объявлено в булле Папы Пия IX «*Universalis Ecclesiae cura*» от 21 июня (3 июля) 1848 года, которая гласила: «В силу настоящей грамоты возвышаем помянутый город Херсон на степень епископской столицы». Кроме того, учреждение в России новой римско-католической епархии было подтверждено указом императора Николая I от 29 ноября 1848 года, где говорилось: «Вследствие условий уполномоченными Нашими... с уполномоченными Папы Римского подписанных и Нами утвержденных... учредить в Херсоне седьмую епархию».

Однако против пребывания латинской епископии стал возражать тамошний православный епископ. После обмена мнениями между русским правительством и Святейшим Престолом, 18 сентября 1852 года епископский престол был перенесен в Тирасполь, а епархия стала называться Тираспольской. Но в Тирасполе не оказалось ни храма, ни подходящих помещений для размещения епархиальных учреждений. Тогда по утверждению императором Комитета по делам Римско-Католической церкви, епископу Тираспольскому и епархиальному управлению назначено было пребывать в Саратове. При этом епархия по-

прежнему называлась Тираспольской. Тираспольская епархия окормляла, по преимуществу, немецких колонистов, живших на Юге России. (Берта Предигер. «Российская еженедельная католическая газета» №22 (324))

Именно поэтому Тираспольскую епархию возглавлял всегда немецкий епископ. Первым епископом Тираспольской епархии стал Фердинанд Гелан Канн, возведенный в сан Херсонского или Тираспольского епископа 10 ноября 1850 года и управляющий епархией из Петербурга. В конечном итоге, в 1856 году, его резиденция разместилась в Саратове. Там же была основана духовная семинария, а также прогимназия, где осуществлялась подготовка к поступлению в это учебное заведение. Далее епархией управляли: епископ Ионополитанский Викентий Липский (1865 – 1872), епископ Тираспольский Франц Ксаверий Цоттман (1872 – 1889), епископ Диоклецианопольский Антоний Иоанн Церр (1889 – 1902), епископ Тираспольский Эдуард барон фон-дер Ропп (1902 – 1903), епископ Тираспольский Иосиф Алоизий Кесслер (1904 – 1920). Поскольку Каменское находилось на территории, попадавшей под юрисдикцию Тираспольской епархии, то очень часто настоятелями здесь становились немецкие священники, а Екатеринославский деканат возглавляли также немцы.

В Тираспольской духовной семинарии преподавали латынь, немецкий, французский, русский языки, а вот польского не было, хотя среди священников Тираспольской епархии было достаточное количество поляков: Николай Щурек, Леонард Долонговский, Казимир Соколовский, Владислав Вержбицкий, Иосиф Малиновский и многие другие. Это объяснялось общей дискриминацией «польскости» в Российской Империи.

После поражения Январского 1863 года восстания – последнего в XIX веке крупного национально-освободительного восстания в польских землях – в Королевстве Польском начались репрессии со стороны Российского самодержавия. Царь Александр II считал, что восстание было проявлением черной неблагодарности поляков, и потому их следовало сурово наказать. За поддержку восстания гонениям подвергалась и Католическая церковь. Священнослужители подчинялись теперь Римско-католической Духовной Коллегии, учрежденной в Санкт-Петербурге, а лояльных по отношению к Папе Римскому и Апостольской столице ксендзов вывозили в глубь России. Конфискации подлежали церковные владения, монастыри закрывались (за исключением женских, на попечении которых находились больницы), либо запрещалось принимать новых послушников. В духовных семинариях, как и во всех учебных заведениях, обязательным стал русский язык, а польский язык зачастую просто исключался из преподавания. Среди священников и учащихся Тираспольской духовной семинарии были также прибалты, грузины, несколько русских, что подтверждало известную истину, что католическая церковь является всеобщей по своей сути, открытой для всех.

Как уже было сказано, католическая община села Каменского была обязана своим возникновением строительству Днепровского завода.

Случай! Как много он играет в нашей жизни. Так и осталось бы Каменское невзрачным селом, сонно баюкающим себя смутными воспоминаниями о себе же, как о зимовнике запорожских казаков. Но в 1885 году находящийся на грани банкротства Варшавский сталелитейный завод, расположенный в Пражском предместье польской столицы, объединил капиталы с бельгийским акционерным обществом «Кокериль» и французскими деньгами и прислал своих представителей в Приднепровье для выбора площадки под строительство металлургического завода.

Грань банкротства Варшавского сталелитейного завода обуславливалась не тем, что польские рабочие-металлурги плохо работали и не тем, что управляющие заводом плохо им управляли. Причина была в другом. В 1876 году русским правительством были изданы указы, касающиеся поощрения российского товаропроизводителя и российской металлургической промышленности и заключающиеся в запрещении ввоза рельс иностранного производства, а также назначении премии за стальные рельсы, произведенные на русских заводах из русского чугуна. К числу заводов, выделявавших рельсы из покупного чугуна, принадлежал и Варшавский сталелитейный завод, основанный в 1878 году тремя обществами: «Лильпоп-Рау-Левенштейн», Стараховицким и Рурортским. Первоначально доходы общества начали быстро падать, причина чего крылась именно в том, что завод перedelывал покупной германский чугун, премия на который была мизерной, да к тому же в 1884 году и цена на рельсы в правительственных заказах значительно понизилась. Все эти обстоятельства мало-помалу заставили общество прекратить деятельность завода в Пражском предместье польской столицы и перенести его в места близкие к разработанным залежам угля и железной руды. И хотя само Приднепровье было выбрано не случайно, никто не собирался связываться именно с Каменским. Акционеры с самого начала наметились на приобретение обширного участка земли в Екатеринославе. И только когда переговоры по этому вопросу зашли в тупик, польско-бельгийское акционерное общество решило купить землю в селе Каменское, на правом берегу Днепра в тридцати пяти верстах от Екатеринослава. Местная крестьянская община оказалась сговорчивее губернской и уступила обществу 174 десятины земли и сдала в аренду на 99 лет еще 20 десятин под устройство будущей Верхней колонии.

Варшавяне времени даром не теряли и приступили к строительству завода ранней весной 1887 года. Из-под Варшавы в Каменское было привезено оборудование сталелитейного предприятия, а приехавшие рабочие, мастера, служащие селились на двух участках-террасах, получивших название Верхняя и Нижняя колония. Верхняя колония – аристократическая часть Каменского – предназначалась для администрации завода, инженерно-технических работников, служащих, интеллигенции. Здесь же располагались общественные здания, а на Нижней колонии жили семьи высококвалифицированных рабочих и мастеров Днепровского завода. В 1888 году верующие-католики, в основном поляки, объединились в общину, наняв для удовлетворения религиозных потребностей молитвенный дом или каплицу.

В это время первый директор завода немецкий инженер В. А. Бассон был заменен польским дворянином 41-летним инженером-технологом И. И. Ясюковичем, с именем которого и связано строительство, пуск и развитие завода, а вместе с заводом и села Каменского народонаселением в две тысячи душ. Несмотря на свою относительную молодость, Игнатий Игнатьевич имел к тому времени заслуживающий снятия шляпы послужной список.

Глава 4

Инициативная группа

Говорят, что открытие может сделать только тот, кто не знает, что открытие сделать невозможно.

Мне казалось, что восстановление костела в принципе довольно простое дело – нужно только открыть людям глаза, каким-то образом привлечь внимание общественности, руководителей предприятий и властей. Они ужаснутся, потом умилятся, всплеснут руками и

начнут посыпать голову пеплом: да где же мы раньше были и почему не видели такого безобразия? И протянут руку помощи, в которой окажутся деньги, материалы и специалисты, и начнутся реставрационные работы.

После чего на видном месте прибиваем табличку с трогательной надписью, что вот, дескать, стоял себе шестьдесят лет уникальный костел позабыт-позаброшен, чуть не развалился, но, слава Богу, нашлись неравнодушные люди, по инициативе которых... ну и так далее. Я не знал, у вершины какой пирамиды, скрытой чудовищной толщей песка, я стою, принимая вершину пирамиды за детский кубик. Я не знал, что мои фантазии относительно выбранного пути лишь красивая и коварная вывеска перед входом в лабиринт, по которому придется блуждать много лет, и в который я рванул очертя голову.

Первый легкий щелчок по носу я получил после опубликования статьи «Дорога к храму». Время шло, но почему-то ничего не менялось. Эйфория постепенно переходила в растерянность. Я приходил к костелу, набирался от него заряда мужества и решимости продолжать начатое дело, но в голове не было ни одной стоящей идеи, и я все чаще думал, что моя роль в спасении костела на том и кончится.

Но не закончилось. «Дорога к храму» оказалась первым звеном в цепи последующих невозможных случайностей, которые поочередно попросту не могли произойти все вместе, однако произошли. И в этой абсолютной нелогичности, невозможности и абсурдности состоялась какая-то высшая логика, более высокая, нежели логика здравого смысла, и теперь я без тени улыбки думаю обо всем случившемся в дальнейшем, как о промысле Божьем. Потому что статья какого-то оператора прокатного стана из неизвестной за пределами города газеты вдруг взяла и попала в Киевский научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства (НИИТАГ) в руки к специалисту, занимающемуся именно сакральной (духовной) архитектурой. Причем попал весьма замысловатым образом.

Научный сотрудник НИИТАГа Александр Тищенко был призван на военную переподготовку в Киевское зенитно-ракетное высшее инженерное училище. Одновременно с ним в это же училище попадает работник днепродзержинского металлургического комбината Евгений Попов, который, уезжая на офицерские сборы, взял, не глядя из кипы домашних газет именно номер со статьей о костеле. Среди двухсот призванных на переподготовку офицеров судьба свела именно их двоих и однажды, когда Женя Попов разматывал что-то вкусное из газеты, взгляд киевлянина, случайно оказавшегося рядом, попал на архивный снимок Каменского костела. Заинтересовавшись увиденным и прочитав статью, он попросил отыскать автора, то есть меня, и передать свои киевские координаты. В результате нашей переписки, НИИ теории архитектуры сделало представление в днепропетровское областное управление архитектуры с просьбой рассмотреть вопрос о признании днепродзержинского костела памятником архитектуры. Но и тогда, что существенно могло измениться для костела?

Однако чудеса на этом не кончились. Вскоре подоспели выборы в местные органы власти, и коллектив моей бригады сортопрокатного цеха ДМК выдвинул меня кандидатом в депутаты. Я долго упирался, отказывался, но, в конце концов, меня уломали – и в первую очередь предцехком и парторг цеха – и в своей предвыборной программе на одно из первых мест я поставил пункт о восстановлении костела. Избирательная комиссия, неизвестно по каким соображениям (очередная случайность!) определила мне избирательный участок в старой части города, где расположен костел, хотя жил я совсем в ином районе. На выборах большинство избирателей проголосовало за меня, я стал депутатом горсовета и окончательно понял, что костел – это моя судьба.

Я не знал, сколько предстоит перелопатить пустой породы. Передо мной лежало и неудержимо влекло к себе настоящее дело и кроме пустой породы не так уж редко попадались драгоценные крупички удач и встреч с людьми, знакомство с которыми я считаю для себя честью. Иногда я до бесстыдства чувствовал себя счастливым, счастливым прямо сейчас, сию минуту, опровергая собственное определение, что счастье – слово прошедшего времени.

Получив депутатский мандат, я впервые всерьез задумался, что же делать дальше и как на практике реализовать главный пункт предвыборной программы. Поразмыслив, я пришел к выводу, что необходимо записаться в такую депутатскую комиссию, которая могла бы непосредственно влиять на процесс возрождения костела. И второе, – нужно искать единомышленников. Составив такой нехитрый план работы, у меня отлегло от сердца. Среди постоянных депутатских комиссий подходящей оказалась комиссия по культуре и искусству. И на первом нашем заседании, когда мы, перезнакомившись, определяли перспективный план работы комиссии, я внес два своих предложения по сохранению старой части города и восстановлению католического костела. Предложения прошли хорошо, почти «на ура», каждый из нас горел какой-то своей идеей преобразования общества, мы находились в эйфории по поводу собственного избрания в горсовет на первых демократических выборах и откровенно гордились своим депутатством.

Я чувствовал искреннюю поддержку всей комиссии и особый личный интерес самого молодого из нас депутата Юрия Сушко. Он задумчиво пощипывал рыжую бородку и утвердительно кивал головой, в его глазах блестело одобрение.

– Вот и первый единомышленник, – подумал я.

И еще пришло в голову, что если и есть место, где можно найти союзника, то это Народный музей металлургического комбината. Директор музея Михаил Иванович Васильев, фронтовик и старый работник комбината, хорошо знал моего отца, что сразу облегчило разговор. Я убедился, что протекция и личные связи – великая вещь.

– Ну, ты не первый, кто ломает зубы об костел, – обнадежил меня Михаил Иванович, – до тебя уже были энтузиасты.

Васильев достал папку.

– Вот, смотри: мои обращения в горком партии, в горисполком и куда ты хочешь. И ничего. Но если ты, как депутат, всерьез займешься костелом, я помогу. И добавил.

– Знаешь, Саша, что я тебе скажу. Я – коммунист и в Бога не верю. Но считаю, что раз это был костел, нужно отдать его католикам.

– А если их нет? Сколько времени прошло!

– Есть, можешь мне поверить. Надо только поискать, кое-кого я знаю сам. Вдвоем мы костел не поднимем.

– Почему вдвоем, есть еще Юра Сушко.

– Юра Сушко?

– Да, депутат горсовета.

– Я тебе, Саша, посоветую обратиться в музей истории, там директор Нина Цыганок, она тоже болела костелом. Вот нас уже будет целая группа.

– Инициативная группа по спасению костела... – пробормотал я.

– Точно. Как ты сказал? Я себе запишу: инициативная группа по спасению костела.

Так родилось название нашей группы, родилось вперед рождения самой группы – такого совершенно неформального, общественного, юридически бесправного существа, которому предстояло запустить механизм восстановления костела. Именно в это время городская газета «Дзержинец» начала печатать серию статей Н. Цыганок под общим названием «Контуры старого города», где в первой же публикации была поднята проблема сохранения католического костела.

«Безусловно, – писала директор музея, – следует хотя бы сегодня, пока еще не все уничтожено, снесено, перестроено, определить историческую часть города, законсервировать в нем строения и при постепенной реставрации придать им первоначальный вид».

Я тут же побежал в городской музей.

– А, знаю! Вы пришли по поводу костела, верно? – опередила меня директор музея.

– Верно! – улыбнулся я, такое начало обнадеживало.

Нина Александровна, худощавая, подвижная женщина, достала из вороха окружающих ее бумаг мою последнюю статью.

– А я вот изучаю вашу статью. Вы пишете... так, так, это не то, ага... что «индивидуальные и коллективные единомышленники в городе есть, нужно только активнее их искать». Я так понимаю, что вы как раз один из них?

– Да, это так, – подтвердил я, и в свою очередь вытащил газету с «Дорогой к храму».

– Это интересно, – сказала Нина Александровна, – мне поручили готовить ответ на вашу статью, с которым бы выступил в прессе председатель горисполкома. Но выборы, смена власти, сами понимаете... им там не до этого.

Следующая сессия городского Совета, на которой избирались руководящие лица исполкома, дала нам еще одного члена инициативной группы по спасению костела: им стала заведующая отделом культуры горисполкома Елена Фесун.

– Я думаю, – сказала Елена Григорьевна, – вопрос сохранения костела можно включить в сферу интересов отдела культуры. Можете рассчитывать на мою помощь. Это однозначно.

И доброжелательно улыбнулась.

Глава 5

Игнатий Ясюкович

Каменское обязано Ясюковичу так же, как Санкт-Петербург обязан Петру Великому, физика – Ньютону, литература – Пушкину. Это не преувеличение, может быть, масштаб сравнения другой, но пропорции те же.

Игнацио (Игнатий-Андрей) Ясюкович родился 1 ноября 1847 года в городе Ковно в польской семье потомственных дворян. После окончания Виленской гимназии в 1865 году он, по примеру многих молодых людей Польши и Литвы, поступил в Санкт-Петербургский технологический институт. Завершив в двадцать два года обучение в институте, и отработав короткое время на Козловско-Воронежско-Ростовской железной дороге, по указанию

Технологического института в 1871 году был командирован Министерством финансов на полтора года за границу для усовершенствования в науках и искусствах. После возвращения из-за границы Ясюкович возглавил строительство Рязанско-Вяземской железной дороги и одновременно (это в двадцать шесть-то лет!) был доцентом кафедры строительства машин в Санкт-Петербургском технологическом институте. В 1874 году, оставив службу на железной дороге, он избирает своим полем деятельности промышленность и работает главным инженером, а в двадцать девять лет и директором Невской фабрики по строительству паровозов и судов. В 1884 году Ясюкович занимает пост главного руководителя знаменитых на всю Россию Путиловских предприятий.

Быстрорастущий, чрезвычайно талантливый молодой руководитель и энциклопедически образованный человек был у всех на виду. Именно с ним связало свои надежды Польско-бельгийское акционерное общество. Изменив свое название на «Южно-Русское Днепро-вское Металлургическое Общество», правление его все же размещалось в Варшаве. В сентябре 1888 года, приняв отставку В. Бассона, ЮРДМО приглашает Игнатия Ясюковича к управлению своими делами и, после согласия последнего, назначает его директором-распорядителем Днепро-вского завода в селе Каменском.

Сейчас уже не имеет значения, в какой последовательности задувались на Каменском заводе домны и запускались прокатные станы. Завод неуклонно рос и превращался в перво-классное предприятие. Ему было предоставлено почетное право участвовать во Всемирной промышленной выставке в Париже 1889 года. Здесь Днепро-вскому заводу присудили Большую золотую медаль, а на Всероссийской промышленной выставке 1896 года в Нижнем Новгороде его наградили Государственным гербом. Ясюковичу удалось создать такой коллектив инженеров и администраторов, добиться таких превосходных экономических результатов, что Днепро-вский завод по праву снискал себе славу лучшего металлургического завода Юга России.

Уделяя громадное внимание Днепро-вскому заводу, Игнатий Ясюкович не менее внимательно относился и к развитию Каменского. Мало будет сказать, что жилье и общественные здания Верхней (да и Нижней) колонии строились по последнему слову жилищно-коммунальной техники, вся застройка Верхней колонии происходила по единому архитектурному плану. Поэтому аристократическая часть Каменского очень быстро приобретала черты уютного, своеобразного, чисто городского района, ставшего впоследствии «центром кристаллизации» превращения села Каменского в настоящий город.

Верхняя колония утопала в зелени, по вечерам дома освещались электричеством, а улицы – электрическими дуговыми фонарями. По улицам разъезжали фаэтоны и верховые всадники. В палисадниках цвели цветы, а по дворам гуляли цесарки и индюки. Район жилых зданий Верхней колонии был впоследствии обнесен высокой каменной стеной с красивым въездом в виде средневековой башни, в воротах которой дежурил городской. С Нижней колонией аристократический район Каменского соединялся «воздушным» мостом на четырёх опорах. На Верхней колонии в своем доме, в окружении так называемого «директорского парка» жил вместе с супругой пани Брониславой Генриховной и директор-распорядитель Днепро-вского завода Игнатий Игнатьевич Ясюкович.

Семейная жизнь четы Ясюкович омрачалась рождением больных детей. За исключением первенца Станислава, остальные трое братьев были умственно отсталыми. Мальчиков возили в коляске по директорскому парку, а иногда и по улицам Верхней колонии. Они бессмысленно тарасились по сторонам и чему-то счастливо улыбались. Каменчане искренне сочувствовали своему директору-распорядителю.

Строительный бум жилых и общественных зданий Верхней колонии начался вместе со строительством завода и продолжался вплоть до революции. Благодаря Ясюковичу, с немалой частью его собственных средств, этот район Каменского украсился зданиями, какими могли бы гордиться и в иных столицах. В первую очередь, это православная Свято-Николаевская церковь, построенная по проекту талантливого архитектора Екатеринославской епархии Леонида Бродницкого на средства рабочих и служащих Днепровского завода, а также управления ЮРДМО на земле, отпущенной крестьянами села Каменское безвозмездно. Церковь, рассчитанная на одновременное посещение до 2000 прихожан, стала одной из самых крупных в Екатеринославской губернии. Внутренняя отделка ее, иконостас, мозаичные полы и прочее могли удовлетворить самый изысканный вкус. Созданная в Каменском церковь и по своему внешнему виду и по внутреннему благолепию являлась, по словам местной газеты «Отклики жизни», «богатым носителем высокой идеи храма, приводя в восторг и умиление людей, даже индифферентно относящихся к вопросам веры».

За ограждением жилых домов Верхней колонии, напротив православной церкви, было построено прекрасное здание Народной аудитории с целью предоставления рабочим завода места для развлечения и образования. В Народной аудитории были открыты библиотека и читальня, в парке Народной аудитории играл оркестр, дважды в неделю проходили театральные представления или концерты в зрительном зале, в котором свободно могло поместиться до 500 человек. В начале на сцене Народной аудитории ставились пьесы любительского репертуара, но впоследствии любители из среды рабочих и служащих с успехом исполняли серьезные драмы и комедии.

Инженерный или Заводской клуб, как позже было сказано в «Описании Днепровского завода» «занимает первое место среди учреждений, имеющих целью доставить служащим возможность приятного препровождения времени и почву для развития общительной жизни». Он был построен по личной инициативе И. Ясюковича и останется одним из памятников его заботливости о своих сотрудниках. Клуб служил местом собраний и увеселений для членов Инженерного клуба, в нем располагались обширный зал с вестибюлем, хорами, сценой, углублением для оркестра, театральные уборные, гостиница. Потолок и стены зала расписывались итальянскими художниками, а акустика среднего зала Инженерного клуба не уступала акустике оперных театров. Это достигалось за счет тонкого знания законов строительства подобных залов и усиливалось благодаря размещению под сценой пустых бутылок из-под шампанского, служивших резонаторами звука. Недаром здесь в 1915 году пел сам Федор Шаляпин! В саду при Инженерном (Заводском) клубе были устроены гимнастические тренажеры, беседки, площадка для игры в лаун-теннис.

Рядом с Инженерным клубом, на краю Верхней колонии, при самом спуске к заводу, размещалась массивная Главная контора Днепровского завода. Со стороны жилых домов передний подъезд Главной или Технической конторы был соединен с улицей бетонным мостом, к которому с двух сторон примыкали две мозаичные лестницы для сообщения с двором, расположенном ниже улицы. На перилах моста были установлены для украшения вазы и две фигуры, символизирующие Промышленность и Торговлю.

Читатели еще ничего не слышали о заводском двухклассном училище с шестилетним курсом обучения, считавшемся образцом подобного рода учреждений, о заводской больнице, медицинское оборудование которой соответствовало новейшим требованиям своего времени, о зданиях мужской и женской гимназии, каких было мало и в городах, о Главном магазине Общества потребителей, зданиях Летнего и Зимнего яхт-клубов. Общественные и жилые здания Верхней колонии Каменского были украшены замечательными, нигде не повторяющимися образцами художественнойковки. А парадная кованая лестница Глав-

ной конторы могла бы оказать честь сооружению любого, самого высокого ранга. Да, редкий инженер, администратор и градостроитель, человек в самом высоком значении этого слова жил в Каменском. И само Каменское обязано ему своей жизнью и дальнейшим развитием.

Глава 6

Первый католик города

– Была бы жива пани Феля – ты помнишь Майкопскую? – она бы тебе все рассказала о костеле, а я что? Я родилась, когда костел уже закрыли, – говорила мне мама, когда я, не зная с чего начать, расспрашивал ее о неимоверно далеком времени.

– Знаю только, что костел внутри был такой красивый, что туда все старались попасть. А еще говорят, там стояла статуя Иисуса Христа, и кто хоть раз ее видел, не мог уже забыть никогда. Если хочешь, я спрошу Тамару Хинцинскую. Старое поколение уже поумирало.

Тетя Тамара тоже конкретно не могла ничего сказать. Единственное, что она помнила из чьих-то рассказов, что фигура Иисуса Христа представляла собой не статую, а лежала в гробу. И сделана она вроде бы из цветного воска. А куда она делась, да кто ж его знает, куда...

– Может, на свечки растопили... Я бы ходила в костел, что ты! Только видать уже не придется.

Все мои знания о костеле сводились к короткому отрывку из книги «Описание Днепровского завода» и тому, что костел был очень красив. Я даже не знал точно, когда его закрыли. И тем более казалось невероятным, что сейчас кто-то вспомнит о том, что представлял собой костел до своего закрытия. Но с другой стороны, помнят же люди о гробе с восковым Иисусом.

Нина Александровна Цыганок, к кому я обратился за консультацией, повела меня в фондохранилище музея истории города. Здесь, в фондах, в невозможной скученности, вплотную друг к другу стояли, лежали, грудились столетние шкафы, пианино, граммофоны, какие-то черепки, стулья, прялки, стеллажи, забитые снизу доверху чем-то неизвестного мне назначения.

– Вот видите, – вздыхала директор музея, – мы вынуждены отказывать в приеме крупногабаритных вещей. Некуда складывать!

В углу комнаты-подвала, под большой полиэтиленовой пленкой, находилось то, ради чего мы спустились в музейную преисподнюю. Хранитель фондов Надежда Сердюк сняла пленку, и я увидел четыре деревянные статуи. В рост человека, раскрашенные цветными красками, когда-то они были необыкновенно хороши. От них и сейчас невозможно было оторваться, особенно поразили глаза: живые, укоризненные, чуть отрешенные и бесстрастные, неземные глаза святых.

– Да, это святые с алтаря нашего костела, есть еще распятие и фисгармония.

Крест, длиной не менее трех метров с распятым на нем Иисусом Христом, лежал на полу, придушенный чем-то тяжелым. Статуи рассохлись, и с них осыпалась краска, а у распято-

го Христа отбилась голова.

– Еще чудо, что они сохранились хотя бы в таком виде, – тихо сказала Нина Александровна, – мы их буквально в последнюю минуту спасли от уничтожения, когда очищались подвалы православной церкви, куда когда-то свезли и свалили остатки костельных реликвий.

– Нина Александровна! – с надеждой спросил я, – а вам ничего не известно о гробе с телом Иисуса Христа? Он тоже был такой красивый и сделан в натуральную величину, но не из дерева, а из цветного воска или гипса.

– Что вы говорите... Как интересно.

– А на Пасху гроб специальным устройством на цепях поднимали для обозрения.

– Нет, ничего не известно. Александр Юльевич, я вас попрошу, вы это все записывайте: кто говорит, как фамилия, потом пригодится, вот увидите. И, наверное, есть смысл попытаться выйти на католиков, что-то должно сохраниться хотя бы в их памяти.

О католиках мы уже думали с Васильевым. Договорились, что я дам информацию на радио и в местных газетах, где расскажу о создании инициативной группы по спасению костела, наших целях и попрошу католиков откликнуться, прийти или позвонить в Заводской музей к Васильеву. Сам Михаил Иванович, порывшись в записной книжке, позвонил старому католику И. Костере, 1903 года рождения и пригласил его в музей.

– Этот дедок дойдет до Папы Римского, вот посмотришь, его нужно только завести.

В назначенный день середины июня 1990 года, когда в ожидании Костеры я сидел у директора народного музея ДМК, Михаил Иванович рассказывал мне о костеле.

– А вот не помните, Михаил Иванович, говорят, в костеле была реликвия – гроб с телом Иисуса Христа.

– Была! – воскликнул Васильев. – Точно! Христос лежал на такой кушеточке, чуть повернув набок голову, и с ладоней и из бока у него сочилась кровь, да...

– А куда же все потом подевалось?

– Саша, ну кто ж теперь скажет, сколько лет прошло. Знаешь, как у нас, что-то разворовали, что-то распаскудили, а что-то может и спрятали. И лежит оно где-то и сейчас.

– Где, например? У людей?

– Где? Да хоть в подземных ходах и старых коммуникациях под Верхней колонией, о которых сейчас никто не знает. В 1946 году, когда я приехал в отпуск из армии, группой подростков был вскрыт подземный ход, ведущий от церкви к заводу, а в нем попы что-то спрятали перед закрытием церкви. Бумаги, помню, кругом были разбросаны. А если и под костелом есть такой ход, почему бы и католикам что-нибудь в него не всунуть?

Ну и ну! Что я слышу! Подземные ходы под Верхней колонией! Кто из нас в детстве не мечтал найти клад? И чтоб там было много-много золота. Кто не бредил подземными ходами, тайниками и лабиринтами? Мы набрасывались на Стивенсона и Майн Рида, под видом флибустьеров входили в доверие к капитану Флинту, спасали гордую дочь Монте-сумы и проходили по московским подземельям в поисках библиотеки Ивана Грозного. И только родной город выпадал как-то из поля зрения искателей сокровищ. Ну что же с него возьмешь, кроме чугуна и стали? А тут... подземные ходы и старые коммуникации, о которых сейчас никто не знает! Пока я переваривал услышанное, за дверью раздались шаркающие шаги.

– А вот и Костера, – определил Васильев.

Шарканье ног усилилось, но дверь никак не открывалась. Наконец это произошло, и на пороге возник маленький, седенький старичок, весь трясущийся, в шляпе, которая когда-то была синей, в лоснящемся пиджаке и медалью на нем. Он задрал голову, но глядел вниз из-под толстых выпуклых очков, державшихся против всяких законов физики на кончике его носа. В руках Иван Иосифович Костера держал палку, но, переставив ее за порог, никак не мог переступить через неожиданную преграду в виде вышеназванного порога. Я бросился к нему и, взявши ветерана под локоть, попытался помочь.

– Пустите меня! Кто вы такой?! – неожиданно закричал Костера. – Отойдите, отойдите от меня!

Я отпрянул в сторону, а Иван Иосифович, преодолев порог, направился к ближайшему стулу, успешно пройдя двухметровый путь за две минуты. Усевшись на стул, он спросил у Васильева:

– Миша, кто это меня хватал?

– Это наш депутат, Саша Слоневский, он хочет восстановить костел.

– Что? Говори громче!

– Это наш депутат, говорю, он хочет восстановить костел.

– Бандиты! Бандиты! – разволновался Костера. – Они закрыли костел, а меня исключили из партии. Бандиты! Миша, кто это меня хватал?

– Это я, Иван Иосифович, моя фамилия Слоневский, я хочу восстановить костел.

– Что? Депутат? Хорошо, не кричите. Бандиты! Я в костеле играл на органе и пел в хоре мальчиков. Но в партии меня все равно восстановили. Через пятьдесят лет, а восстановили. И извинились! Не надо мне их извинений.

– Иван Иосифович, расскажи, есть ли в городе католики?

– Католики? Сколько угодно! Я первый католик и играю на пианино, я под настроение и станцевать могу. Миша, бери депутата, и поехали на ту сторону, покатаемся на катере, по сто грамм выпьем. Я им взносы за пятьдесят лет заплачу, пусть им стыдно станет. Бандиты!.. Миша, кто это меня хватал?

Ничего толком не добившись от «первого католика города», но на всякий случай, записав его адрес, мы стали ждать появления других католиков. Результат оказался явно ниже того, на что рассчитывал Михаил Иванович.

По прошествии трех недель, когда ждать дольше уже было бессмысленно, к нам, не считая И. Костеры, обратились всего шесть человек: Л. Павлюченко, А. Квятковская, А. Каминская, С. Делянова, З. Балашова и В. Запорожец. Сам же я решил встретиться с отцом Александром Свидуновичем, настоятелем православного Свято-Николаевского собора.

– Ты сходи к Свидуновичу, – не раз говорил мне Васильев, – интересный мужик!

Отец Александр был у себя. Он напоминал какого-то характерного героя, может быть Ивана Грозного, – черные с проседью волосы, борода, загнутая клином, пронзительный взгляд темных глаз, необычайная уверенность в себе, подавляющая окружающих.

Увидев его, заохали старушки-богомолки: «Отец Александр! Отец Александр!» – и враспынную бросились кто куда, когда мы с настоятелем, прохаживаясь у церкви, поднимались по ступеням, ведущим вовнутрь храма.

– Какое ваше отношение к возможному возрождению костела, как католической церкви?

– С католиками у нас нет противоречий. И ни я, ни моя паства не будем возражать против открытия костела. Я даже скажу, что ко мне ходят причащаться некоторые католики, которым больше некуда податься, я им, конечно, не отказываю. Если у вас что-нибудь получится, я думаю, у нас установятся нормальные христианские отношения.

– Отец Александр, об этом еще трудно говорить – получится или нет, может быть и не удастся воссоздать католическую общину. Но вот в газетах прозвучало предложение передать костел автокефальной церкви.

– Автокефалистам?! Нет! – Отец Александр совершенно неожиданно для меня пришел в явное возбуждение. Он с жаром заговорил об абсолютно непонятных мне вещах, о каком-то поместном соборе четырехсотлетней давности, где произошло что-то ужасное. Он говорил о нем так, будто все произошло на прошлой неделе, и отец Александр лично участвовал во всех его перипетиях. Я понял только одно, что случайно нажал какую-то болевую точку.

Раздумывая о происшедших событиях и не торопясь давать им окончательную оценку, но, все же более склоняясь к мысли, что католическую страницу в повести придется закрывать, я встретил на улице свою школьную учительницу, нашу любимую Диану Афанасьевну. Несмотря на то, что прошло уже почти двадцать лет после окончания школы, мы всегда с удовольствием останавливались при встрече, чтобы немного поболтать.

– Ну, как успехи, как костел? Скоро пригласишь на службу? – с юмором спросила Диана Афанасьевна своим чуть хриловатым голосом. Я принял ее тон и ответил:

– Конечно! Осталось всего ничего – восстановить его и найти гроб с телом Иисуса Христа, который в последний раз видели лет шестьдесят назад.

– Почему шестьдесят? Я видела его тридцать лет назад.

– Видели, вы? – мой шутливый тон исчез в одно мгновение.

– Да, очень запоминающаяся вещь!

– Но где же вы могли его видеть?

– Я не знаю, как это называется правильно: часовня или каплица, но я там племянницу крестила. Это дом за городским парком, то ли на Арсеничева, то ли на Красноармейской, уже не помню. В глубине двора стоял флигель, а в нем и помещалась каплица. Там я и видела гроб с Иисусом Христом, а еще иконы висели, распятие.

Посвятив в свое расследование Юрия Сушко, мы отправились по указанному адресу, втайне надеясь найти там гробницу Тутанхамона. Но надежды были напрасны. Владелицы не оказалось дома, а соседи рассказали, что каплицу прикрыли еще в конце пятидесятых годов, когда умерла ее хозяйка Стефанкевичева. Куда потом все исчезло, они не знают, но мы можем спросить у Алины Игнатьевны Селянской, она живет здесь неподалеку.

Несколько дней кряду я не мог напасть на Алину Игнатьевну, потом мы все же встретились, и я расспрашивал ее о костеле, каплице и католиках.

– После смерти пани Стефанкевичевой мелкие вещи – подсвечники, иконы – разобрали верующие. Крупные – статуи святых Антония, Войчеха, большое распятие – передали, кажется, в музей. А где гроб с Панем Езусем, нет, не знаю.

– А кто бы еще мог рассказать обо всем этом?

– Брат моего покойного мужа или Крживицкие Анна и Хелена, кое-кто еще остался.

Ага! Значит, кое-кто остался! Запишем для памяти.

Глава 7

Костел

В 1891 году будущий Российский Император Николай II находился в Японии. 29 апреля в городе Оцу на него напал местный жандарм, фанат-террорист, нанеся Николаю ножевые ранения. Наследник престола серьезно не пострадал, но потерял много крови. Покушение на царевича Николая, всколыхнувшее всю Россию, произошло накануне праздника перенесения мощей святого Николая из Мир Ликийских в итальянский город Бари.

Игнатий Ясюкович немедленно выступил с инициативой постройки в Каменском двух христианских храмов: православного и католического, соединив в них имя святого Николая, почитаемого как православием, так и католичеством, с именем царевича Николая. Оба строительных комитета возглавил директор-распорядитель Днепровского завода. Постановление собрания было направлено министру внутренних дел И. Дурново, который лично передал его самому Императору Александру III.

Говоря объективно, католики более, нежели православные, нуждались в построении собственного храма. В Каменском и прилегающих к нему селах – Романково, Тритузном, Карнауховке, Таромском – функционировали церкви, окормливающие Словом Божиим православных христиан. У католиков же храма просто не было, они уже третий год продолжали ютиться в молитвенном доме, который не вмещал всех желающих участвовать в Литургии. Однако объективность не всегда тождественна целесообразности. Игнатий Ясюкович, как мудрый человек и здравомыслящий руководитель, прекрасно понимал важность мирного сосуществования представителей разных вероисповеданий в таком конгломерате, каким являлось многонациональное Каменское. Даже Екатеринославский губернатор Д. Мартынов, крайне негативно относящийся к присутствию в губернии большого количества поляков (хотя они, строго говоря, не являлись иностранцами), положительно оценивал деятельность И. Ясюковича на посту директора, подчеркивая его гуманизм, благодаря которому антагонизма на заводе между местным и пришлым населением не наблюдалось.

На Днепровском заводе состоялось собрание рабочих и служащих-католиков, на котором было принято решение о перечислении 1 % зарплаты на строительство костела, сохраняя капитал на спецсчете в заводской кассе. Таким образом был образован фонд в 120.000 рублей на постройку храма. Часть расходов взяло на себя ЮРДМО. Содержание одного священника, органиста и прислужника было решено отнести на счет рабочих и служащих. В то время на Каменском заводе трудилось 600 католиков. Общая же численность верующих католического вероисповедания, учитывая членов семей заводчан, составляла гораздо более внушительную цифру. Место для будущего храма решили купить у сельчан Каменского. Уполномоченные по строительству костела подали прошение на имя Екатеринославского губернатора о строительстве храма – будущего филиала Ямбургской римско-католической пафии.

Однако только через четыре года все бюрократические препятствия были устранены. На новом общем собрании католики Каменского решили безотлагательно приступить к возведению храма. И в сентябре 1897 году через шесть лет после принятия решения о строительстве католического храма, на довольно обширном участке вблизи заводской больницы завершено возведение «Каменской приходской церкви во имя Святителя Николая» или костела Святого Николая, ставшего еще одним украшением Каменского. Проектировал костел и наблюдал за его постройкой архитектор Хорманский. Зодчий решил задачу возведения католического храма по типу готических соборов средневековья. Костел представил собой сооружение базиликального типа с двумя 33-метровыми башнями по восточному фасаду, а с высоты птичьего полета представлял собой лежащий на земле латинский

крест. Значительное внимание в архитектуре здания Хорманский уделил главному фасаду, где расположен портал центрального входа с двумя «готическими» дверями. Над центральным входом приковывало взгляд огромное арочное окно, превосходящее по площади двойные входные двери. В площадь окна вписаны четыре более мелкие стрельчатые окна. Средняя часть фасада завершалась выразительным треугольным щипцом с крестом над ним. А кресты над двумя башнями, сделанные из черного металла, как бы плыли в небе над костелом. Дождевая вода разбрасывалась от башен через водосточные трубы, выполненные в виде горгулий. (Горгулья – в готической архитектуре рыльце водосточной трубы в образе фантастической фигуры).

Через четыре боковых шестиметровых стрельчатых окна и двадцать семь малых окон-бойниц костел наполнялся светом. По специальным водонагревательным каналам, проложенным в толще стен, храм нагревался в зимнее время теплым воздухом от печи, расположенной под костелом. В звонницах башен установили раскачивающиеся механически колокола: тридцати и сорокапудовый колокол в правой башне, и пять меньших колоколов в пять, десять, пятнадцать, двадцать и двадцать пять пудов в левой. Каменской костел сложен из так называемого желтого черкасского кирпича и покрыт оцинкованным кровельным железом. Храм рассчитан на одновременное посещение пятисот прихожан. Внутри костел был преисполнен всеми атрибутами католической церкви: деревянным распятием и фигурами святых, установленных в нишах алтарной части, мраморной фигурой Девы Марии, иконами, резным амвоном, канделябрами, деревянными дубовыми скамьями и двумя исповедальнями, органом и позолоченной бронзовой люстрой.

В дневниках польской писательницы Марии Гурской под общим названием «Когда бы меньше любила», хранящихся в Варшавской Народной библиотеке, существует любопытная запись, относящаяся к 1897 году. В ней говорится о посещении Гурской знаменитого польского художника Юзефа Хелмонского. Последний пользовался такой прижизненной славой, что очень часто его называли просто Мастером, даже не употребляя при этом фамилии. Итак:

«Я была невероятно заинтересована новой картиной, о которой уже все говорили. Выбравшись к Мастеру, застали его за работой. Икона практически завершена, и о ней уже можно судить. Это его первая работа на религиозную тему, сделанная на заказ. Он должен был приспособливаться к указанным ему размерам, и мы увидели огромную вещь, высотой четыре метра. Икона представляла собой Матерь Божью Ченстоховскую в длинном голубом плаще. Лицо и композиция чудеснейшим образом выдержаны в византийском стиле, лишь черты Богоматери иные. Лицо ясное, голубые глаза, фигура, как прекрасное видение. Под ее плащом, ибо ног не видно, открывается прелестный польский пейзаж: селения, кресты, засеянные поля. Матерь Божья как бы плывет в небе над этим пейзажем и обнимает его. Ее фигуру окружает светлая радуга, которой окончательно проясняется пейзаж. Вся икона превосходна. В ней виден настрой глубоко верующего человека, его духовная приподнятость. Но к несчастью, эту икону никто никогда не увидит. Ибо уходит она за Днепр в Каменское, в металлургическую фабрику Рау, где польские рабочие, подговоренные директором Ясюковичем, собрали деньги и за 300 рублей золотом заказали икону для большого алтаря местного костела». (В. Рау – один из учредителей Днепровского завода в селе Каменском.)

Но данная икона никогда не украшала главный алтарь Каменского костела. Алтарная часть представляла собой деревянную копию фасада с башнями, в нишах которой помещались скульптуры святых. В центре алтарной части находилось распятие работы М. Стадницкого, вырезанное в том же 1897 году специально для открывающегося в Каменском костела. И все же икона Юзефа Хелмонского прибыла в Каменское и украсила так называемый «нижний костел», где был размещен алтарь Матери Божьей Ченстоховской.

Первым настоятелем Каменского костела Святого Николая стал ксендз Гиацинт Левчак. Он родился в 1831 году, рукоположен в священники в двадцать один год от роду и к моменту завершения строительства католической церкви в Каменском находился в возрасте шестидесяти шести лет. Вместе с ксендзом Левчаком в приходе в разное время работали священники Шепотовский, Кеверлейн, Коморовский, Врублевский, Шамнес, Игнатий Довблис и викарий Оттон Бем. Достоинство отслужив в Каменском, Гиацинт Левчак впоследствии был направлен в 1900 году в Одесский деканат, где получил почетную, но необременительную должность викарного священника филиальной церкви во имя святого Климента Первого Папы.

Открытие костела 14 мая 1898 года собрало, кажется, все Каменское. Яну Кальвасинскому с женой Вероникой и детьми Леоном и Бронексом еле удалось протиснуться вовнутрь после крестного хода вокруг костела. Торжественно звонили колокола, установленные в звонницах башен: тяжелые базили из правой башни, а пять меньших колоколов вторили им слева. Бронек все пытался понять, где сидит этот дядя, который дергает за веревки колоколов.

— Нет там никакого дяди, — сказал ему отец, — колокола раскачиваются механически.

Что такое «механически» Бронек не очень хорошо понял, но подумал, что было бы недурно слазить наверх башни и самому все посмотреть. Зайдя в костел, окропившись из большой чугунной чаши с освященной водой и пройдя через двери остекленной деревянной стенки, отделяющей зал от парадных дверей, Кальвасинские с огорчением обнаружили, что сидячих мест уже давно нет. Двадцать четыре двойные скамьи из черного полированного дуба, симметрично расставленные четырьмя блоками, были мгновенно заняты или забронированы за почетными гостями. Пришлось стать около бокового алтаря Сердца Иисуса рядом с высоким красивым резным амвоном.

— Зато проповедь будет хорошо слышно, — сказала Вероника.

Кальвасинские огляделись. Да, это настоящий костел! Совсем как в Польше! Через разноцветные стекла окон в зал проникало солнце, раскрашивая храм в желтые, синие, зеленые, красные тона.

— А люстра! Люстра какая! — восторженно шептала Вероника мужу.

— Вижу, — довольно отвечал Ян Кальвасинский.

— А плитки на полу! — совсем шаги заглушают, даже если на каблуках.

— Погляди — Дева Мария, чудо!

На треугольном столике в углу костела вблизи главного алтаря стояла необыкновенно красивая белая фигура Марии, высотой около метра. В противоположном углу близ входных дверей на стене была привинчена также белая мраморная доска, с надписью, гласившей, что Каменская Приходская церковь во имя Святого Николая, сооружена в 1895-97 г.г. по инициативе директора-распорядителя Днепровского завода Игнатия Игнатьевича Ясюковича на средства рабочих и служащих Днепровского завода при участии Металлургического Общества.

— А это кто в первом ряду, Ясюкович?

— Тише, услышат...

В это время серебряно зазвенел колокольчик, и костел наполнился торжественными зву-

ками органа.

На открытии костела побывал корреспондент варшавского журнал «KRAJ» («Родина»), и в номере 22 за 1898 год была опубликована статья под названием «Каменское в мае».

«Несколько лет назад о селе Каменское на Днепре Екатеринославской губернии никто ничего не знал и не слышал. Пока не возникло акционерное общество ЮРДМО. Выросла здесь могучая металлургическая фабрика, а также чудесные домики для рабочих и большие кирпичные дома для фабричных служащих, больница, школа. Как бы по мановению волшебной палочки зазеленели на пустырях садики пред домами, а улицы зацвели белыми акациями.

Со всех сторон стали прибывать с женами и детьми специалисты и не специалисты, поступаая на службу крупного капитала, чтобы поймать удачу либо работать ради хлеба насущного. Среди прибывших была значительная часть поляков, которые увеличивали число новых бедняг, нуждающихся в хлебе. Одни среди них нашли здесь свой хлеб насущный, другие – более или менее достойное существование, но нашлись и такие, кто очутился еще в более трудном положении.

Задания и стремления капитала не имеют ничего общего с религиозными чувствами его слуг. Наша техническая интеллигенция, говоря в общем, является либо старается быть похожей на людей положительных и практичных: она равнодушна к религиозным делам и всему, не связанному с техникой или заводом. Умножение капитала путем увеличения продукции и уменьшения себестоимости – вот девиз современной буржуазии, имеющий мало общего с девизами человечности и недостаточные для простых людей, которые единое наслаждение и утеху в жизни черпают в тихой молитве либо набожной песни, напетой матерью над их колыбелью. Их сердца вскоре после прибытия в низовья Днепра затосковали за тем, что дает негу в труде и успокоение в тоске, затосковали по совместной молитве, за верой нашей католической. Об удовлетворении этих стремлений первыми задумались рабочие Днепровского завода, меньшие в этом мире.

В первые годы своего пребывания на берегах Днепра они чувствовали себя разбитыми, как после бури, и своими силами за свой счет устроили старого священника в частном доме, соорудив там каплицу. На протяжении восьми лет она служила местом совместной молитвы, где священник благословлял их супружества, крестил детей и молился о вечном мире для умерших. Чтобы не платить довольно высокую квартплату (50 рублей в месяц) и иметь собственное соответствующее помещение каплицы, католики Днепровского завода решили составить определенную квоту и построить собственный молитвенный дом на фабричной земле. Эта мысль нашла положительный отклик в среде католического населения, а потом в совместном решении строительства в Каменском костела.

23 июня 1891 года на собрании, созванном фабричной администрацией, было принято постановление уведомить власти о решении трудящихся католического вероисповедания просить дозволения о строительстве в Каменском католического костела во имя Святого Николая. Одновременно собравшиеся приняли решение перечислять в фабричную кассу ежемесячно один процент от своего заработка. Прошло несколько лет, пока пришло позволение на строительство костела и получена от Каменского Сельского общества одна десятая земли вблизи фабричных домов. После получения правительственного разрешения на новом собрании католики постановили удвоить взнос и безотлагательно приступить к строительству костела. И 17 сентября 1895 года состоялось освящение первого (краеугольного) камня. Уже через два года, практически в тот же день, верхушки двух башен увенчались крестами.

Каменской костел, построенный из так называемого черкасского кирпича в стиле напоминающий готический, имеет две резные двери из натурального дуба, а внутри из такого же дуба и в таком же стиле алтари: большой с распятым Христом и два боковых – Святого Николая и Святой Варвары. К стилю алтарей приспособлены: орган, амвон, конфессионал (исповедальня – авт.), лавки – все дубовое, солидное, с позолотой, в прекрасном вкусе. Пол в костеле плиточный, ксилолитовый. Под перекрытием срединного нефа помещена прекрасная бронзовая позолоченная люстра. Такая же лампада горит перед санктуарием (дарохранительницей – авт.), а канделябры на алтарях – также бронзовые – отличаются благородным стилем.

Кроме верхнего, есть еще нижний костел, предназначенный к погребальным церемониям. Там установлен алтарик Матери Божьей Ченстоховской, тот самый, пред которым каменские католики молились ранее в своей убогой каплице. Костел стоит в степи, его окружает сквер с деревьями и высеянной травой. В глубине за костелом расположен красивый одноэтажный домик из шлакового кирпича, предназначенный для жилья ксендза и органиста. За домом – хозяйственные постройки. Стоимость строительства составила значительную сумму – девяносто тысяч рублей, собранных почти исключительно работниками завода. В то время, когда акционерное общество выделило лишь семь тысяч рублей.

Кроме постоянных процентов от средств, находящихся в фабричной кассе, поступали также частные пожертвования, сборы, либо поступления от отдельных лиц. Орган, люстра, канделябры, монстранция (дароносица – авт.) и несколько икон были приобретены таким способом. Не называем ни имен жертвователей, ни заслуг строительного комитета, ибо каждый делал, что мог, и что ему диктовала совесть. Бог единый, который читает в сердцах и душах человеческих, воздаст каждому по заслугам. Все, причастные каким-либо образом к строительству костела в Каменском, счастливы, ибо имеют прекрасный храм, построенный их собственным трудом.

Долго, с большим нетерпением все ожидали окончания строительства этого костела и, наконец, дождались. 14 мая сего года состоялось большое торжество. Ксендз Хартман из Мариуполя по поручению саратовского епископа освятил новый костел. С самого утра празднично одетые люди начали собираться около нового Божьего дома, который купался в лучах весеннего солнца. В этот торжественный день на башнях костела в первый раз зазвучали колокола, а на хорах – орган, а во время богослужения в первый раз разнеслось с амвона по костелу Слово Божие, провозглашенное ксендзом Андржейковичем. С хоров полилась трогательная песнь.

Взволнованные толпы упали на колени, и из тысяч глаз полились слезы благодарения, которые оживляющей росой упали на сердца верующих. Ощущение великой любви и молитвенный настрой объяли всех – мужей и невест, стариков и детей. От алтаря с дымом кадил шли молитвы священников, от колоколов – медные голоса, из сердца – набожная песнь, из души – молитвенные вздохи. И соединялись они под куполом костела, а оттуда разносились к небу великой молитвой благодарения, отголоски которой подхватил ветер и разносил вдаль...»

Глава 8

Первые шаги

На одной из первых сессий горсовета от имени комиссии по культуре был подготовлен депутатский наказ в днепропетровский областной совет. Идея эта была не моя, но, как говорится, тоже хорошая.

Инструктор орготдела Михаил Живаев сделал объявление, что если у депутатов есть проблемы, решение которых невозможно на местном уровне, их можно оформить в виде депутатских наказов и отправить в область.

– Пока еще не поздно и облсовет еще не сформировал титул депутатских наказов, – многозначительно добавил Живаев.

Я тут же набросал свой наказ, положив в его основу письмо киевского института теории градостроительства днепропетровскому областному управлению архитектуры.

Депутатский наказ

В г. Днепродзержинске, по ул. Коваленко, 3 (избирательный округ № 52) находится здание, представляющее большой интерес, как одно из немногих сохранившихся на территории Центральной Украины зданий католических костелов. Здание было построено в 1897 году по проекту архитектора Хорманского.

В настоящее время на территории двора костела и в самом здании находятся: кооператив «Дизайн» металлургического комбината, морская школа ДОСААФ, кабинет экстрасенсорного лечения горкома ДОСААФ. Дальнейшей сохранности здания не способствует ведомственная разобщенность арендаторов и придание памятнику не свойственных его назначению функций. Так, к южному фасаду пристроена эстакада, по которой грузовыми автомобилями осуществляется ввоз и вывоз через окно (!) продукции кооператива «Дизайн», внутреннее пространство храма разделено на два этажа, а к центральному входу примыкает трехэтажная пристройка, уродующая храм.

Жители Днепродзержинска (в частности, избиратели 52-го округа) дали наказ – взять здание костела под охрану государства и восстановить его в первоначальном виде. Эти вопросы не могут быть решены в полном объеме местными советами, поэтому мы обращаемся в облсовет с наказом и просьбой: подготовить и передать в облисполком проект решения для взятия этого объекта на государственный учет в качестве памятника архитектуры местного (республиканского) значения; создать компетентную комиссию по определению затрат на реставрацию костела; помочь средствами и специалистами для восстановления первоначального вида костела, включенного Украинской Советской Энциклопедией в Словарь к Своду памятников истории и культуры народов СССР (том по Днепропетровской области).

Промедление в восстановлении костела с каждым годом увеличивает сумму средств, необходимых для его реставрации.

Далее стояло шестнадцать подписей депутатов, в том числе восемь подписей депутатов облсовета. Я мог с удовлетворением признать, что неплохо потрудились и начал уповать на областную Советскую власть нового созыва. В течение последующего года я всячески делал ссылки на этот депутатский наказ в местной прессе и в личных беседах с официальными людьми, ждал результата, пока однажды не столкнулся в коридорах горисполкома с Сергеем Злючим, членом нашей комиссии по культуре.

– А, Саша! – приветствовал меня Сергей, работавший в то время в исполкоме, – все хочу передать тебе один документ, да все забываю.

И он пошел куда-то наверх и принес мне наш депутатский наказ со всеми подписями.

– Где ты его взял? – поразился я, – ведь я же его передал для отправки в Днепропетровск!
– В столе валялся. А сейчас надо было перенести стол в другой кабинет, я его открыл, гляжу – наказ, ну, думаю, дела. Выходит, тот, кому ты его передавал, всунул наказ в стол и забыл о нем. Я бы на твоём месте вставил ему хороший пистон.

Но пока я ничего об этом не знал и мысленно пожинал будущие плоды депутатского наказа. На сессии горсовета по предложению Нины Александровны Цыганок мы начали сбор средств на восстановление костела. Звучало, конечно, сильно.

Мы уже договорились с Цыганок, что гонорары от статей, посвященных костелу и вопросам возрождения культуры, мы будем переводить на счет костела, и надеялись, что нашему примеру последуют и другие. Сбор средств на сессии заключался в том, что около взятой в отделе культуры керамической вазы были поставлены два снимка костела – архивный и современный, – а на листе из альбома для рисования довольно самонадеянная надпись гласила: «Сбор средств на восстановление костела».

Естественно, это был пропагандистский, а не практический шаг, задача которого состояла в том, чтобы депутаты хотя бы узнали, что в городе есть полуразрушенный красавец-костел, и кто-то решил возратить его к жизни. Одни депутаты равнодушно проходили мимо вазы, другие с любопытством или озабоченностью разглядывали фотографии, а иные – кто искренне, а кто из нежелания казаться ретроградом – бросали в вазу рубли и трешки.

Среди депутатов было немало руководящих лиц, что, конечно, облегчало задачу установления контактов «в верхах», от которых зависело оказание практической помощи костелу. Я переполнился иллюзиями «блицкрига» и рассчитывал, что, перезнакомившись с депутатами-директорами, можно попросить собраться их всех вместе, изложить суть вопроса, они обсудят, как лучше восстановить костел (директора все-таки!), скинутся по кругу и дело пойдет. И начинать я решил с самого-самого верха – первого секретаря горкома компартии.

Леонид Васильевич Дубров еще совсем недавно занимал высший должностной пост города – председателя горисполкома и был одним из лучших председателей последнего времени. Но горисполком всегда находился в тени горкома, партия являлась средоточием реальной власти и, возможно, именно это обстоятельство побудило Дуброва дать согласие на переход в горком. В то время в коммунистическую идею уже мало кто верил и меньше других сами коммунисты. Как первый секретарь горкома и человек очень авторитетный и влиятельный, Леонид Васильевич стал лидером блока коммунистов горсовета. Я же, хоть и состоял еще членом КПСС, находился в противоположном лагере – демократическом, но надеялся, что это не повлияет на исход нашего разговора.

От горкома партии, находящегося под одной крышей с исполкомом, веяло снобизмом и кастовостью, здесь обитали боги – разумеется, марксистские. В приемной Дуброва, куда я входил не без робости, концентрация тяжеловесной атмосферы партийной непогрешимости достигала запредельной величины. Здесь сейчас никого не было, лишь безукоризненно вышколенная секретарь, вежливо и бесстрастно, безо всякого намека на юмор, сообщала, будто зачитала партийную резолюцию:

– Приходите в понедельник, у Леонида Васильевича сегодня неприемный день.
– Но ведь сегодня вторник! – ахнул я. – Это же ждать целую неделю.
– Я вам повторяю, мужчина, у Леонида Васильевича сегодня неприемный день, приходите

в понедельник.

Пока я пребывал в легком нокдауне и соображал, что же теперь делать, за моей спиной появилось нечто или некто, что превратило гипсовую посмертную маску секретарши в распустившийся розовый бутон.

– Минуточку! – прошептала она и выпорхнула из приемной.

Оставшись один, я, недолго думая, шагнул к обитым дерматином двойным дверям первого секретаря горкома партии и по-партизански проник в его кабинет.

Дубров поднял голову от стола.

– Разрешите? – спросил я.

– Да, пожалуйста.

Я подошел к столу.

– Леонид Васильевич, вы, наверное, м-меня еще не запомнили, моя фамилия Слоневский, я депутат горсовета.

– Садитесь, Александр Юльевич, – ошарашил Дубров знанием моего имени.

Дубров говорил негромко и мягко, слушал внимательно, вникая в корявые слова невесть откуда взявшегося коллеги-депутата. Он совершенно не производил впечатления ортодоксального коммуниста.

– Когда я бываю в Киеве, обязательно захожу в костел, где расположен зал органной музыки, это непередаваемые ощущения... Я определенно высказываюсь за то, чтобы наш костел тоже принял свой первоначальный облик, но вам нужно определиться, что будет в костеле после реставрации. Возникнут вопросы. Например, зал органной музыки – это очень хорошо, но, даже не говоря о том, где вы достанете орган, давайте подумаем, а много ли у нас в городе любителей, и я бы даже сказал ценителей органной музыки? То есть, какова будет отдача костела, как зала органной музыки?

– Ну, костел можно будет использовать более широко, не только как зал органной музыки.

– Да, времена меняются. Вот моя дочь спрашивает: папа, где можно достать Библию? А я не знаю. Кстати, вам известно, что в фундаменте под костелом есть трещина, здание оседает, и одна из башен отклонилась от вертикальной оси?

Дубров нажал клавишу селектора.

– Вызовите ко мне главного архитектора.

.....

Точка зрения, что в фундаменте под костелом есть трещина, была мне уже известна. Несколько дней назад я заходил в костел и разговаривал с руководителем кооператива «Дизайн» Валерием Сириком.

– Костел легче разобрать по кирпичу и заново сложить, чем восстанавливать, – авторитет-

но заявил мне Сирик. – Взгляните на свод, арматура вся проржавела, того и гляди рухнет, а башня отклонилась – невооруженным глазом видно.

Я безуспешно смотрел с разных точек на башни. Глядя с одного места, башня действительно отклонялась в сторону, наподобие Пизанской, но с другого места взор отмечал отклонение совершенно в противоположную сторону, и я подумал, что или мой глаз еще менее вооружен, чем глаз председателя кооператива, или нужно не доверять глазу, а вызывать специалистов. Выяснив, кто я такой, Сирик пробурчал:

– Да мы все плевались, когда читали статью о костеле! Мы что ли его разрушили? Да если бы не мы, он, может быть, уже давно развалился!

Собственно говоря, в статье «Дорога к храму» я ни словом не обмолвился, что именно «Дизайн» довел костел до его нынешнего состояния, речь шла о кощунственности самого факта, что в костеле располагается кооператив. Для «Дизайна», как и для остальных арендаторов, костел был лишь производственной площадью, а никак не храмом, и что им власти выделили, то они и использовали. Это не вина «Дизайна», а трагедия всей нашей системы, с улыбкой на устах взрывавшей храмы во имя светлого будущего, а в оставшихся невзорванных церквях, костелах и синагогах, устраивавшей военкоматы, конюшни, склады, шарикоподшипниковые заводы и кооперативы, как часть грандиозного замысла построения атеистического общества. Отделяя церковь от государства, они отделили закон от церкви. Не ведая, что творят, исполнители уже не задумывались над тем, подо что они отдают храмы Божьи, а арендаторы – где они клепают свои железяки. И конечно, самым определенным образом, присутствие «Дизайна» в костеле не придавало ему благости и физической крепости.

.....

– Но чем же я могу конкретно вам помочь? – продолжил разговор Дубров.

– Леонид Васильевич, вы, как первый секретарь горкома, могли бы выступить с инициативой перед депутатами-руководителями о восстановлении костела.

– Знаете, Александр Юльевич, сейчас это уже не так просто, как было раньше. Но что ж, подготовьте обращение, я его просмотрю.

Закрывая двери кабинета, я увидел округленные глаза секретарши.

– Как вы туда попали? – трагически прошептала она.

– Через дверь, – немного легковесно ответил я.

– Почему я не видела? Почему не поставили меня в известность?

– А зачем? Вы же меня не пускали...

– Дубров меня прибьет.

– Очень жаль, – не очень искренне посочувствовал я.

Имея в запасе такой многообещающий разговор с одним из влиятельнейших лиц города, я, с преисполненным надеждой сердцем, ожидал начала сессии. И перед ее открытием, увидев Дуброва, я пробился к нему и попросил выкроить время для встречи по костелу, на которую я предполагал созвать всех, кого можно.

– Давайте встретимся в большом перерыве, – согласился первый секретарь.

Я помчался к телефону за поддержкой и попросил Цыганок прийти в дом политпросвеще-

ния, где проходила сессия горсовета. С приглашением директоров крупных предприятий произошла осечка. Одних не оказалось в наличии, другие были заняты, некоторых я еще просто не знал в лицо, и к началу большого перерыва мы, с пришедшей из музея Ниной Александровной Цыганок, «держали в руках» лишь одного руководителя – генерального директора производственного объединения «Азот». Когда тот понял, в чем дело и что от него хотят, мы услышали краткую, но энергичную лекцию:

– Вот все идут к Левченко. Будто «Азот» – это бездонная бочка. Дерево срубить – к Левченко, посадить дерево – к Левченко, будто кроме Левченко не к кому обратиться. Я не говорю, что отказываюсь помочь костелу, но эта помощь должна быть предметной. Кому я сейчас буду помогать? Кто хозяин у костела, у кого он на балансе? Начните работы, и я дам вам материалы, а переводить деньги со счета на счет – извините, они у меня не лишние.

Наша затея пахла провалом. К тому же что-то не шел и Дубров. Окончательно поняв, что его уже не будет, мы ограничились общим разговором, что нужно как-то спасать костел и тоже разошлись. Я был зол на Левченко, а на Дуброва просто обиделся. На следующий день, когда мы столкнулись в вестибюле, и я не знал, куда от смущения за него девать глаза и руки, Дубров извинился:

– К сожалению, я вчера не смог к вам подойти. Неожиданно приехали товарищи из области, и я был занят с ними целый день.

Я болезненно переживал неудачу и только потом, успокоившись и обсудив случившееся с Н. Цыганок и Е. Фесун, понял, что наша неудача относительна, и из нее следует извлечь некоторые выводы. Во-первых, нужно вначале определиться, кто будет хозяином костела и как его использовать. Это та точка опоры, без которой нам не перевернуть костел. Во-вторых, никто ничего за нас решать не будет, к деловым людям приходят с готовыми, обдуманными предложениями. И не надо паниковать, нам никто не отказывал по принципиальным мотивам. Зачатки общественного мнения и симпатии первых лиц города скорее на стороне костела, чем против него. И самое главное: нужно признать, что с кавалерийского наскока крепость под названием «костел» не взять, необходимо готовиться к длительной осаде.

Глава 9

Святые

В 1898 году необыкновенные по красоте и духовному воздействию скульптуры украсили вновь построенный костел Святого Николая в Каменском. Столь ответственная работа была поручена искусному резчику по дереву В. Стадницкому. (В настоящей главе даны описания лишь сохранившихся до сего времени скульптур – авт.)

Скульптурами, установленными на самом почетном месте – в алтарной части у большого распятия – стали фигуры святых Николая и Варвары.

Святой Николай, именем которого назван Каменский костел, является одним из наиболее популярных святых Католической и Православной Церквей. Родился около 270 года в городе Патара в малой Азии, как единственный вымоленный ребенок своих родителей. С детства отличался набожностью и впечатлительностью к человеческим бедам. Избранный

епископом Миры окружал опекой людей убогих, помогая им средствами своего фамильного имущества. Легенда донесла до наших дней рассказ о том, как епископ Николай незаметно подбрасывал троим бедным сестрам подарки, откуда, очевидно, пошла традиция считать св. Николая прообразом Деда Мороза, а на Западе – Санта-Клауса. Во время преследований христиан при императоре Диоклетиане (284-305 гг.) был заточен в темницу, и только эдикт императора Константина (313 г.) вернул ему свободу. Епископ Николай принимал участие в I Никейском Соборе (325 г.), на котором была разбита арианская ересь. Умер епископ Николай в 350 году 6 декабря. В 1087 году, когда Миру завоевали магометане, итальянские купцы выкрали мощи святого и перевезли их в город Бари. При открытии гробницы, в которой находился святой, итальянцы увидели, что его мощи мироточат и буквально плавают в истекающем миро. Это явление мироточения продолжается и поныне. Святой Николай является покровителем детей, купцов, пастырей, узников, пивоваров, нотариусов, мореходов и воинов.

Святая Варвара – девственница и мученица, умерла около 305 года – принадлежит к числу наиболее популярных святых, хотя о земной жизни святой известно не так уж много подробностей. Варвара была дочерью богатого кесарского чиновника Диоскора. Ее руки добивались многие молодые люди, но она всем отказывала, поскольку тайне перед родителями-язычниками приняла крещение и дала обет девственности. Во время преследования христиан при царствовании императора Максимиана (305-311 гг.), ее отец, который узнал о принятии дочерью христианства, в страхе, что потеряет свое положение и богатство, заточил Варвару в башню и принуждал ее к отречению от веры и от данного обета. Когда уговоры и угрозы не помогли, Диоскор лично отвел дочь в суд. Варвара была приговорена к смерти через отсечение головы мечом, а палачом Варвары стал ее собственный отец. Согласно легенде, практически сразу после казни палач-отец был поражен громом и скончался. К святой Варваре молятся как к покровительнице естественной смерти, считается, что тот, кто призывает к святой Варваре, не умрет без Святого Причастия. Кроме того, святая Варвара является покровительницей металлургов и горняков, чем заслужила особое право находиться в Каменском костеле, большинство прихожан которого, так или иначе, были связаны с Днепровским заводом.

3 октября 1458 года у польского короля Казимира Ягеллончика и жены Эльжбеты в краковском дворце Вавель родился сын Казимир. Отец с раннего возраста начал вводить сына в государственные дела и свои династические планы, готовя юного Казимира к роли полководца и короля. Но королевич Казимир, выделявшийся большими способностями, еще более отличался исключительной набожностью, милосердием и стремлением помочь каждому несчастному. Он притягивал к себе людей, пробуждая в них ответную любовь и привязанность к себе.

Весной 1483 года король отослал Казимира в Литву, однако быстрая болезнь сломила молодого королевича, и в возрасте двадцати шести лет он отошел в иной мир. Известие о смерти вызвало всеобщую печаль. Казимира похоронили в Виленском кафедральном соборе, который чрезвычайно быстро стал центром культа святого Казимира. А когда в 1604 году, через 118 лет после смерти королевича, был открыт его гроб, в нем обнаружили не нарушенное тлением тело святого Казимира. Именно потому, что святой Казимир считается одним из главных покровителей Польши и Литвы, его скульптура была заказана для костела Святого Николая в Каменском.

Прекраснолицый молодой королевич – святой Казимир – стоящий в горностаевой мантии, знаке королевского происхождения, абсолютно живыми печальными глазами смотрит на людей, которых он так любил. В правой руке Казимир держит свиток с начертанной на нем молитвой на польском языке: «Боже, дай мне нрав св. Казимира, чтобы мог славить

Тебя с настоящей набожностью и радостью сердца. Аминь».

Еще одна великолепная статуя святого Антония украсила Каменской костел. Будущий великий святой и проповедник родился в 1195 году в семье знатного лиссабонского рыцаря Мартина де Буйона. При крещении мальчик получил имя Фернандо. Он рос живым и непоседливым, и отец не сомневался, что он пойдет по его стопам и выберет рыцарскую стезю. Но в юном возрасте Фернандо принял решение стать монахом и поступил в лиссабонский монастырь святого Викентия. Через несколько лет молодой монах разочаровался в затворнической монастырской жизни. Гибель отца в битве с маврами, а также мученическая смерть в Марокко пятерых монахов-францисканцев, лично знакомых Фернандо, вызвали в нем горячее желание проповедовать Евангелие.

В 1220 году Фернандо стал францисканцем, приняв монашеское имя Антоний. Познакомившись с основателем ордена святым Франциском Ассизким, Антоний по его просьбе был отправлен в удаленный монастырь Монте-Паоло, где он вел ничем не примечательную тихую жизнь, как наконец однажды на празднике в Форли он, к удивлению всех и к своему собственному изумлению, победил в дружеском соревновании всех выдающихся ораторов, как своего ордена, так и ордена доминиканцев. Пламенные проповеди Антония и совершенные им чудеса быстро распространились по Италии, его называли «Светоч ордена». На Сицилии он основал несколько новых монастырей, а затем его избрали провинциалом Северной Италии, где было неспокойно — князья-самодуры воевали друг с другом или разбойничали на дорогах. Понадобилась вся сила ораторского таланта Антония и кропотливая работа его собратьев, чтобы привести людей к миру. Самый кровавый тиран Италии Эццелино да Романо был настолько потрясен смелостью монаха, пришедшего к нему в замок в одиночестве, что отпустил заключенных пленников.

Последние годы жизни святого прошли в Падуе. Антоний был канонизирован почти сразу после смерти — в 1232 году. В 1263 году его мощи перенесли в великолепный собор, который жители Падуи построили в честь святого. При этом оказалось, что язык великого проповедника остался в целостности и сохранности. Святой Антоний считается покровителем бедных и путешествующих. К святому Антонию обращаются как к помощнику в обретении утраченных ценностей. С конца XIX века распространился обычай называть пожертвования на бедных, собранные в церкви — «хлеб святого Антония».

Фигура святого Николая, как и фигуры святых Казимира, Варвары, Антония относятся к так называемым полихромным скульптурам, расписаны серебро- и золотосодержащими красками («золотой лак»).

Но истинным шедевром Стадницкого стала вырезанная из липы фигура Иисуса Христа на кресте. Выполненный в натуральную величину, Спаситель предстал перед взором в момент, когда Он испустил дух, и страдания покинули его. Раны на прибитых гвоздями к дереву ладонях и стопах, как и рана в боку, запеклись кровью, мышцы ног еще в напряжении от нечеловеческой боли, пронзавшей все Его Тело, но лицо Христа уже не выражает мучения. Оно спокойно. Лицо Его наполнено Божественной красотой, кротостью, миром и поразительным одухотворением. Распятие располагалось в центре резной деревянной алтарной части, которая своими очертаниями повторяла очертания башни костела.

Не менее замечательной была и фигура Христа в гробу, выполненная, как и на Распятии в натуральную величину, но изготовленная из гипса. Христос, лежащий чуть на боку, прикрыт пеленами. Кажется, Он уснул и лишь раны на Его Теле свидетельствуют, что Он еще недавно висел, прибитый к кресту. Гипсовые пелены кажутся воздушными и прозрачными, сквозь них отчетливо проступают очертания Иисуса. Потрясение от созерцания Гроба

Господня усиливалось еще и от того, что он, как того требует католическая традиция, показывался лишь раз в год в канун Пасхи в Страстную Субботу. Гроб с телом Иисуса Христа, закрытый стеклянным колпаком, устанавливался в малом алтаре Сердца Иисуса. Гроб охраняли две фигуры римских стражников в шлемах и с копьями. Все пространство около гроба украшалось цветами, зажигались свечи, и выставлялась монстранция. От Христа веяло такой грустью и печалью, что все суетное уходило куда-то за пределы сознания. Человек погружался в скорбь по Тому, кто добровольно пошел на смерть за всех – праведников и грешников, хороших и подлецов. Приходило чувство раскаяния и стыда за свое несовершенство и одновременно наступало состояние очищения, душевного подъема и стремления изменить себя к лучшему.

Поглядеть на Христа в гробу приходили не только католики. В костел шли и православные, и лютеране, и даже иудеи. К вечеру Страстной Субботы гроб накрывался тканью, скрывая его от глаз прихожан, и извлекалась другая фигура – Христа Воскресшего. Когда утихала Пасхальная суматоха, когда все, целуясь, перепоздравляли друг друга и себя словами «Христос Воскрес!», тогда гроб с Телом Иисуса Христа водворялся на свое место – в специальную нишу, расположенную в алтаре Сердца Иисуса – до следующих предпасхальных дней.

Глава 10

«Спассти и сохранить»

– Ну, дает! – прыснул кто-то из депутатов, когда в одном из перерывов пленарного заседания нам показывали видеофильм по экологии, снятый Олегом Кондратьевым. С экрана телевизора то и дело ехидно наезжала коммунистическая символика и партийные лозунги на фоне застилающего небо мутно-серого дыма, прущего из труб аглофабрики. Фильм смотрелся хорошо. Сделанный весело и зло, от него так и веяло взрывными идеями, про- низывающими в то время общество. В Днепродзержинске так еще никто не снимал. И со- ответствующий канал моего подсознания, постоянно настроенный на «костельную вол- ну», немедленно выдал сигнал: а почему бы не снять фильм о костеле, да не показать его депутатам? Дело облегчалось тем, что Олег Кондратьев снимал свои фильмы с женой Ириной, корреспондентом газеты «Знамя Дзержинки», которую я хорошо знал.

Я пришел к Кондратьеву в цех связи металлургического комбината и предложил отснять фильм.

- Что ж, это можно, – не торопясь, ответил Олег, – только фильмы так не снимаются.
- А как?
- Фильмы снимаются по сценарию.
- А нельзя в начале отснять материал, а потом смонтировать из него фильм?
- Нельзя.
- Но где ж его взять, этот сценарий?
- Не знаю. Без сценария я снимать не буду. Я должен знать цель фильма, общий замысел и детали, последовательность событий, все.
- Но кто же напишет этот сценарий? – допытывался я у Кондратьева.
- Ты и напиши, – хладнокровно ответил он.
- Я? Но я никогда не писал сценариев?
- Ну, напиши рассказ, – смилостивился Олег, – а мы потом подгоним.

Озадаченный, я направился в музей к Васильеву. Михаилу Ивановичу идея фильма понравилась.

– Для истории будет очень интересно. Можно показать не только костел, но и Верхнюю колонию, и старые цеха завода.

Старые цеха завода как-то не входили в мой замысел, но в данный момент мысли были заняты другим.

- Кто напишет сценарий, Михаил Иванович?
- Я напишу.
- Вы?
- А чему ты удивляешься, думаешь, не напишу?
- Ну, не знаю...
- Заходи через неделю, я тебе такой сценарий дам!

Через неделю я действительно держал в руках листки, мелко исписанные рукой директора народного музея ДМК и озаглавленные: «История старой части нашего города». Это было то, что надо и одновременно не совсем то. С исторической точки зрения все излагалось безукоризненно, но сугубо историческая концепция фильма, предложенная Васильевым, существенно отличалась от того, что хотел выразить я: создать не учебное пособие по истории города, но показать старую часть в развитии, а точнее в упадке. И постараться это сделать более эмоционально, сконцентрировавшись на мысли, что исторический район и в особенности костел нужно спасать. Но как основа, фундамент для нашего фильма, работа М. Васильева оказалась бесценной.

Я поделился сомнениями с Юрой Сушко, и он с энтузиазмом предложил свою помощь в качестве сценариста, и вскоре я держал в руках вариант сушковского сценария. По замыслу Юрия получался почти игровой фильм. Сушко выписывал эпические сцены, в которых католики, как первые неопиты, спасали свои реликвии и на плечах, в темноте, несли из подземелий Верхней колонии распятие с главного алтаря и деревянные статуи святых и прятали их от коварных властей. Далее по сценарию шли впечатляющие сцены пивбара и вытрезвителя, где перед потрясенным зрителем проходила вереница деградировавших, отвратительных лиц алкоголиков, что еще раз подчеркивало, как низко мы пали, и как нам нужно восстановить Верхнюю колонию и в особенности костел.

Почесав в затылке, я окончательно решил писать сценарий сам.

Когда мой рассказ лежал на столе Кондратьева, и Олег дал согласие на съемки фильма, настал черед получать добро у руководства ДМК. Ведь камера, которой пользовался Олег, как и студия цеха связи, где он монтировал фильмы, принадлежала комбинату. Пройти гладко у нас не может ничего. Выяснилось, что камера спрятана в сейфе у начальника цеха связи, которую тот отказывался давать своему подчиненному.

– Это не Кисляк спрятал, – говорил мне Олег, – тут надо брать выше, им мои фильмы не нравятся.

«Еще бы! – подумал я. – Я вообще удивляюсь, почему у тебя камеру раньше не отобрали». Люди типа Кондратьева для системы опасны. Кондратьев с кинокамерой был опасен вдвойне, уж очень неприкрыто показывал грехи Советской власти.

Заставить начальника цеха не выдавать камеру могли, по моему мнению, из парткома.

Поразмыслив, я обратился за помощью к председателю комиссии по культуре и искусству В. Евтушенко. В свои сорок лет Владимир Иванович достиг необычайных габаритов, но по натуре остался человеком мягким, покладистым и бесконфликтным. Уговорить его идти в партком комбината не составило труда, тем более что вопросы сохранения Верхней колонии и костела стояли в числе первоочередных задач комиссии по культуре.

Секретарь по идеологии парткома комбината Петр Герасимов с улыбкой протянул руку.

– Садитесь, садитесь!

Мы сели, и Евтушенко ввел секретаря в курс дела.

– Конечно! Это просто замечательно! – блеснул золотыми коронками Герасимов. – Мы не должны забывать свое прошлое, и я думаю, партком полностью поддержит вашу инициативу. Оставьте мне сценарий фильма, я его просмотрю. Думаю, мы это решим.

Стало легче на душе, хотя я не совсем понял, почему мы должны давать заводскому идеологу свой сценарий на проверку. И я подсунул ему идеологически стерильный вариант Васильева. Узнав, что эти листки принадлежат перу Михаила Ивановича, Герасимов еще шире улыбнулся.

– Остается еще один вопрос, – осторожно сказал я, – кто будет снимать фильм. Мне кажется, что лучше всего поручить это Кондратьеву из цеха связи.

Улыбка нашего собеседника стала чуть менее радушной.

– Кондратьеву? Ну, подумаем, подумаем. Можно Кондратьеву – я ведь не против, – а можно еще кому-нибудь, главное, чтобы фильм получился, а кто его будет снимать уже вторично. Правильно, товарищи?

Почти успокоенный – по моему мнению, кроме Кондратьева, такой фильм снять просто никто не мог, а значит, выбор парткома должен упасть только на него – я благодарил Герасимова и Евтушенко за помощь. Но дни проходили за днями, а видеокамера все так же покоилась в сейфе и, кажется, никто не собирался ее оттуда извлекать и вручать нашему оператору. Васильев через день звонил Герасимову, и секретарь по идеологии неизменно отвечал, что партком не против создания фильма, но есть мнение – «вы понимаете, Михаил Иванович?» – что лучше бы его снимал кто-нибудь другой.

– Да сдался тебе, Саша, этот Кондратьев! – в сердцах бросил трубку Васильев.

Я тоже разнервничался и, заикаясь больше обычного, объяснял, что мне, конечно, без разницы, кто сделает этот фильм. Но если мы хотим, чтобы это было что-то стоящее, нужно дать камеру Кондратьеву.

– Ну, ты и зануда, – сказал Михаил Иванович, и мы пошли к секретарю парткома В. Кучерову.

– Виктор Иванович, я тебя прошу, пусть этот фильм снимает Кондратьев, – говорил Васильев Кучерову, когда мы сидели у того в кабинете. Кучерову явно не нравился такой вариант, но еще менее он хотел обострять отношения с директором народного музея.

– Ну, какие проблемы, Михаил Иванович? Конечно, пусть снимает.

Замок сейфа щелкнул. Камера оказалась у нас. А Михаила Ивановича Васильева можно

смело считать соавтором фильма, без него он бы просто не состоялся.

В один из субботних дней мы приступили к натурным съемкам Верхней колонии. Рассказ-сценарий начинался так: «По пустой, неуютной улице, подгоняемый противным ветром, плелся по каким-то своим собачьим делам бездомный пес. Или сука. Собака, в общем. Холодно и тоскливо. Хочется выть. Ах, ей бы хозяйина, уж она послужила бы ему верой и правдой, эта совершенно бездомная собака...»

Где-то в дальнейшем тема собачьей бездомности переплеталась с бездомностью костела, и мы, между делом, поглядывали по сторонам, готовые запечатлеть подходящую собаку-символ. И тогда исторический район города оглашался криками.

– Олег! Собака! – орал я.

– Не спугни ее! – шипел Кондратьев и мчался за псом.

Мы гонялись за собаками по всей Верхней колонии. Но как назло, все они были, как на подбор, жизнерадостные, виляли хвостами, не к месту поднимали задние лапы у деревьев и заборов и никак не хотели изображать перед камерой беспросветную собачью жизнь. Ни одного удачного кадра! От собачьей темы пришлось отказаться.

Мы снимали улицы, дома, подъезды, архивные фотографии и номера Каменской дореволюционной газеты «Отклики жизни», хранящиеся в музее у Васильева. Снимали сам музей – бывший Инженерный или Заводской клуб. Отец Геннадий, православный священник Свято-Николаевского собора, любезно разрешил внутренние съемки церкви. Мы облазили вдоль и поперек костел, запечатлевая на пленке его общий неповторимый готический облик и детали каменной кладки, стрельчатые окна и кованую лестницу, ведущую на колокольню, башни с разинувшими пасти горгульями, кирпичный дымоход и изящную башенку на крыше костела. Объектив заглатывал во внутренности камеры эстакаду, таранящую окно костела, трехэтажную пристройку-урод с ее надписью по фронтому «Знания в маси», металлическую лестницу с широкими ступенями, ведущую от земли к верхней части другого стрельчатого окна. Лестница на высоте не менее шести метров упиралась в металлическую дверь, установленную в окне, на которой мелом был нарисован какой-то уродец и краткое ругательство.

Внутри костела стоял на ремонте полуразобранный автомобиль «Волга», и висел грязный бархатный вымпел «Победителю социалистического соревнования», который, при нашем приближении, безуспешно пытался спрятать за спину подвыпивший сторож. Алтарная часть первого этажа была поделена на несколько комнат, на одной из которых висела табличка «Бухгалтерия», на другой – ромбик с цифрой «5». Дверь напротив вела в класс «Минно-взрывных устройств» и автодела. На втором этаже алтарной части, под самым куполом, где когда-то был изображен Иисус Христос, висел большой гипсовый барельеф Маркса-Энгельса-Ленина. Время натрусило на них черный слой пыли, и классики марксизма-ленинизма приобрели жутко-зловещий вид, будто они, как какие-то черти или вампиры, вцепились в горло костела, охраняя свою жертву от света и солнца.

На двери секции картингистов у входа в костел ухмылялась табличка «Женская консультация». Да! Они бы здесь все повзрывали, всему матку вывернули!

Последним местом, где проводились съемки, был Музей истории города. Здесь мы рассчитывали запечатлеть деревянные статуи католических святых, дожидаящихся своего часа в забитых до крайности музейных фондах. Вместе со зрителями фондов мы вытягивали на свободное место деревянные фигуры и составляли из них композицию финаль-

ных кадров. Когда фигуры были почти расставлены, я, не знаю почему, по непонятному наитию, полез под груды старинных вещей, каких-то кресел и прочего деревянного хлама, прикрытого рогожей. И обомлел. Там находился гроб с Телом Иисуса Христа, описание которого я знал наизусть, и на который я объявил чуть ли не всесоюзный розыск! Моему изумлению, радости и недоумению не было предела! Нашлась еще одна фигура и притом во вполне приличном состоянии!

- Что значит, нашлась? – удивилась главный смотритель фондов Надежда Петровна Сердюк. – Она у нас и хранилась, надо было прийти и спросить!

В общей сложности мы отсняли три часа чернового материала, из которого смонтировали 17-минутный фильм. На его премьеру пришли научные сотрудники музея истории города во главе с Н. Цыганок, священники Свято-Николаевского собора и начальник цеха связи А. Кисляк. Присутствие музейных работников превратило премьеру в настоящий экзамен. И хотя я был уверен, что никаких ляпсусов мы не допустили, все равно очень волновался, но вида не подавал. Лица Ирины и Олега Кондратьевых были непроницаемы и бесстрастны.

Погас свет, и на экране телевизора под тревожный бой колоколов появилась надпись «Спасти и сохранить». Кажется, увиденное захватило зрителей, и у нас окончательно отлегло от сердца, когда по завершению просмотра присутствующие высказали свое одобрение, а Нина Александровна даже произнесла маленькую благодарственную речь.

Примерно такая же реакция, даже с отдельными аплодисментами, ожидала нас и на ближайшей сессии, где депутатам был показан этот фильм. Свою задачу, как один из камней в фундаменте благоприятного отношения к костелу, фильм выполнил. В дальнейшем Михаил Иванович Васильев передал копию «Спасти и сохранить» генеральному директору металлургического комбината, и еще одна копия досталась музею истории города. Елена Григорьевна Фесун организовала его показ в видеозалах города, но здесь эффект оказался невелик. Его глядела, в основном, пацанва перед боевиками, ужасами и тому подобной кинопродукцией...

Глава 11

Такие разные годы

Семья Кальвасинских стремительно разрасталась. Кроме старших Леонарда и Бронислава, родились Юзеф, Юлиан, Вицент, Александр, Мария и Ольга. Подрастая, братья Кальвасинские определялись на учебу в заводское училище, его еще называли фабричной школой. Естественно, дети хотели есть и пить. И одевать их за что-то тоже было нужно. А какой же дом обойдется без мебели? О, эта старая мебель! Пройдут годы, десятилетия, сменятся поколения, а ей не будет сносу. И очень долго еще во многих домах будут стоять сработанные в конце девятнадцатого века столы, комоды, шифоньеры, кровати и другие предметы почтенного возраста, которые, однако, дадут сто очков вперед современному чудосочному мебельному племени.

В конце ноября 1899 года Ян и Вероника Кальвасинские с особым нетерпением собирались в костел. Им очень хотелось стать очевидцами необычайного и торжественного зрелища – венчания молодого инженера Яна Болеховского с сестрою супруги директора-распорядителя Днепровского завода Александрой Лабунской. Собственно говоря, венча-

ний в костеле хватало. Здесь, принимая таинство брака, давали клятву взаимной верности крестьяне, мещане и дворяне; подданные России и Австрии, Пруссии и Румынии, Франции, Великобритании и даже Турции! Только в одном 1899 году в недавно открытом Каменском костеле обвенчалось 85 пар – абсолютный рекорд за все время существования католического храма. Но сегодняшнее действо было все-таки из ряда вон выходящим – свидетелем на венчании должен быть сам Ясюкович.

Настоятель костела, уделяя таинство брака молодым, читал замысловато-витиеватую формулу.

«1889 года ноября 27 дня в Каменской римско-католической церкви священник Левчак по троекратному оглашению, из коих первое 7-го, второе 14-го и третье 21-го ноября перед народом, собравшимся на Литургии, сделаны. Инженер-технолога, дворянина Петроковской губернии Бендзинского уезда Яна Болеховского, юношу 28 лет с дворянкою Витебской губернии Александрю Лабунскою, девицею 23-х лет от роду – Ямбургского прихода, по сделании предварительно строгого с обеих сторон на письме изъясненного исследования о препятствиях к бракосочетанию, и по неоткрытию никаких равно по изъявленному от обоих лиц взаимному согласию внешними знакомыми обнаруженными, Теодора и Валерии, урожденной Жабицкой, Болеховских законных супругов сына Генриха и Юзефы, урожденной Петкевич, Лабунских законных супругов дочь – браком сочетать, и в лице Церкви торжественно благословить в присутствии веры достойных свидетелей: Игнатия Ясюковича и Войцеха-Альберта Сима».

Почти через год 7 мая 1900 года священник Гиацинт Левчак обвенчал потомственного дворянина Екатеринославской губернии Михаила Гринкевич-Судник, юношу 28 лет, с крестьянкою Гродненской губернии Слонимского уезда Ядвигою Зиневиц, девицею 22-х лет от роду.

- Любовь! – увлажняя глаза, шептали одни.
- Любовь?! – язвительно поднимали брови другие.

Всего в 1900 году в Каменском приходе обвенчалось 63 пары, окрещено 378 младенцев, отпето 144 покойника.

В 1902 году, работая вальцовщиком проволочного отделения, тяжело травмировался глава семьи Ян Кальвасинский. Раскаленная полоса, выскочив не из того калибра, из которого ее ждали, прошла его насквозь. Прокатный передел уже исправно приносил свои жертвы на алтарь отечественной черной металлургии. И долго еще подобные жертвоприношения будут сопутствовать труду на прокатных станах с ручной задачей полос в калибры. Многие месяцы Ян Кальвасинский боролся за жизнь, к нему с елеопомазанием приезжал ксендз Оттон Бем, новый настоятель Каменского костела. Ян Кальвасинский выжил, но работать уже не мог.

Обязанностей у ксендза Оттона Бема хватало. Кроме обычных проведения месс, посещения семей, больных, крещений, венчаний и похорон, в 1902 году в костеле затеяли крупный ремонт. Печное отопление с использованием воздухомнагревательных каналов было заменено на паровое, а всю крышу покрыли оцинкованным кровельным железом. Через год, когда ксендза Бема сменил на посту настоятеля ксендз Михаил Ягулов, был проведен еще один ремонт, а, по сути, продолжен прежний. В 1903 году ксендзу Михаилу Ягулову исполнилось тридцать один. Семь лет назад он был рукоположен в священники и пост настоятеля Каменского костела стал его первым серьезным испытанием. Это было время молодых священников. Вместе с отцом Ягуловым в приходе служили рукоположенные в

1904 году священники Николай Щурек и Адам Деш, а также рукоположенные в 1905 году Иоанн Ланг и Иоанн Эресман. В 1907 году сюда прислали ксендза Леонарда Долонговского, будущего настоятеля местного прихода. А Михаил Ягулов прослужил в Каменском неполных пять лет. С 1908 года он станет куратором молитвенного дома во имя Рождества Пресвятой Девы Марии в г. Луганске Славяносербского уезда, где он будет служить еще и в 1913 году.

Ремонтные работы, производимые за счет Днепровского завода, были перенесены вовнутрь костела, где вновь покрасили и расписали стены. На куполе главного алтаря был изображен Иисус Христос, а на стенах справа и слева от главного алтаря – Моисей в красной мантии около скрижалей с заповедями, а с другой стороны – царь Давид, играющий на лютне.

Каменский костел принимал тот неповторимый облик, который навсегда врезался в память всем, кто приходил сюда. Деревянную ограду заменил капитальный кирпичный забор с кованой решеткой в готическом стиле. На крыше костела над главным входом установили статую Девы Марии, которая своей рукой будто приглашала людей в храм. И еще одна изящная башенка-сигнатурка украсила крышу костела. Перед костелом, за входными воротами разбили уютный сквер, а во дворе костела высадили кустарники и цветы. В глубине двора построили здание, в котором жил органист, в его высоченном зале проводились спевки костельного хора под сопровождение фисгармонии. В другом конце двора, за оградой, располагалось плебане – дом священника, в который можно было попасть как со стороны костела, так и с прилегающей улочки, отделявшей костельный двор от заводской больницы.

К Каменской римско-католической церкви, которая вплоть до 1905 года являлась филиалом Ямбургского прихода, причислялись уже Верхнеднепровск, завод Корбино и станция Запорожье-Каменское (Ямбург – почтово-телеграфная станция Екатеринослав с церковью во имя Успения Пресвятой Девы Марии). И хотя костел Святого Николая мог вместить до 500 человек, частенько людей приходило столько, что часть их оставалась вне храма. Ведь число прихожан Каменского костела стремительно росло.

Каменское превращалось в настоящий промышленный и культурный центр на берегу Днепра. Повсюду в Каменском, а в особенности на улицах Верхней и Нижней колонии, в магазинах звучала польская речь. В Народной аудитории шли спектакли на польском языке, администрация Днепровского завода в большинстве состояла из поляков. Процветал и Каменский костел. При костеле открыли библиотеку, и каждый прихожанин мог взять книгу для души.

25 сентября 1905 года состоялось торжественное освящение, или consecrация Каменского костела. Освящение 1898 года, совершенное по поручению епископа Тираспольского Эдуарда барона фон-дер Роппа ксендзом Хартманом, было необходимым (нельзя проводить богослужения в неосвященном храме), но недостаточным. Поэтому в документах Тираспольской епархии именно 25 сентября 1905 года считается днем освящения фабричного костела Святого Николая в Каменском. Выдался прекрасный солнечный день, многие дамы пришли под зонтами, настроение самое праздничное. Освящать костел приехал новый епархиальный епископ Иосиф Кесслер.

Иосиф Алоизий Кесслер родился 12 августа 1862 года в селении Лойс близ Самары в семье немецких колонистов. Окончил начальную и высшую духовные семинарии в Саратове, а так же духовную академию в Санкт-Петербурге, получил степень магистра богословия. Занимал должности: викария кафедрального собора и профессора духовной семина-

рии в Саратове, администратора прихода в Симферополе, настоятеля приходов в Сульце и Кишиневе, инспектора Саратовской духовной семинарии, каноник капитула с 1904 года. Возведен в сан епископа Тираспольского 7 (20) апреля 1904 года, рукоположен в епископы 28 октября (10 ноября) 1904 года в церкви св. Екатерины в Санкт-Петербурге. Награжден орденом Святого Владимира 3-й степени, магистр богословия. Его правление было отмечено значительным материальным развитием Тираспольской епархии. Он расширил малую семинарию и духовную семинарию, основал издательство и типографию, способствовал работе мужских и женских орденов. Епископ И. Кесслер посещал все приходы громадной епархии, совершил 75 тысяч миропомазаний, освятил 31 храм, в том числе кафедральный собор св. Климента в Одессе.

Хотя праздник освящения костела удался на славу, сам 1905 год оказался тяжелым, как для Каменского, так и для всей Российской Империи. Первая русская революция, а также поражение России в войне с Японией положили начало кризису, захватившему 1905 год и последующие за ним 1906 и 1907 годы. Днепропетровский завод охватили волнения, поддерживаемые многими слоями населения Каменского, в том числе рабочими и служащими польского происхождения, которые стали одними из первых членов местного кружка социал-демократов. Один из них – Казимир Петрусевич (1872 - 1949) был даже делегатом Первого съезда РСДРП. Но он не примкнул к большевикам и, вернувшись на Родину, стал видным деятелем Социалистической партии Польши. С 1945 по 1948 год Казимир Петрусевич был членом Верховного Суда Польши.

Конец 1905 года ознаменовался забастовками на Днепропетровском заводе. Для восстановления порядка в Каменское вошли казаки на лошадях.

Игнатий Игнатьевич Ясюкович, который к тому времени стал главой правления Южно-Русского Днепропетровского Металлургического Общества и перебрался из Каменского в Петербург, отреагировал незамедлительно. Когда было надо, он умел быть жестким. В начале 1906 года он подписал приказ, в котором анализировались вопросы по отношению к поступкам служащих Днепропетровского завода в период времени с 11 по 25 декабря 1905 года. Правление Общества пришло к заключению, что «господа служащие завода параллельно со всеми категориями забастовщиков постепенно пришли к заключению, что в настоящее припадочное время позволено все, лишь бы быть в численном превосходстве, лишь бы обладать физической силой, лишь бы не признавать сдерживающих нравственных начал... Полное отсутствие дисциплины, вопиющие нарушения служебного долга, отрицание начал промышленной и служебной этики, одним словом, анархия рядом с явным сочувствием несбыточным социалистическим теориям, не могут быть признаны творческими элементами».

Далее шел список «господ служащих» – впрочем, не столь уж и внушительный – с мерами административного воздействия: уволить без права восстановления на Днепропетровском заводе, объявить выговор, предупредить, что в случае повторения подобного, все служащие будут немедленно удалены из Днепропетровского Общества. Сурово? Но ведь даже Христос изгонял торговцев из храма, а не проповедовал им о недопущении осквернения святых мест!

Но, несмотря ни на какие кризисы, потрясения и революции, Каменской приходской костел жил своей жизнью. 26 февраля 1905 года здесь священником Михаилом Ягуловым были повенчаны дворянин Виленской губернии Павел-Пётр Ягучанский и дворянка Виленской губернии София-Эмилия Бокшанская. Свидетелями при Таинстве брака выступили директор Днепропетровского завода Людвиг Гужевский, директор Гданцевского завода Матвей Роговский, начальник отделения Днепропетровского завода Мечислав Брониковский.

Всего в 1905 году в костеле обвенчалось 65 пар и 399 младенцев приняли Святое крещение.

Постепенно Каменское выходило из комы, вызванной кризисом. Ожилилась работа завода, ожилилась торговля. В 1908 году настоятелем костела Святого Николая был назначен 38-летний ксендз Леонард Долонговский, а через год сюда прибыл совсем молодой еще законоучитель учебных заведений Казимир Соколовский. «Команда» священников римско-католической церкви Каменского при ксендзе Долонговском была следующей: Иоанн Ланге, Раймунд Пянко, Варфоломей Миколаюнас (впоследствии – администратор и капеллан войск Закавказского края), Адам Гибульский, Андрей Шенбергер, Петр Дыгрис.

В это время близ костела началось строительство здания Детского приюта и школы образованного «Римско-католического общества пособия бедным», председателем которого стал инженер-технолог А. Макомаский – будущий директор Днепровского завода. В 1910 году одновременно с католическим был открыт и православный приют имени И. И. Ясюковича. По свидетельству ежедневной общественной и литературной газеты «Отклики жизни», редакция которой размещалась на Гимназическом проспекте, телефон № 9, «приюты по справедливости служат гордостью населения. В них содержатся на полном иждивении более сотни сирот, выброшенных судьбою на улицу, но теперь нашедших в приютах уютный теплый угол и сердечные заботы».

Среди прихожан костела Святого Николая было довольно много чехов. Один из них – Богумил Ципль перебрался в Каменское из селения Карловка Полтавской губернии, где он служил садовником у князя Миклинбург-Стрелецкого. Обладая выдающимся мастерством, Богумил Ципль выращивал ананасы в условиях малороссийского климата, и ежегодно князь Миклинбург-Стрелецкий поставлял по триста ананасов ко Двору Его Императорского Величества. В Каменском стареющий Богумил Ципль работал конторщиком в Главной конторе Днепровского завода, а его искусство передалось сыну Карлу. Господин садовник Карл Ципль служил в Директорском парке при директорах Днепровского завода Людвиге Гужевском и Эрнесте Сундгрене, дружил с последним, и довел этот парк до изумительного состояния.

Сестра Карла Ципля – Ольга обвенчалась в костеле с дворянином Константином Гриневичем, работавшим в архиве Главной (или Технической) конторы. Константин Гриневич, душа Каменского общества, прекрасно танцевал, находился в дружеских отношениях с представителями высшего света и частенько составлял партию в преферанс с настоятелем костела Леонардом Долонговским и приставом села Каменского господином Владимиром Клунниковым.

В 1912 году Каменское было далеко не тем селом, которое в свое время встретило первых польских колонистов. Двадцать пять лет Каменское шагало семимильными шагами, и статус села стал явно тесен динамично развивающемуся широкоплечему Каменскому. На 1 января 1912 года население Каменского составило 35 тысяч 450 душ, из них поляков 12 тысяч 554 («Отклики жизни» от 14 ноября 1912 г).

Местные разночинцы обращались к губернатору Екатеринослава с просьбой рассмотреть вопрос о присвоении Каменскому статуса города. Губернатор благодарил разночинцев за инициативу и медлил, а Каменское стремительно росло. На 1 января 1913 года по свидетельству журнала Екатеринославского Губернского Присутствия от 13 ноября 1913 года население Каменского увеличилось до 40.407 человек. В этом «селе» проживало 346 дворян, 53 лица духовного сословия, 310 иностранных подданных, 60 инженеров и техников, 80 преподавателей, 2573 учащихся и десять тысяч служащих и рабочих Днепровского за-

вода. В Каменском мирно сосуществовали православные, старообрядцы, лютеране, иудеи, караимы, магометане, евангелики и католики.

Католиков, по словам того же журнала Екатеринославского Губернского Присутствия, насчитывалось в Каменском аж 14 тысяч 235 человек. В то же время по данным Тираспольской епархии число католиков Каменского прихода, лишь немногим уступая приходу св. Иосифа в Екатеринославе, составило 6.837 человек, то есть, практически в 2 раза меньше, чем по данным светских источников. Откуда возникло такое внушительное расхождение? Как, к примеру, получилась цифра 14.235 – число католиков Каменского по данным екатеринославского журнала? А вот как. К числу поляков, проживающих в Каменском – 14.175, прибавили число французов – 13 и итальянцев – 47 и получили количество католиков. А вот немцы – все как один, причислены к лютеранам. 284 немца – 284 лютеранина. Но как бы там ни было, а процент католиков Каменского по отношению к общему числу поселенцев был очень высок и составлял более трети.

И сама Тираспольская епархия была велика. Она простиралась от Кишинева до Царицына, включая в себя Молдавию, юг Украины, Донбасс, Кавказ, Дагестан, Нижнее Поволжье. Число верных Тираспольской епархии на 1913 год составляло 381 тысячу 595 человек, количество священников в епархии – 178 человек, а число церквей, филиалов и каплиц – 198. Все священники Тираспольской епархии (в том числе, разумеется, и костела в Каменском) были обязаны отслужить по одной заупокойной мессе за каждого из умерших в 1912 году священников епархии. Всего их умерло пять человек, а один из них – бездолжной ксендз Доминик Мугашев – был убит разбойниками.

.....

Однако не все было гладко и безоблачно в жизни Каменского прихода. В 1912 году Вероника Кальвасинская заявила, что ноги ее не будет больше в костеле. По приходу поползли слухи, что один из ксендзов смотрит на жену своего брата не как на невестку и совсем уж не как на прихожанку. И «что-то» между ними есть. Вдобавок откуда-то в Каменском появилась листовка секты Мариавитов, изданная в Лодзи, в которой ксендз-настоятель Х. Яжимовский объявлял своим прихожанам из Шпанова об уходе из канонического католицизма к мариавитам.

«Мариавиты – это истинные Божьи священники, – убеждал ксендз Х. Яжимовский шпановских прихожан. – Считаю себя обязанным не только перед всем светом, но исключительно перед вами, мои дорогие парафияне, как ваш пастырь, сказать ту правду, что дело Мариавитов – это дело Бога, что на стороне Мариавитов правда и добродетель, что Господь Иисус отступился от католического духовенства за их грехи разврата, корыстолюбия и высокомерия и, наконец, что меня, грешного, позвал в круг Мариавитов, что считаю верхом великой ласки Божьей и чего Вам от всего сердца желаю».

– Ах, вот как! – негодовала пани Вероника. – Если уж сам Пан Езус отступился от ксендзов, ноги моей в костеле не будет! Молиться и дома можно.

Лишенные материнской поддержки Вероники, которая после травмы Яна Кальвасинского, стала настоящей главой семьи, постепенно перестали ходить в костел и дети. И хотя все они были крещены в костеле и принимали первое Причастие, это уже было лишь дань традиции, а не свидетельство живой веры. Накануне больших праздников Вероника Кальвасинская в три часа ночи занимала очередь к общественной печи, построенной на Нижней колонии, где пекла непревзойденно-вкусные пасхи, торты-наполеоны, струцеля, пирожки с маком и булочки с присыпкой.

А в костел так и не вернулась. Молиться дома оказалось не так легко, как казалось вначале. С каждым годом костел уходил все дальше из жизни, все меньше времени оставалось для искренней молитвы, для этого интимного, доверительного разговора с Богом. Уходя из костела, она сама отступилась от Пана Езуса.

Глава 12

В поисках главного направления

Получив неприятный щелчок по носу от директора производственного объединения «Азот», мы, не предаваясь бесконечному самобичеванию и тем более «азотобичеванию», принялись набивать новые шишки. Запас оптимизма и терпения казался неисчерпаемым, а работа над возрождением костела была интересна сама по себе. Имея своей целью восстановление костела и не имея в руках даже кончика ариадниной нити, нам ничего не оставалось, как прилагать усилия в самых разных направлениях, надеясь, что где-то нас обязательно ожидает успех. Костел был задуман, построен и функционировал как католическая церковь, и пока тлела хоть искра надежды вернуть ему верующих, все остальные варианты рассматривались, как второстепенные. Но, не смотря на такие высокие мысли о возрождении духовности, католический вариант реставрации костела явно себя не оправдывал, а, говоря прямо, – трещал по швам.

Поэтому мы перенесли основное внимание на идею восстановления костела, как светского учреждения. Главный вопрос – что мы хотим видеть в отреставрированном здании, и кто станет его хозяином – имел довольно туманные очертания. Наша надежда состояла в том, что костел, обладая в прошлом прекрасной акустикой, станет залом органной музыки. Постепенно этот скелет обрастал мясом, и выкристаллизовалась идея комплексного использования здания костела, как некоего культурно-духовного центра, в котором, кроме органной музыки, могут устраиваться и выставки, театральные представления, концерты духовной и классической музыки, проводиться собрания общественных и политических организаций. По словам депутата Юрия Сушко, пресвитер днепродзержинской общины адвентистов седьмого дня высказал пожелание использовать помещение костела под воскресную школу адвентистов и даже предполагал перечислить тысяч пятьдесят рублей на восстановление костела. Третий вариант – передать костел на баланс металлургическому комбинату, чтобы в нем, сохранив внешний облик, дирекция устроила что-нибудь по своему усмотрению.

В наших планах для нарождавшихся коммерческих структур тоже всегда имелось место подвигу, и если кто-то из них захотел бы выступить со своими предложениями, мы готовы их немедленно обсудить. К тому же из Днепропетровского облисполкома пришло письмо (очевидно, как ответ на представление Киевского НИИ архитектуры и градостроения) с предложением рассмотреть вопрос о взятии костела под охрану государства, как памятника архитектуры и истории.

Перечисленные варианты спасения костела были далеко не безупречны. Что ни говори, а в городе пустуют дворцы культуры, в городской музей и без филиала трудно заманить посетителя, наполняемость театра в четверть зала считалась прекрасной. Использование костела в качестве культурно-духовного центра означало, кроме всего прочего, что бюджетный отдел культуры, сам едва сводящий концы с концами, должен взять костел на свой баланс, как камень на шею, и пойти вместе с ним ко дну.

Ну, а пока... что делать пока? Прикидывая, как присвоить костелу статус памятника, мы, от лица отдела культуры и общества охраны памятников, направили грозные на вид письма-предупреждения эксплуатирующим костел организациям о недопустимости варварского обращения со зданием. Необходимость взятия здания костела под охрану государства обуславливалась еще и тем, что даже главный архитектор города в свое время поговаривал о том, что костел нужно снести, а на его месте построить что-нибудь железобетонное.

Приближался День города. Организация праздника возлагалась на отдел культуры горисполкома и Елена Григорьевна Фесун, для которой праздник был первым серьезным испытанием, волновалась изо всех сил. Во дворцах культуры, парках и скверах устраивались концерты духовых, народных и эстрадных коллективов, выставки детского творчества, продажа кулинарных изделий, а для любителей производных от виноградной лозы – кое-что для души и сердца. Повсюду играла музыка, светило солнце, что тоже казалось личной заслугой заведующей отделом культуры.

В рамках Дня города мы решили попробовать организовать сбор средств на возрождение костела и хоть немного привлечь внимание жителей к вопросу сохранения исторического наследия. Осуществление на практике великого принципа «с миру по нитке» проводилось в трех районах города. Елена Григорьевна организовала вазы для денег и расставила «сборщиков», Нина Александровна – передала архивные фотографии костела, Михаил Иванович – парочку комсомольцев на сбор средств, а я взял на работе отгул, у Елены Григорьевны – вазу, у Нины Александровны – фотографии и занял место в городском парке. Денег собрали около двухсот рублей. Хорошо, но мало...

В это время пришло известие, что на металлургический комбинат назначен новый директор, некто Борисов.

Куда бы ни шел лунной ночью, какую дорогу ни выбрал, небесная спутница Земли серебряной монеткой катится вслед одинокому пешеходу, холодноато держа неизменную дистанцию – то не давая приблизиться к себе, то не отставая ни на шаг. И ни спрятаться, ни сделать вид, будто не замечаешь свою недосигаемую попутчицу.

С какой стороны мы не подходили к проблеме восстановления костела, неизбежно где-то рядом маячила Дзержинка – ее не обойдешь и без нее не обойдешься.

О Борисове уже говорили, и говорили разное. В концентрированной форме все сводилось к фразе: себя не забывает, но и другим жить дает, даже церкви помогает. Поднимаясь в приемную Борисова, я встретил знакомую журналистку Ирину Ходорич, с которой поддерживал хорошие отношения еще со школы.

– Ира, ты нового директора знаешь?

– Знаю.

– А как зовут его, знаешь?

– Юрий Николаевич. А зачем он тебе?

– Секрет фирмы. А что он за мужик, ничего?

– Ой, Саня... – Рассмеялась она, но внезапно ее лицо приняло чрезвычайно серьезное и деловое такое выражение, и она помчалась вниз по лестнице, будто увидела министра черной металлургии и решила взять у него интервью.

– Кому тут директор нужен? – раздался сверху веселый голос, и, подняв голову, я увидел улыбающееся, ироничное, круглое лицо, принадлежащее немолодому, подтянутому чело-

веку выше среднего роста, в костюме и без галстука.

– Мне! А вы директор?

– Директор-директор, – сказал он и прошел мимо.

– Юрий Николаевич, вы не уделите мне несколько минут, я депутат горсовета и мне очень нужно с вами поговорить.

– Если очень нужно, то поговорим.

– Дело вот в чем...

– Знаете, я иду в столовую, у директоров тоже есть перерыв на обед. После перерыва жду у себя в кабинете.

В приемной директора и стал проверять, в той ли последовательности лежат фотографии костела, в какой я хотел предъявить их Борисову. Это казалось очень важным – вначале показать одни фотографии, потом другие, и хотя я, прежде чем идти сюда, десять раз все перепроверил, и фотографии никак не могли поменяться в конверте местами, все-таки еще раз проглядел снимки. Береженного Бог бережет.

Борисов появился минут через сорок, когда приемная почти заполнилась посетителями, просителями, ходоками, подчиненными. Кивнув мне головой, директор зашел в кабинет, и я последовал вслед за ним. В огромном кабинете, уставленном прекрасной офисной мебелью, с портретом Дзержинского и схемой комбината во всю стену, я почувствовал себя не очень уютно, но отступить уже было поздно.

– Садитесь, – сказал Борисов, закуривая сигарету «Мальборо», жуткий дефицит по тому времени.

Сев и облокотившись на спинку кресла, я почувствовал, что она отодвигается куда-то назад. Я непроизвольно развалился и принял не соответствующую моменту позу. Испугавшись, что меня неправильно поймут, рывком занял более подходящее вертикальное положение, и тут же спинка чудо-кресла послушно подъехала мне под лопатки. Положительно, трудно начинать разговор в такой обстановке!

– Я слушаю.

– Юрий Николаевич, чтобы не отнимать у вас много времени, взгляните на эти фотографии, а я буду рассказывать.

– Н-да! Наворотили! – Присвистнул Борисов, разглядывая снимки. – Но кто вам сказал, что я буду вкладывать деньги в костел?

О, начало не предвещало ничего хорошего!

– Исторически – это костел наш, заводской. И должна же быть какая-то преемственность в действиях руководства. Вот ваш предшественник...

– Не убедительно...

«Эх, турок, напрасно о предшественнике заговорил, – подумал я, – теперь все пропало».

– Ну, извините. – И засовывая в конверт фотографии, поднялся с кресла, намереваясь уходить.

Однако такой исход событий чем-то не устраивал и директора. Может быть тем, что я оказался не просителем с улицы, а депутатом-металлургом, то есть, человеком своим, комбинатовским. И уяснив, что по производственной линии, я являюсь его подчиненным, к тому же лет на двадцать его моложе, Борисов тут же перешел на «ты».

– Да погоди ты, не уходи. Дай подумать. Я не сказал, что буду вкладывать деньги в костел, но я и не говорил, что не буду их вкладывать. Приходи в среду, посмотрим на твой костел.

Кажется, это называется контрастный душ?

В среду Борисов опять был у себя, и мне удалось к нему попасть. Мне везло невероятно. В дальнейшем, когда ДМК оказывал реальную неоценимую помощь костелу, и возникала необходимость увидеть директора, мы иногда месяцами не могли «поймать» Юрия Николаевича. А в среду, часов в одиннадцать утра, мы с Борисовым пошли в костел. То, что не складывалось в слова и аргументы в директорском кабинете, выразил сам костел. Наверное, он еще жив, подумал я. На месте преступления Борисов как-то помрачнел, он ходил и глядел на стены и окна, проломы в башнях и телевизионную антенну, торчащую оттуда, пресловутую пристройку к костелу и горы мусора вокруг. Пресытившись увиденным, Юрий Николаевич обратился ко мне:

– Я немного строитель и на глазок ремонт обойдется не менее чем в пять миллионов рублей за пять лет. Но не деньги главное, здесь нужен очень большой энтузиазм.

– Но он есть...

– Ну-ну.

Помолчав, Борисов продолжал.

– План ремонта должен быть таким. Вначале делать наружную часть, снять образцы пластинчатой чешуи с костела и по ним сделать необходимое количество из оцинкованного железа.

– Но где же его взять?

– Этого добра у нас хватает. Потом или даже одновременно можно начинать ремонт внутри здания, разбирать перегородки, этажи и в последнюю очередь убрать пристройку. За внутреннюю отделку пока не говорю. Привести в порядок площадь перед костелом я готов хоть сейчас – технику дам – но чтобы это было в каком-то комплексе действий.

– Что вы имеете в виду?

– Для кого я буду убирать это дерьмо, для них? – и Борисов обвел глазами двор. – Для ДОСААФов, вулканизаторщиков, и кто тут еще окопался. Да они опять за два месяца так здесь насрут, прости Господи, не расхлебашься. Выгоняйте их, определитесь с хозяином, и начнем деловой разговор. А я помогу. Много пока не обещаю, но тысяч сто в год дам.

И добавил:

– А что вы думаете потом делать с костелом?

– Пока планы такие, – сказал я, – вначале хотели восстановить его как храм, но нет католиков, поэтому сейчас считаем, что здесь может быть зал органной музыки, такой культурно-духовный центр.

– Орган я вам куплю, это не проблема. Но кто будет хозяином всего этого хозяйства?

– Откровенно говоря, мы пока не определились, думали, отдел культуры горисполкома, но...

– Да, бюджетчики такую машину не потянут. А какими вы располагаете средствами?

– Вот собрали двести рублей на Дне города...

Борисов поперхнулся и весело посмотрел в мою сторону.

- ... но надеемся на помощь предприятий. Адвентисты вот пообещали пятьдесят тысяч.
- Что такое пятьдесят тысяч? За пятьдесят тысяч вы только сломаете пристройку с учетом последующей продажи кирпичей.
- И еще мы готовим документы для признания костела памятником архитектуры, а в этом случае можно рассчитывать, что треть необходимых средств выделит общество охраны памятников.
- Ага, жди. Возьмут и выделяют. А сколько это «треть», вы знаете?
- Я отправил депутатский запрос в облисполком с просьбой прислать специалистов для определения стоимости ремонта.
- Специалисты! Пока они приедут, три года пройдет, обратись к нашим сметчикам – пусть составят смету. Это уже будет документ. И для меня, и для общества охраны. Желаю успеха.

Поколебавшись, стрелка весов сдвинулась с мертвой точки. Что-то дрогнуло внутри и изменилось вокруг. Может, это облегченно вздохнул костел, впервые за последние шестьдесят лет? Кажется, и небо чуть посветлело, так, самую малость. В голову полезли всякие мысли, какой-то оптимистический абсурд.

.....

- Думаешь, он тебе что-нибудь даст? – говорили цеховые ребята в заводской столовой, когда я рассказал им о визите к директору. – Да ты посмотри на любого начальника, все они одинаковы. Ворюги! Только себе и тащат.
- Посмотрим, – отвечал я, не желая сглазить и ввязываться в дискуссию. Уж больно много примеров, подтверждающих правоту моих товарищей, стояло перед глазами.

Реакция директора музея истории города оказалась иной, нежели у моих друзей-заводчан, но я бы не сказал, что прямо противоположной.

- Александр Юльевич! Мы пока не знаем, Борисов человек слова или нет, но в любом случае необходимо еще раз встретится с ним, подписать нечто вроде протокола о намерениях, и попросить Борисова перевести деньги на счет восстановления костела.

Нина Александровна набрала номер секретаря Борисова и, – о чудо! – ее соединили с генеральным директором.

- Он нас ждет в четыре часа, – сказала Цыганок, кладя трубку.

В приемной директора сидели люди.

- К Юрию Николаевичу можно? – спросила Цыганок у секретаря. – Нам назначено на четыре.
- Ожидайте, вас вызовут.

Но Нина Александровна рвалась в бой, и, когда очередной посетитель выходил из директорского кабинета, попыталась проскользнуть в образовавшуюся щель.

- Женщина, вы куда? – остановил ее решительный голос.
- Нам директор назначил на четыре, а уже пятнадцать минут пятого! – отбивалась Нина Александровна.
- Я вам говорю, ожидайте. И не стойте у двери, раздевайтесь и садитесь, вас вызовут.

Нина Александровна нехотя подчинилась, и мы стали ожидать своей очереди. Сколько времени мне еще предстояло провести под разными руководящими кабинетами!

Наконец мы попали в знакомые мне апартаменты. Памятуя о коварных свойствах здешних кресел, я сел на самый краешек и застыл в унтер-офицерской позе, предоставляя Нине Александровне инициативу разговора. Она, применяя свою тактику пленения директора, начала с подарка – вручила Борисову книгу «Музей истории г. Днепропетровска».

Борисов улыбался, шутил, его глаза превращались в две щелочки, от своих слов по оказанию помощи костелу он не отказывался, но названную ранее сумму помощи снизил до пятидесяти тысяч. А когда Цыганок намекнула, что неплохо бы перевести эти деньги на счет отдела культуры, вдруг стал удивительно похож на генерального директора «Азота». Близнецы и только!

– Вы пришли ко мне с голыми руками, никакой конкретики. Сможете ли вы употребить сейчас деньги для пользы дела? Нет, не сможете. Зачем же их зря переводить? Работайте.

В следующий выходной я выслушивал Васильева.

– Борисов мужик толковый, правильно все сказал. Но если мы ему смету принесем – другое дело.

Михаил Иванович закрутил диск телефона, дозваниваясь до сметного отдела ДМК.

– Машенька, у меня к тебе просьба. У нас есть католическая церковь, знаешь? Нет, католическая. Костел. Да, костел. Надо составить смету на его ремонт, сделаешь? Сейчас к тебе наш депутат придет, он все расскажет.

Разыскав сметный отдел, я выяснил, что теперь надо просить смотрителя зданий и сооружений обследовать костел, и на основании его данных уже составлять смету. Боже, в какие дебри я влезал! Ничто не давалось просто так, и любой шаг сопровождался новыми проблемами, встречами, затратами времени и новым ожиданием. Разговор с Борисовым всё дальше уходил в историю, теряя четкость и реальность, с будущим хозяином костела никак не определялось, смета всё не составлялась, а идти к директору просто так – поболтать – было просто не серьезно. По поручению инициативной группы Нина Александровна даже поместила объявление в газете «Дзержинец» под названием «Кто станет владельцем костела?»

«Если кто-то проявит гражданское мужество и добровольно возьмет на себя кропотливое дело реставрации костела с тем, чтобы потом эксплуатировать его соответственно своим планам, просим сообщить об этом в отдел культуры горисполкома».

Однако никто почему-то не спешил проявлять гражданское мужество и добровольно в отдел культуры не звонил. Наконец сметчики виновато сообщили Васильеву, что смета готова, но что-то в ней не то. Забрав смету и взглянув на ее резюме, я не поверил своим глазам. По расчетам выходило, что ремонт костела обойдется в... 37 тысяч рублей, а с учетом максимальных повышающих коэффициентов – около 70 тысяч.

– Мы понимаем, что сумма должна быть, как минимум, миллион, но что нам дали, то мы и посчитали.

– Я вроде бы все учитывал правильно, – возражал смотритель зданий, – может, это они так посчитали? Ну, будет время, еще раз схожу в костел.

Однако...

Глава 13

История любви

В числе дворян, проживающих в селе Каменское и являющихся прихожанами костела, была одна супружеская пара – Игнатий и Софья Ясюковичи. Игнатий Казимирович Ясюкович, дальний родственник «железного короля» Игнатия Игнатьевича Ясюковича, появился в Каменском в октябре 1907 года. До этого он учился в Львовском политехникуме, а еще раньше – в Императорском Московском Университете на физико-математическом факультете, окончив перед этим 2-ю Виленскую гимназию в 1897 году. А родился Игнатий Ясюкович в 1879 году и являлся одним из наследников родового имения Дубники на Литве.

В 1905 году Игнатий Ясюкович обручился с Софьей Ягельской, своей будущей женой, чувство любви к которой он трепетно нес через всю жизнь, переживая восторг, разочарование и страдание. Софья Ясюкович, в девичестве Ягельская, также любила своего Игнатия, но чувство ее было более спокойно, а иногда более расчетливо.

После июньских, 1905 года событий в Польше, когда во время демонстрации на улицах Лодзи пролилась кровь, в октябре в Королевстве Польском была организована стачка. Русский царь Николай Второй ввел в Польше военное положение. Планы Игнатия Ясюковича относительно своей работы и карьеры на родине изменились. Он подал прошение императору Николаю Александровичу о принятии его вольноопределяющимся в 106-й пехотный Уфимский полк, на что командир Уфимского полка дал ответ, что его высокоблагородие Игнатий Ясюкович «не может быть принят на службу... ввиду болезни, найденной у него при освидетельствовании в полку». Найденной болезнью оказалось функциональное расстройство сердечной деятельности, и Игнатий Ясюкович, подталкиваемый обстоятельствами, принимает решение обосноваться на Днепровском заводе в селе Каменское, которое он так никогда и не полюбил.

Игнатий и Софья часто бывали в разлуке и так же часто они писали друг другу. Он – чаще и восторженней, она – реже и спокойнее. Итак, слушаем слово по-разному любящих людей, которое мы, наверное, не имели право слушать*.

В Варшаву ув. Софье Ягельской
2/11 -1905 г. Дубники

Это 22-я открытка после 2-хмесячного перерыва.

Страшно грустные вести доходят из Королевства: из уст вырываются проклятья, руки сжимаются в кулаки и... не остается ничего больше, как только повторять: «терпения! терпения!» А если оно исчезнет? Все плохо складывается: мои планы – Варшава и т.д. Грустно мне, пани, когда, несмотря на прочие неfortunные обстоятельства, я уже готов был ехать в Варшаву, как вдруг призрак, стоящий передо мною, замораживает меня июньским льдом. Но хватит! До следующей открытки я, возможно, забуду июньские события, оставляю все и выеду.

Игн.

* Переписка велась на польском языке.

Львов, 2 июня 1906 года

Моя единственная! Так долго ждал твое письмо, дорогая Зосенька! Разве не могу, разве не должен быть ревнивым к своей наилюбимейшей! Моя единственная радость, какую имею здесь, это письма – такие добрые, такие любимые, из которых черпаю и наслаждение, и спокойствие, и веру в наше светлое будущее.

Игн.

Львов, суббота 1 декабря 1906 года

Любимая моя! У меня есть три вида дней – счастья; тоски и беспокойства; и грусти. Это дни, когда приходят твои письма ко мне, когда их ожидаю, и когда ожидаю, но не приходят. Сегодня – день счастья. Как дороги мне твои письма, Зосечка, написанные в форме дневника, пиши так и дальше, мое золотко, ревновать буду ко дню, в который ничего не напишешь.

Игнац.

В Скерницы, Варшавской губернии
8/12 октября 1907г. понедельник,
10 часов утра, Каменское

Приступаю к работе... Скорее бы мы были вместе. В Киеве не было солидного интереса – к тому же угнетающая холера тоже не привлекала. Итак, начнем здесь.

Игн.

Каменское, среда 10/23 октября 1907 года.

Трудно мне было решиться на Каменское, хотел в Киев, но интересы той Киевской фабрики фатальны. Там хозяйничают евреи, взаимоотношения напрасны, очень просто можно было оказаться на асфальте. Здесь фабрика солидная, сидеть в ней можно, сколько хочешь, а уйти отсюда легче, чем с Киевской фабрики машин. Здешние инженеры хорошей марки – востребованы и выходят на хорошие должности, поэтому также молодые инженеры здесь так сильны. Фабричное жилье надо ожидать; начну здесь продвижение, это будет быстро. Моя сладенькая, мы здесь не будем долго, будем сразу стараться, чтобы при первой возможности выехать. Моя дорогая, здесь есть будущее и можно сделать карьеру, но мы не будем ожидать этого, правда, Зосик, мой дорогой? Люди здесь – это все карьеристы, убивают здоровье, жизнь в погоне за грошом, деньги – для них все.

Со вчерашнего дня живу на Нижней колонии у кузенов, где у меня маленькая комнатка. Ищу жилье для нас, есть два варианта.

Игн.

Каменское, 14/27 октября 1907 года

Сегодня вышло первое объявление о нашем венчании. Большой красивый костел был переполнен. Дивный, прекрасный день, теплый, тихий и солнечный, и из фабрики меньше сегодня доносится лязг; и дым не докучает. Скольким, однако, людям эта фабрика дает жизнь – парafia Каменского насчитывает 9000 человек (поляков!). Можно здесь совсем не знать русского языка. До сих пор получил лишь одно письмо и открытку... мало.

Игн.

Каменское, среда 31/10 – 13/11 1907 года

А знаешь, на фабрике почти не ведутся работы, некоторые отделения простаивают, в нашем прокатном цехе работы тоже очень мало. Производятся рельсы в Индию, англичанам, в Италию и Австралию – на них и прибыли иметь не будут, но хотят не увольнять работников, а продержаться тяжелое время. Нас, Зосенька, не уберут отсюда, т.к. плечи Болеховского надежны.

Игн.

Каменское, 12/25 ноября 1907 года

Сообщаю о пятнадцатом декабря, да? Наверняка? Разрешение получить будет не трудно, а конец это адвента или начало, значения не имеет при получении разрешения. Декан не имеет никакого права дать брак в адвент, нужно обратиться к архиепископу, но это просто формальность* Никого уже не грызет мысль, что могут закрыться некоторые отделения фабрики. Это были слухи и только, нам ничего не грозит.

Игн.

Каменское, 16/29 ноября 1907, пятница

Утешался нашими надеждами, идя с Тритузной. Но на мгновение, таки, печаль меня одолела, что сюда, в чужую землю, загнала судьба. Гостями только должны оставаться на этих пустых степях. Вернуться! Вернуться хочу отсюда. Не знал первое время, что эти места связаны с семьей моей матери, как-то расскажу тебе. Долго тянутся часы в конторе, зависит это, в конце концов, от той работы, которую имею. Иногда вижу, как мало знаний дает львовская политехника. Получаю иногда работу и абсолютно не знаю, как к ней подступить, и стыдно в этом признаться. Беру тогда книги, и в них ищу подсказки. Медленно познаю фабрику, но всегда вызывает она во мне отвращение и, может, страх иногда. Мою самую красивую целую в глазки.

И.

18/31 ноября 1907. Каменское

Зо!

Был на венчании в костеле. Сегодняшняя открытка к тебе представляет собой вид с башни костела на часть больницы и фабричной школы, которую посещают 2000 детей. Кроме того, есть мужская и женская гимназии, открытые в этом году и имеющие уже по четыре класса – столько учится здесь молодежи! Недолго ждать, и откроют здесь университет, так быстро растет Каменское.

Игнатий

21/11-4/12 1907. Каменское

Милая, дорогая, единственная!

Зосенька моя, позади уже почти два года, как мы обручены, ты была вымечтанной нареченной, сколько ты дала доказательств своей любви! Читал твое последнее письмо... оно повергло меня в дрожь, чувствовал из него, что ты принадлежишь мне полностью. Эта мысль приносит мне такое наслаждение, вижу тогда и глаза, и сладкие губы твои, чувствую жар поцелуев. И дрожь, полная наслаждения, охватывает меня. Здесь, в наших комнатах, владелица дома Неймицова выдала счастливо четырех своих дочерей замуж, счастливая квартира!

* Адвент – время радостного ожидания Рождества у католиков, которое сопровождается постом. Чтобы обвенчаться в Адвент, Ясюковичам потребовалось специальное разрешение архиепископа.

Игнац.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ВЕНЧАНИИ

В воскресенье 15 декабря 1907 года в 6 вечера в каплице Сердца Иисусового в Скерницах произойдет обряд венчания госпожи Ядвиги Софии Ягельской с господином Игнацием Ясюковичем.

В Скерницы Варшавской губернии
Вельможной Софье Ясюкович
Каменское, понедельник 21/7 - 3/8 1908 г.

Любить – это страдать! Зосечка, я страдаю, потому что люблю... люблю тебя, моя маленькая... и хочу иметь такое страдание... Потому что потом эти страдания кажутся так ничтожны в сравнении с тем счастьем, какое может дать лишь любовь. Зосенька, та минута, когда после долгой разлуки, губы опять встретятся с губами... Необыкновенно прекрасное мгновение... помнишь, Зосенька? Нахлынул целый рой наших воспоминаний... закрываю глаза, Зосенька. О, если бы мог обнять тебя, ощутить твоё тепло. Скажи, или это не божественные, несравнимые ни с чем минуты...

Сегодня, Котик, пришел ответ Сундгрена – мне назначили 90 рублей... мало, котик золотой, теперь будем иметь, но как-то выкрутимся. Мы – магнаты... Твои глазки... твои губки... чудесные, дорогие, они мне дают счастье... Если бы мог заключить тебя в объятия!

Вторник. Я счастлив! Что люблю и любим... ибо имею такую чудесную, золотую кошечку, такую дорогую женушку возлюбленную. Не могу себе представить, что через каких-то три недели буду обладать тобою, кажется это каким-то недостижимым счастьем... при воспоминании о котором меня пронизывает прекрасная дрожь.

Игнаций

Каменское, вторник 27/04-10/05 1910 г.

Вчера приехал Ясюкович, сегодня в клубе вечеринка, на которой должны появиться Ясюкович с женой и Вильговы (то есть супруги Вильга – Ян и Мария, сестра директора-распорядителя – авт.). Колеблюсь, не пойти ли и мне, но решил сидеть дома, что мне принесет участие, разве что целование рук дамам? В конце концов, если кто из них хотел бы меня видеть, могли бы и пригласить меня, правда, Зосенька?

Игн.

В Варшаву ув. С. Ягельской
Каменское, пятница 7/10 мая 1910 г.

Зосечка, самая дорогая!

Моя женушка немного попробовала Варшавы, правда? Забывала, может временами, что имеешь мужа, что имеешь сына, правда? Казалось тебе минутами, что ты девушка, как давней весной, а мысли о нас были тебе неприятны тогда?

Живу, как волк – возвращаюсь с конторы, после ужина иду на час на прогулку, потом возвращаюсь и читаю. Столько нужно прочесть, но не хватает времени, ложусь уже около двенадцати... Никуда не хожу, т.к. нет желания, ни в клуб почитать газеты, ни в сад при клубе, где уже играет музыка. Еще домов не начали строить, а уже составляются заявки на квартиры, их будет восемь в двух новых домах; один дом в четыре квартиры по пять комнат, а второй – четыре квартиры по шесть комнат. Имеют виды на эти дома разные начальники... Со вчерашнего дня так нахмарило, что не можем наблюдать за кометой, ко-

торая должна быть видна вечерами.

Игн.

Каменское, пятница 1/14 октября 1910

Сегодня вечером должен приехать Ясюкович, так мне не хочется идти на этот ужин в его честь, это потянет только расход, а в результате ничего с этого не будет. Это будет стоить около 10 рублей, может фабрика вернет эти деньги? Зосечка! Какая тут серая жизнь! Каждый день то же самое, толкаешь тачку перед собой! Как бы хорошо было отсюда вырваться!

Суббота. Сегодня состоится вечеринка с холодной закуской. Иду, чтобы потом не навредить себе. От женушки два дня не было писем!

Игн.

Из Варшавы в Каменское
среда 22/5 октября 1910 г.

Жду каждого письма, как спасения.
Пиши.

Софья

Каменское, 14/27 мая 1911 г., суббота.

Любимая Зойка!

Та тишина и покой, которые воцарились вокруг (после вашего отъезда на Кавказ) мне дали возможность поразмыслить над прошедшими последними годами... Грустно мне признаться, что иначе мечталось, иной жизни ожидал и иначе эта жизнь складывается. Нужно этому положить конец, помоги мне. Зоха, так дальше не должно быть, нужно подняться выше, нужно поднять голову вверх, в небо. Если всю жизнь нельзя витать в облаках, то, Зоха, идя обыденной дорогой жизни, не должны идти с опущенной головой...

Знаю, что отношения, в каких мы здесь находились, являются исключительно неприязненными и тяжелыми, но с момента нашего выезда отсюда отношения эти изменятся. Зоха! Пойдем дальше через жизнь иначе, сделаем эту жизнь лучше, благородней, чтобы не пришлось краснеть за свое прошлое. Целую тебя в лапки.

Твой Игн.

Каменское, 9 июня 1911 года.

Железноводск, Ее высокородию Софии Ясюкович.

Буду, Зоська, ждать вас в Запорожье в 6 вечера в субботу 2 июля, а через неделю, т.е. 9 июля этим самым поездом выедем из Каменского. Возвращайтесь здоровыми и в хорошем настроении.

Игнаций

И они покинули Каменское 9 июля 1911 года.

Глава 14

Человек другой эпохи

Одним из первых, кто начал мне рассказывать о костеле, был директор Народного музея ДМК М. Васильев.

– Я его помню! Хотя сколько мне там было, лет восемь, наверное... Просто непередаваемо, такая красота... Но лучше, Саша, если бы ты расспросил о костеле у Кушковского, вот кто его помнит! Только учти, если ты ему не понравишься, он и разговаривать не станет, гордый старик.

И однажды около заводууправления Михаил Иванович остановил суховатого, седого, чуть сгорбленного человека.

– Генрих Александрович!

– Да. – Сдержанно ответил тот.

Обычно Васильев, скептический и ироничный, с высоты своего возраста и жизненного опыта несколько снисходительно разговаривал с людьми. Но сейчас перед ним стоял некто, кто был старше и выше его и по возрасту и, возможно, по жизненному опыту.

– Здравствуйте, Генрих Александрович, как поживаете?

– Ничего, спасибо.

От Кушковского, а это был он, веяло забытым у нас благородством и чувством собственного достоинства. Почему-то вспомнились мои двоюродные деды Александр и Бронислав Кальвасинские. Что-то неувлимо общее было у них с этим почти девяностолетним человеком.

Васильев представил меня Кушковскому, и когда я сказал, что по материнской линии веду свой род от первых колонистов Каменского – Кальвасинских и Бухманов – он с каким-то странным вниманием взглянул в мою сторону. Я предложил встретиться, и Кушковский пригласил меня домой. Мне повезло. Представитель самого старшего поколения днепродзержинцев-каменчан, он видел римско-католический костел в пору его расцвета. Генрих Александрович, человек сам во многих отношениях удивительный, живое олицетворение истории нашего города.

– Помню ли я костел? О, он стоит у меня перед глазами!

И Генрих Александрович будто проводит меня по прекрасному храму, ключ от которого хранится в глубинах его ясной памяти.

– А жизнь какая была тогда, эх... Наш город даже Золотым Рогом хотели назвать, а передумали. Мы жили на Нижней колонии, и я мальчишкой бегал через Верхнюю колонию в лютеранскую школу. Тогда на Верхней колонии не было так грязно, как сейчас. На месте властей, я бы вызвал милицию и заставил хозяев поубирать хотя бы под окнами. Хорошо жили до революции. Людям верили на слово. Пошли мы с матушкой в магазин, меня там одели с ног до головы, и хотя в том магазине не было шапок и обуви, послали приказчика в соседний магазин, и он принес мне и то и другое. Шапка оказалась велика и приказчик вторично, без всякого недовольства, пошел в тот магазин и принес вторую шапку. У нас не хватило денег на всю покупку. И хозяин говорит: «Ну, ничего, не переживайте, будут деньги – принесете!» Матушка отвечает: «Ну, запишите хотя бы нашу фамилию». «Нет, нет, не надо, – отвечает хозяин, – я вам верю, я вижу, вы порядочная женщина».

Все это для меня безумно интересно, но я осторожно пытаюсь навести мысли Кушковско-

го именно на костел.

– Да, после входных дверей и тамбура, через вторые стеклянные двери вы попадали в сам костел. Справа и слева от входа стояли исповедальни для мужчин и женщин. Человек входил в исповедальню и через окошечко разговаривал с ксендзом. С потолка свисала огромная люстра с множеством свечей, стены раскрашены такими голубыми линиями-волнами. Знаете, молодой человек, я собираюсь на листе ватмана изобразить, что и как располагалось в костеле.

– А как назывался наш костел, не помните?

– Как это не помню? Костел святого Николая. На стене главного алтаря висело распятие, стояли деревянные фигуры в рост человека, а к потолку была подвешена стеклянная звездочка, диаметром с полметра, в ней все время горела лампочка. Алтарь отделялся от зала барьерчиком и двухстворчатой калиткой, а перед ним слева у стены, стоял треугольный столик, а на нем белая статуэтка Матери Божьей. Такая красивая! Говорят, ее немцы увезли в Германию при отступлении. Ну, не знаю.

Я сижу и не перестаю удивляться цепкой памяти Генриха Кушковского и ужасно боюсь забыть что-нибудь из того, что говорит мне этот удивительный человек.

– В правом малом алтаре висела икона – Пан Езус с нарисованным сердцем и такая же метра два высотой икона Матки Боскей висела в левом алтаре. Наверху располагались хоры, здесь же стоял и орган. В начале в хоре пели мужчины, а потом только женщины. Где-то в тридцать седьмом их почти всех арестовали. В Каменском было много чехов, они играли в духовом оркестре, и этот оркестр играл на особо торжественных службах. Молодой человек, а вы понимаете по-польски?

Я утвердительно кивнул головой.

– А еще в костеле висела белая мраморная плита с надписью, что этот костел построил Ясюкевич. Если б вы знали, какие тогда жили люди, и какой был порядок! Ясюкевич, Храповицкий, Макомаский... Уже много времени прошло после революции, будь она трижды неладна, когда коммунисты пришли к власти, а мы на заводе помнили их всех, а в особенности Ясюкевича. При костеле был комитет помощи бедным, его возглавлял Храповицкий, главный счетовод фабрики, и когда умерла его молодая красавица-жена, ее положили в нижний костел или покойницкую, в большом подвале костела. Она лежала там двое или трое суток в гробу со специальным стеклянным окошечком, чтобы можно было посмотреть на лицо покойницы. И меня моя матушка поднимала к окошечку, чтобы я мог посмотреть на Храповицкую.

– Генрих Александрович! А не могли бы вы припомнить имена католиков, которых можно пригласить в костел, и где они живут?

– Отчего же, конечно можно. Я молю Бога, чтобы власти восстановили и отдали полякам костел, вы бы видели, какой он был раньше!

И девяностолетний Генрих Кушковский начал называть фамилии. Вместе с «моими» католиками набралось около двух десятков имен, и все было бы хорошо, если бы у Генриха Александровича не происходило некоторое смещение масштаба времени.

– Вот еще вспомнил, – говорил он, – Барон, как же его зовут, ах, – вылетело из памяти. В последний раз я его видел, кажется в тридцать шестом году.

– Или сестры... сестры... ну, они еще жили на Песках... Помните, когда открывали каплицу... что, не помните? Еще на свете не было? А сколько же вам, молодой человек, лет, что вы ничего не помните?

Кушковский достал фотографии дореволюционного Каменского и вырезки из тогдашних газет. Становится грустно. Нам, привыкшим считать царскую Россию тюрьмой народов, не так-то легко свыкнуться с мыслью, что мы являемся самыми настоящими варварами, тупиковой ветвью истории по отношению к тому времени, той культуре и тем людям. Один из них, как пришелец из прошлого, передо мной.

– Я сам хотел писать Папе Римскому, чтобы помог с восстановлением костела, но от чьего имени писать? Почти все мои сверстники поумирали, а кому он, кроме нас, нужен?

Говорят, что имеем – не храним, потерявши – плачем. А мы не храним, но и не плачем, потому что не знаем, что потеряли. Так легче, почти хорошо.

Генрих Александрович показывает карандашный рисунок, изображающий пристань на Днепре, сделанный им в мае 1926 года. Подумать только – в 1926 году! А ему уже было двадцать пять.

– Вот, молодой человек, номера чертежей костела, найденные мной в архиве завода. Возьмите, может быть, когда-нибудь пригодятся. В свое время я потратил немало сил на их розыски... До революции в костеле было три ксендза. Настоятель жил в плебане, другой ксендз в доме на Верхней колонии, а третий уже не помню, где. У меня было свое любимое место в костеле, недалеко от восьмигранной амвоны. Теперь ничего этого нет, эх...

А вот опять фотографии. И я слышу рассказ Кушковского, как он делал «двойной шарталь-морталь», будучи вратарем футбольной команды города и как на Фонтанке в Ленинграде ему не хватило каких-то ста метров, чтобы стать чемпионом страны в гонках на байдарках. Он смотрит на лица своих друзей молодости: этот репрессирован и этот репрессирован, этот умер от голода, а этот застрелился из страха перед арестом.

– В тридцатые годы жить стало очень страшно. Что коммунисты с нами сделали! Ой, поляков много забирали. В магазинах тогда не было пусто, но жить стало страшно, каждый ждал, что придут и за ним. Идешь с работы, а внутри мысль – дома уже ждут. Или ночью заберут, или под утро. День прожил и, слава Богу, и так, в страхе и ужасе, многие годы.

Мне почему-то стыдно и не хочется говорить, что я – коммунист. Хотя почему я связал свою принадлежность к партии и репрессированных друзей Кушковского?

– А вот это ваш дедушка, – показывает он мне групповое фото, – мы с ним дружили.

Господи, а я и не знал! Как, к стыду своему, не узнал собственного деда, хотя какой он тут дед... Его расстреляли в тридцать восьмом, когда он был на год моложе меня. История сделала очередной шарталь-морталь, и я, спустя два поколения, смотрю на фотографию, смутно угадывая свои черты в этом молодом парне.

Мне хочется сказать Генриху Александровичу, другу моего деда, что-нибудь хорошее и ободряющее, и я желаю ему здоровья. Мне больше нечего ему сказать. И что я могу пожелать еще?

Глава 15

Апофеоз

Восьмого сентября 1913 года Каменское торжественно, шумно и весело собиралось отметить 25-летний юбилей Днепровского завода и деятельности его директора-распорядителя Игнатия Игнатьевича Ясюковича.

Пятого сентября с курьерским поездом прибыла в Каменское супруга директора-распорядителя ЮРДМО госпожа Бронислава Генриховна Ясюкович.

«Отклики жизни» начали печатать подробную программу празднования, в которой предусматривался молебен в церкви, собрание в Народной аудитории, исполнение оркестром Русского Народного Гимна, Бельгийского Народного Гимна и Юбилейной увертюры. Далее должно было состояться чтение адресов и приветствий, в том числе от всех служащих Общества (на французском языке), от служащих Правления и Днепровского завода, сообщение, что служащими Днепровского Общества собран капитал в 120 тысяч рублей для учреждения стипендии имени И. И. Ясюковича.

Программа народного гуляния включала в себя музыку оркестра общества «Эхо» и полет на воздушном шаре. Сотрудник Каменской газеты писал: «Сегодня в 4 с половиной часа пополудни в парке Народной аудитории совершит полет на воздушном шаре «Монгольфьер» на высоту в две версты знаменитый летчик Варшавы г. Шиманский, летавший с большим успехом в Гродно, Подольске, Варшаве и других городах России. Полет обещает быть очень интересным».

Кроме того, на открытых сценах с 6-7 вечера должны были выступать гимнасты на трапециях, два босяка-куплетиста, семья флейтистов из семи человек, музыкант-эксцентрик, фокусник, а также силач-атлет с тяжестями. В 8-10 вечера Кинематограф предлагал каменчанам пате-журналь, видовой фильм, драму, комедию. В 10-11 вечера гулянья должны были завершиться фейерверком: солнце, фонтаны, ракеты, римские свечи, бураки в бомбе и просто выстрелы. Предполагалось выдать всем рабочим Завода по два билета для каждого, но не более десяти тысяч билетов.

Вот как описывал этот праздничный сентябрьский день корреспондент газеты «Отклики жизни».

Великолепная погода. Природа как бы сама приветствует нас и хочет праздновать вместе с нами. С самого раннего утра заметно на улице движение празднично убранной публики. Сегодня все стремится к общему торжеству, и народ сознает это. Он идет в церковь молиться, а потом – праздновать юбилей того человека, который в течение двадцати пяти лет неустанной работы создал такое громадное дело, приютившее вокруг себя тысячное население. Кроме хлеба, этот человек постарался обеспечить своих рабочих учебными и просветительными учреждениями, где им дают знание и из детей их готовят честных тружеников на пользу стране и всему человечеству.

Звон... и народ с благоговением отправляется в церковь.

Около десяти с половиной часов утра православная церковь наполняется членами правления Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества, начальствующими лицами, депутатами и почетными гостями. Ровно в одиннадцать часов настоятель церкви протоирей отец Павел Петров встречает на паперти прибывшего юбиляра И. И. Ясюковича.

Молебен закончился многолетием Государю Императору, Государыне Императрице и всему Царствующему Дому, после чего было провозглашено многолетие юбиляру. Из церкви все депутаты и почетные гости во главе с Ясюковичем отправились в Народную аудиторию, где были встречены маршем оркестра общества «Эхо». Растроганный юбиляр благодарил всех депутатов, целуя каждого. Депутаты огласили приветственные адреса.

От служащих завода: В течение 25 лет Вы нам были не только олицетворением власти, но и учителем, не столько наставником, но и отцом.

От православного прихода: Вы неустанно шли навстречу высшим запросам духа Ваших многочисленных служащих и рабочих... Высшим делом проявления этих забот и попечений является устройство Вами Храма во имя Святителя Чудотворца Николая. В сегоднешний многозначительный для Днепровского завода день здесь собрались представители железного дела, чтобы суммировать плоды Вашей 25-летней благотворной деятельности на пользу отечественной промышленности и отдать Вам справедливую дань.

Депутация от римско-католического прихода в лице ксендза Долонговского, господ Вуйцика, Залесского, Козловского и Турецкого огласила приветственный адрес:

Глубокоуважаемый юбиляр, Игнатий Игнатьевич!

У каждого народа, в каждой стране и семье есть свои торжества и годовщины, посвященные памяти важнейших событий, которые сливаются с их жизнью. Такой торжественный момент празднует сегодня римско-католический приход в селе Каменском. Двадцать пять лет истекает со времени прибытия сюда, на берега Днепра, в поисках труда, группы католиков. Нашедши под Вашим покровительством, глубокоуважаемый Юбиляр, вместе с другими, работающими под Вашим руководством, материальное благосостояние, она нуждалась еще и в нравственном оплоте. Нанятый общими силами в 1889 году молитвенный дом был слишком тесен. Видя, что эта маленькая часовня оказывается недостаточной, Вы, не взирая на то, что были обременены чрезмерными трудами и хлопотами, не забыли дать этой горсти людей, преданных вере предков, то, что им дорого – храм Божий. Вспомните, как радостно встретили они Вашу инициативу постройки костела, сколько чувства благодарности вызвали Вы этим в сердцах людей, для которых храм служит хранилищем и источником утешения и силы в тяжелом труде. Благодаря Вам у нас есть храм, который составляет нашу гордость. Примите же, глубокоуважаемый Юбиляр, от здешнего прихода сердечную благодарность и пожелание, дабы Всевышний даровал Вам здоровье для многолетнего труда на пользу человечества и на Славу Божию.

От общества ревнителей женского образования: С первого дня учреждения в селе Каменском Женской гимназии Вы не переставали интересоваться ее развитием и в трудные минуты поддерживали ее щедрыми пособиями, и только благодаря Вам село Каменское украсилось таким великолепным зданием Женской гимназии.

От каменского сельского общества: Общество крестьян села Каменского прекрасно понимает, кому оно обязано процветанием и ростом своего родного села.

От римско-католического общества пособия бедным в с. Каменское: В эту торжественную и трогательную минуту, мы, представители Католического общества Пособия бедным в Каменском приветствуем Вас, глубокоуважаемый Юбиляр, как лицо, прославившее имя своим умом, трудолюбием и любовью к ближнему. Основанное при Вас и поддерживаемое Вашей щедротой, наше Общество процветает, дает возможность помогать бедному в нужде, сироте в несчастье, а детей воспитывать в приюте и школе. Пусть эти учреждения будут для Вас славой, а для нас прочным памятником нашего сердца, ко-

торое способно любить все возвышенное и доброе.

Подписи: Макомаский, Войцеховский, Шоловский, Пострых, Скибинский.

От рабочих Днепровского завода: Оценку Ваших трудов на пользу родной промышленности и общества Вам сделает история металлургического дела.

Оглашаются приветствия от Евангелическо-Лютеранского прихода, от разночинцев села Каменского, крупнейших металлургических заводов России, рудников и копей, директоров предприятий.

Еще долго до начала народного гуляния, но улицы и переулки заполнены народом. Прекрасное впечатление производит Верхняя колония с прилегающими к ней местностями. У зимнего клуба устроен ряд колон, соединенных электричеством и перевитых живыми цветами. Вся колония тщательно убрана цветами и национальными флагами. Особенно приятное впечатление производят только что законченные постройки площади над бассейном, где изрытая канавами и запруженная подводами площадь обратилась в одно из красивейших мест Верхней колонии. С колонии мы проходим в народный парк при аудитории, который с неимоверной быстротой обратился в какое-то царство цветов и тысяч разноцветных электрических лампочек, проведенных в продолжение всего парка. В парке со стороны, прилегающей к Свято-Николаевской церкви, открывается совершенно другой мир. Нам приходится пройти длинную арку, которая представляет собой нечто феерическое. Свет лампочек ослепляет зрение, и бесчисленное множество национальных флагов, развешанных и расставленных по всему парку, высоко и низко, на минуту так ошеломляют, что не хочется верить, что за этим царством зелени и света существует другой обыкновенный мир.

Заглянем в Яхт-клуб. Роскошно убрано. Среди зелени и света расставлены столы, приготовленные к обеду. И среди этого царства зелени помещен портрет юбиляра – виновника торжества. С удовольствием хочется сказать спасибо тем, кто распорядился устроить этот праздник, который надолго не изгладится из памяти народа. Нескончаемые ленты движущегося народа тянутся со всех сторон к одному месту – к парку Народной аудитории. К четырем часам там такая масса публики, что яблоку, кажется, упасть негде. Вот общее внимание привлекает воздушный шар, который быстро растет и вместе с авиатором поднимается высоко в небо. Авиатор, висая в воздухе, грациозно раскачивается. Глаза всех прикованы к шару, который медленно движется по направлению к заводу. Прошло не больше получаса, как шар спустился настолько низко, что авиатор ударился о крышу дома Смирнова, свалился в бессознательном состоянии на землю и шар потащил его по земле*.

С большим усилием сбежавшиеся освободили его от веревок. Приехавшие из аудитории за авиатором привели его в чувство и доставили в аудиторию.

К вечеру уже невозможно было выбраться из людского течения. Вот зажглись огни и гуляющим представилась дивная картина. Множество разноцветных лампочек горит в воздухе и между ветвями деревьев, вызывая общий восторг и удивление. Масса света и удовольствия, а главное – всюду порядок, спокойствие, как будто все прониклись мыслью и самому получить удовольствие и другим не помешать.

Начался съезд в Заводской клуб, и к восьми часам вечера все помещение клуба представляло дивную картину. Мужчины во фраках, многие при орденах, дамы в великолепных бальных туалетах. Гостей встречает сам юбиляр И. И. Ясюкович с директорами завода. Супругу юбиляра Брониславу Генриховну встречают и подносят букет цветов. Всем да-

* Феодор Смирнов – известный в Каменском владелец трактирных заведений.

мам также подносят великолепные букеты. В начале десятого часа гости были приглашены к закуске под чудно устроенный перед зданием клуба шатер, после чего все разместились в зале и прилегающих к нему комнатах за столами, занимая уже заранее распределенные места.

В середине, за большим средним столом, стоявшим у сцены, разместились юбиляр господин Ясюкович с супругой и члены Правления Общества, директора заводов, а далее уже все приглашенные. Как только подали шампанское, юбиляр поднялся с места и провозгласил тост за здоровье Его Величества Государя Императора, Государыни Императрицы и наследника Цесаревича. Громкое «ура!» покрыло тост, а оркестр трижды исполнил Русский народный гимн «Боже, Царя Храни».

Далее юбиляр обратился с речью к присутствующим, в которой вспомнил о начале своей деятельности ровно двадцать пять лет тому назад, когда все еще были молоды, как и само дело. Окинув мысленно прошлое, с грустью вспомнил о товарищах, покинувших завод, так и свет Божий навсегда. Задушевная речь господина И. И. Ясюковича была покрыта долго несмолкающими аплодисментами.

Трудно упомнить все тосты. Но вот просят у юбиляра разрешения доложить телеграммы, полученные со всех концов Европы на его имя, которых была уже целая кipa. Обед закончился в двенадцать часов, после чего начались танцы. Ясюкович был в великолепном настроении и сам принял участие в полонезе. Да, это был поистине дивный полонез «старой гвардии» Днепровского Общества, сумевшей в течение двадцати пяти лет высоко держать знамя Южно-Русского Днепровского металлургического Общества.

На следующий день 9 сентября 1913 года Игнатий Игнатьевич Ясюкович посетил детский католический приют и костел Святого Николая.

Как оказалось, в последний раз.

Глава 16

Памятник архитектуры

1990-й год давно перевалил экватор. Если бы мы обернулись назад и окинули взором более чем полугодовой путь и сравнили сделанное, узnanное и посеянное с тем, чем мы располагали вначале, то определенно можно было бы сказать, что дело, за которое мы взялись, если и не сдвинулось с мертвой точки, то обрело вполне очертаемые контуры. Оно оказалось больше, шире, глубже, сложнее и интересней, чем мы предполагали. Но чудилось, вот-вот и в наших руках появится золотой ключик, который со скрипом, но отопрет старую дверь с нарисованным на ней костелом. А если нет – мы просто проломим стену. Но время уходило, как песок сквозь пальцы, мы топтались на месте, и по совету Нины Александровны Цыганок я направил письмо в Киев, сотруднику института теории архитектуры А. Тищенко, с которого и заварилась вся эта каша с костелом. Целью письма было попытаться ударить с другого бока и использовать влияние ВНИИТАГа для постановления днепродзержинского костела на учет, в качестве памятника республиканского значения.

«Постановкой на республиканский учет ведает Совет Министров УССР, а о регулярности этой постановки хочу сообщить Вам следующее, – отвечал Александр Иванович Тищенко. – Первая такая попытка состоялась 24.08.1963 г. (решение № 970) – это первый и пока

единственный раз, когда на республиканский учет брались памятники а priori. Вторая постановка состоялась 06.09.1979 г. (решение № 442), то есть, через 16 лет! Когда произойдет следующая такая постановка, одному Богу известно... А сейчас, в 1990 году, по моим сведениям, никто этим списком пока не занимается. Поэтому, поверьте, что идея организации полномочной комиссии из Киева для обоснования республиканской категории днепродзержинского костела – утопия и напрасная трата времени. У Вас есть полная возможность, насколько я понял из Вашего письма, поставить костел на учет, как памятник архитектуры местного значения. Мой Вам совет: не упускайте эту возможность, если хотите сделать доброе дело для костела.

С уважением А. Тищенко. 20.IX – 1990»

Получив столь категоричное письмо, мы перестроили боевые порядки и пошли на штурм костела, как памятника архитектуры местного значения, благо такая возможность действительно сама плыла в руки.

Поскольку я являлся членом комиссии по культуре и искусству, а Елена Григорьевна Фесун – заведующей отделом культуры, нам не представляло никакого труда записать в проект решения ближайшей сессии горсовета, посвященной вопросам состояния культуры в Днепродзержинске, пункт о признании здания костела памятником истории и архитектуры местного значения.

Сессия была назначена на февраль 1991 года. Вопрос «О состоянии культуры» стоял в повестке дня четвертым или пятым, и я, прикидывая наши шансы, считал, что наш до- нельзя поляризованный, подозрительный, непредсказуемый парламент проглотит «живца» и должен проголосовать положительно.

Перед началом сессии я подошел к первому секретарю горкома партии, депутату горсовета Леониду Дуброву.

– Леонид Васильевич, сегодня будет обсуждаться вопрос о костеле. Вы не могли бы выступить в поддержку?

– Знаете, я не специалист в подобного рода вопросах, и мое суждение может оказаться ошибочным. Не лучше ли попросить об этом, скажем, Власенко? Иван Федорович, подойдите, пожалуйста, к нам.

Иван Федорович Власенко, член Союза архитекторов СССР, председатель постоянной комиссии по градостроительству и архитектуре отличался совершенно особым строем речи, неумной энергией и непоседливостью.

– Иван Федорович, мы здесь говорим о необходимости признать католический костел памятником архитектуры. Вы согласны с таким мнением?

– Костел – это золотой фонд моего трепета! – заявил член союза архитекторов, заводясь с пол-оборота. – Здесь не может быть двух мнений! Это величайшее, я еще раз вам говорю, величайшее, уникальнейшее сооружение. Я больше имел дело с церквями, я их чувствую, как заключенный после освобождения чувствует, понимаешь, обнаженную женщину. А костел... Позор!

Слушать Ивана Федоровича нужно было между слов, как кое-что читать между строк.

– Иван Федорович! – невозмутимо продолжал Дубров и только где-то в глубине его глаз плясали веселые искорки. – Может, вы скажете пару слов в прениях?

– Скажу?! Я сегодня физиологически возбужденный и меня просить не надо. Коммуни-

стический блуд! Вот что такое костел, если вывернуть наизнанку нашу историю! Вокруг нас образовалось депутатское собрание – коммунисты, демократы, независимые. Власенко, человеку, в общем-то, безобидному, многое сходило с рук, в том числе и «коммунистический блуд» от депутатов-ястребов.

Власенко начал вслух читать проект решения сессии:

– *Признать здание костела... так-так хор-рошо!.. единственного в городе сооружения неоготического стиля... Европ-па! Культура!.. памятником... хор-рошо, порядок!.. истории и архитектуры... иудеи, католики, православные, магометане, ах, как хорошо!.. местного значения... ах, как хорошо!* – вырывались на свет Божий мощные трубные звуки.

– Но в чем тут заключается блуд? Блуд, это я вам говорю утрированно, заключается в том, что католики должны требовать все, что было их, пусть запросят Ватикан, архивы, документы... все, как положено!

В это время затрещал звонок, и зал заседаний начал втягивать в себя депутатскую массу. Заседание продолжалось, но совсем не по нашему сценарию: один из вопросов, казавшийся архисложным, депутаты «проскочили» за несколько минут, и следующим был вопрос «О состоянии культуры». А Цыганок появится лишь через два часа!

Доклад делала Елена Григорьевна Фесун. Она волновалась, нервничала, вся испереживалась, и ее речь, обычно четкая и правильная, как-то скомкалась и стала похожа на мою. Она слишком увлеклась цифрами, и вопрос «О состоянии культуры» прозвучал суховато и превратился в вопрос «О финансовом состоянии культуры». Касаясь проблемы признания костела памятником архитектуры, Елена Григорьевна сказала:

– Да, товарищи, восстановление костела – нелегкая задача, по некоторым оценкам оно обойдется городу в пять миллионов рублей.

Депутатский зал встревожено загудел. Пять миллионов! Они там с ума сошли, откуда деньги? Такой дефицит бюджета, черт знает что!

Я мысленно схватился за голову. Зачем это говорить, ведь речь идет о признании костела памятником, а не о его финансировании! Это был критический момент.

Начались прения. Мы заранее условились, что от комиссии по культуре в прениях выступят наш председатель Виктор Евтушенко и депутат Юрий Сушко, я же готовился к постановочному обсуждению, где красота слога не имеет такого значения.

Когда дело дошло до костела, слово попросил Власенко. Он зычно трубил в микрофон:

– Товарищи депутаты! Я широко болею душой за костел, это было дальняя астрономическая ошибка с его, понимаешь, закрытием. Костел – уникальнейшее достояние лучших умов человеческого прогресса. И я взываю к вашему гражданскому мужеству: костел так или иначе надо ограждать, спасать и признавать памятником. Я вам, как архитектор, скажу от себя и от всей нашей комиссии – нужно принимать и точка. Заранее жарко благодарю всех, кто проголосует за это мудрое решение.

К микрофону подошел Юрий Сушко.

– Господа, я не понимаю, почему ведутся прения по столь ясному вопросу. Я призываю всех проголосовать «за» и двигаться дальше по повестке дня.

Пока вроде все шло нормально, вот только как бы своими «господами» Юра не довел кое-кого из «товарищей» до белого каления!

– А я лично считаю неправильным, что мы хотим признать костел памятником местного значения, – заявил очередной оратор. – Предлагаю внести изменение в проект и записать: признать здание костела... м-м... и так далее по тексту – памятником архитектуры республиканского значения. И прошу меня поддержать.

«Ага, мой черед! Сейчас мы его признаем восьмым чудом света!» – думал я, пробираясь к микрофону, забывая, что всего несколько месяцев назад хотел практически того же.

– Уважаемые депутаты! Мы не имеем п-права признавать костел памятником республиканского значения, это не в нашей компетенции. Предлагаю формулировку оставить... э-э... не изменять и проголосовать за памятник местного значения.

– Товарищи! Здесь прозвучала цифра в пять миллионов рублей. Это что, надо выложить столько денег? Если так, я буду голосовать против!

– Мне кажется, здесь что-то нечисто. Сейчас они просят признать костел памятником, а на следующей сессии потребуют деньги на его реставрацию!

Услышав такие речи, я развернулся и опять поспешил к микрофону. Здесь уже стоял Сушко.

– Юра, дай я скажу, – попросил я его. Он кивнул и отодвинулся в сторону.

– Уважаемые депутаты! Мы не просим никаких денег, в городе создана инициативная группа по спасению костела и я, как ее представитель, официально заявляю: мы не просим денег! У нас есть план восстановления костела, одним из этапов которого является признание костела памятником архитектуры. Я еще раз призываю вас проголосовать за наше предложение.

По правде говоря, я тут немного погрешил против истины, говоря, что «у нас есть план», и что у нас и в мыслях не было зариться на городской бюджет. Но всякий, говорящий правду и только правду, о чем-нибудь да умолчит!

Потом еще раз выступил Юра, и кто-то из депутатов, но нормально, со словами поддержки. Наступила решающая минута.

– Кто за то, чтобы признать здание днепродзержинского костела, единственного в городе сооружения неоготического стиля, памятником истории и архитектуры местного значения, прошу голосовать!

– Кто против?

– Решение принято, переходим к следующему вопросу.

Победили!!! Мы победили!

Через некоторое время усилиями Н. Цыганок и М. Васильева на костеле появилась охранная доска, предупреждавшая, что здание костела, сооруженное в 1897 году, охраняется государством и его повреждение карается законом.

Данный текст еще многие годы веселил всех, кто, не зная предыстории, читал его без соответствующего разъяснения. Никому самостоятельно как-то не приходило в голову, что охранный доска свидетельствует не о прежней нежной заботе государства о костеле, но

налагает вето на дальнейшее официальное и сознательное разрушение бывшего католического храма.

Решение городского совета о признании здания костела памятником истории и архитектуры стало пиком деятельности инициативной группы по спасению костела. В этом решении, как в фокусе, сошлись наши усилия, встречи, разговоры, совещания, обращения, выступления на радио и в прессе. Тема реставрации католического костела от бесплотных воздыханий и робких надежд поднималась на общегородской уровень, о ней было заявлено, как о задаче, требующей не только внимания, но и практического решения.

Казалось, вот-вот что-то произойдет, и закон перехода количественных изменений в качественные проявит себя именно на примере днепродзержинского костела. Но ничего! Ничего не происходило. Бездна надежды все более сковывала руки. Мы продолжали по инерции встречаться, что-то узнавать и кому-то звонить. Потрясающая бедность общества охраны памятников не давала и теоретической надежды на надежду. Отдать костел в чьи-то коммерческие руки с размещением там престижного ресторана с тем, чтобы, окончательно погубив его душу, спасти хотя бы тело? Последней соломинкой, за которую мы ухватились, чтобы выдуть из нее мыльный пузырь, стала идея учреждения городского фонда «За спасение костела», соучредителями которого могли бы стать, по нашему мнению, руководители крупнейших предприятий и организаций города. Напечатав от их имени обращение к жителям Днепродзержинска, мы поняли, что еще немного и дойдем до маразма.

Подняв шум, перестучавшись во все двери, мы застыли, пораженные неприятной тишиной и догадкой, что нам не откроют. Я чувствовал себя обманутым. А ведь казалось — за спиной крылья! А верилось в особое предназначенье. А мечталось...

Глава 17

Смерть и война

«Телеграф принес тяжелую весть о кончине 26 августа 1914 года в собственном имении человека выдающихся способностей, огромной известности и больших гражданских заслуг Игнатия Игнатьевича Ясюковича. Имя и дело его будет жить вечно в благодарной памяти соотечественников, как щедрого филантропа, всегда спешащего на помощь и полного несказанного, невыразимого почтения к людям» (из некролога в газете «Курьер Литовский»).

Скорбная весть потрясла Каменское. Еще год назад Ясюкович был здесь, и все казалось незыблемым. В докладе Правления ЮРДМО общему собранию акционеров, состоявшемуся в Санкт-Петербурге, отмечалось: «...результаты за истекший операционный год значительно превзошли результаты за все предшествующие операционные периоды, причем наступивший год обещает по всем признакам быть не хуже прошедшего. В виду этого, Правление Общества полагает, что вы, несомненно, разделили то воодушевление, с которым отмечалась недавно праздновавшаяся 25-летняя годовщина пуска в ход Днепровского завода в Каменском, и присоединитесь к тем приветствиям, в которых были отмечены заслуги нашего почетного товарища И. И. Ясюковича по его столь плодотворному 25-летнему управлению делами Общества».

«Сегодня, 29 августа, в день погребения тела усопшего дорогого и незабвенного Директо-

ра-распорядителя Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества Игнатия Игнатьевича Ясюковича, скончавшегося в ночь с 26 на 27 сего августа после тяжелой и продолжительной болезни, на площадке против Главной Конторы будет отслужена панихида в 11 ¹/₂ час. дня», – сообщила читателям газета «Отклики жизни».

К одиннадцати часам к православному храму Каменского собралась масса рабочих и служащих в ожидании панихиды по скончавшемуся. Но здесь объявили, что панихиды не будет, так как епископ не разрешил совершать, очевидно, из-за того, что Ясюкович был католиком, а не православным. Тогда все, кто был в церкви и около нее, направились в костел, где, согласно объявлению, также должна была состояться панихида.

«Народа собралось столько, что костел не мог вместить всех, почему многим пришлось стоять во дворе. Около 12 часов полились звуки органа и оркестра и наполнили храм, возвещая о начале панихиды. Собравшаяся масса молящихся как нельзя лучше свидетельствовала об отношении к покойному служащих и рабочих громадного предприятия, которого он был создатель» («Отклики жизни», 30 августа 1914 г.).

Настоятель Каменского католического прихода ксендз Леонард Долонговский, не так давно желавший юбилею здоровья для многолетнего труда, служил панихиду по усопшему прихожанину костела Святого Николая.

.....

А жизнь продолжалась. Жизнь, несущая смерть. На Каменское надвигалась первая мировая война. Волна ура-патриотизма и шапкозакидательных антигерманских настроений уступала место каждодневным заботам по преодолению трудностей и лишений военного времени. В Каменском учреждается Комитет попечительства по борьбе с туберкулезом, в него вошли старший врач заводской больницы М. Пухальский, врач В. Бендаржевская, директор завода Э. Сундгрэн, вице-директор завода А. Макомаский, директор гимназии В. Димитровский, ксендз Л. Долонговский, настоятель православной церкви отец П. Петров и другие. По сообщению октябрьского, 1914 года, номера «Откликов жизни», «директору Днепровского завода Э. А. Сундгрэну господином начальником губернии разрешено организовать в селе Каменском комитет по сбору пожертвований для оказания помощи населению губерний Царства Польского, пострадавшего от военных действий».

По Каменскому с 15 по 18 декабря 1914 года разъезжал фургон, в который сердобольные каменчане сносили домашние вещи, деньги, продукты, все, что могли. Все шло в прок, за все говорили спасибо.

При поддержке католического прихода Каменского и его нового настоятеля ксендза Петра Дыгриса в феврале 1915 года в Народной аудитории проходили гастролы труппы артистов Варшавского ансамбля под режиссурой В. Россовецкого. К постановке допускались исторические пьесы и комедии. Аудитория – полным-полна. Второстепенные роли в спектаклях исполняли местные любители. Сбор от спектаклей предназначался в пользу пострадавшего населения Царства Польского.

Петр Дыгрис родился в 1880 году, рукоположен в священники в 1905 году. До назначения в Каменской костел служил администратором и законоучителем в Астраханской приходской церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы, сооруженной в далеком 1762 году.

В первый день Святой Троицы 1915 года, в воскресенье 10 мая, в парке Заводской аудитории состоялось большое гулянье, сбор от которого пошел в пользу призреваемых римско-

католическим обществом бедных детей, призванных на войну их отцов-солдат. Как писала Екатеринославская Земская газета в номере от 25 сентября 1915 года «в селе Каменском уже несколько месяцев функционирует Польский комитет помощи разоренным полякам, возникший благодаря отзывчивости и инициативе польского интеллигентного общества Днепропетровского завода. На земском питательном пункте беженцам в настоящее время выдается до тысячи обедов ежедневно».

Но, не смотря ни на что, Каменское продолжало развиваться, а католический приход играл заметную роль в жизни Каменского. В 1914 году близ Народной аудитории был построен двухэтажный жилой дом для инженерно-технических работников Днепропетровского завода, а в 1915 году – жилой дом для преподавателей Каменского и рядом с ним – жилой дом № 40 для представителей администрации (дом иностранных специалистов). Дом для иностранных специалистов, отдаленно напоминающий здание французского посольства в Санкт-Петербурге, построен австрийскими военнопленными по проекту заводского инженера А. Я. Сокола, выпускника Академии художеств в Петербурге.

22 ноября 1915 года новый настоятель местного костела ксендз Николай Щурек (родился в 1873 году, рукоположен в 1904 году, до Каменского был викарием в Екатеринославском приходе св. Иосифа) освятил детскую больницу, устроенную Каменским отделом польского общества жертвам войны. Необходимость устройства больницы была вызвана расширением деятельности местного приюта и школы римско-католического общества благотворительности, вследствие большого наплыва детей беженцев. Больница помещалась на Василевской улице в доме госпожи Брунне и рассчитана на 15 коек. Всего в 1915 году в Каменском костеле Святого Николая были повенчаны 43 пары и окрещены 251 младенец.

А в 1916 году, когда поток беженцев просто захлестнул Каменское, состоялось заседание бюро по организации объединенного комитета помощи беженцам, в который от римско-католического общества вошли директор Днепропетровского завода Адольф Макомаский и инженер Ян Войцеховский.

В том же 1916 году Папа Бенедикт XV установил «польский день», во время которого во всех католических церквях мира, в том числе и в каменском костеле Святого Николая, были вознесены молитвы за Польшу и учинен сбор пожертвований в пользу пострадавшего от войны населения ее.

Глава 18

Зов на встречу католиков

Итак, мы зашли в тупик. Все наши идеи относительно будущего костела трещали по швам, и однажды в кабинете Елены Григорьевны, когда нам ничего не осталось, как подбадривать друг друга, никогда не сдающая оружия Нина Александровна Цыганок сказала:

– Александр Юльевич! А попробуйте-ка еще раз связаться с католиками. Кроме Вас это никто не сделает, и, может быть, на этот раз что-то получится?

Я уныло согласился. Не отказываться же! Вдруг и вправду что-то получится, хотя...

Прошло несколько дней, и я летел в кабинет Елены Григорьевны Фесун.

- Садитесь и рассказывайте, а я буду писать и слушать.
- Елена Григорьевна, а вы знаете, нас появилась «конкурирующая фирма»? Кто-то тоже собирает католиков!
- Что такое? – переспросила заведующая отделом культуры, внутренне, по-видимому, очень удивленная, что еще кому-то могла прийти в голову сумасшедшая мысль искать в Днепродзержинске католиков.
- Да! По городу расклеены рукописные объявления «Зов на встречу католиков». Предлагают откликнуться всем католикам и 18 ноября 1990 года собраться в костеле.
- Кто бы это мог быть? Как вы думаете, Александр Юльевич?
- Не знаю. Но кто бы он не был, это наш союзник, ведь мы хотим того же. Давайте, я разошлю открытки по своим адресам, приду сам, а там видно будет...

В назначенный день я пришел в костел. Около ворот стояла одинокая группка людей. Это были: Барановская Елена Войцеховна, Селянская Алина Игнатьевна, Марчук Станислав Брониславович, Павлюченко Людмила Аркадьевна, Кубай Адольф Иванович и житель Луганской области Витковский Эдуард Ефремович. Оказалось, что именно он был тем инкогнито, расклеившим объявления по городу.

Подошел депутат Юрий Сушко, еще кто-то, всего собралось около десяти человек, и было неловко, что нас так мало. Решили держать связь и попытаться выбить комнатку в костеле.

Среди пришедших на зов католиков был Станислав Брониславович Марчук, личность весьма занимательная и примечательная. Это был еще крепкий мужчина лет шестидесяти, среднего роста, подвижный, общительный, с хитрым, чуть плутоватым выражением на лице, такой, знаете, простоватый, но себе на уме. В нем непонятым образом сочеталась наивность, вера и напористость, граничащая с нахальством. Удивительно, но именно ему выпала не последняя роль в создании католической общины.

Он сразу взял бразды разговора в свои руки и доверительно сообщил, что костел – это по-польски церковь. Марчук рассказал нам, что часто ездит на Западную Украину, бывает в костелах, встречается со священниками-ксендзами и учится у них польскому языку.

– Они сказали, что «чай» – это по-польски «хербата», Вы представляете, хер-бата! А кто бы мог подумать? Я лично никогда бы не подумал.

подавив присутствующих своим знанием польского, Станислав Брониславович продолжал:

– А еще мне лично один уполномоченный горкома города Хмельника так объяснил и сказал, что главное – это двадцатка; тогда регистрируют общину, бо есть такой закон. А против двадцатки никто не пойдет, вся сила за нами. И пусть наш депутат, как власть, пойдет до Плахотника и регистрирует общину в исполкоме и узнает дату рождения костела, чтобы получить кошты на него, как на памятник архитектуры.

Далее словоохотливый Станислав Брониславович поведал, что община должна выбрать себе старосту, и он когда-то уже был старостой общины, но только православной. В общем, староста у нас был уже готовый. Дело оставалось за малым – зарегистрироваться и получить кошты.

Тут, правда, оказалось, что О. Н. Плахотник, на которого указал наш староста, хотя и состоит в должности заместителя председателя горисполкома, регистрацией религиозных

общин все же не занимается, а это находится в ведении облисполкома.

Из письма Э. Витковского С. Марчуку:

«Как ты помнишь, на встречу в Днепродзержинске пришел депутат и взялся сам оформить документы на регистрацию общины католиков, но у него не получилось, так как в наше время малая активность людей. Но этого не надо бояться, самое главное – всеми силами зарегистрировать общину. Тогда можно востребовать ксендза, и людей появится много. В Харькове на встречу пришло в начале 13 человек, а в данное время уже вторая сотня пошла... Когда дадут ксендза и все пойдет в нужную сторону, считай, что ты еще один костел построишь, если это дело устроим. Станислав, я тебя очень прошу: зайти к депутату. Желаю удачи. Бог тебе в помощь».

В это время в отдел культуры горисполкома обратился некто С. Вербицкий, директор малого предприятия «Хорс», с просьбой передать на баланс его «Хорса» здание костела. Впервые в исполком обратилось официальное лицо по столь долгожданному поводу. Правда, не совсем было ясно, каким образом «Хорс» собирается восстанавливать костел и что будет в костёле после восстановления.

Худощавый и невыразительный Вербицкий молитвенно прикладывал руки к груди и говорил:

– Елена Григорьевна! Вы меня знаете, я не обману!

Кроме этих уверений, руководитель малого предприятия решительно никакой информации не давал.

И тут я получил письмо, которое я менее всего ожидал получить. Из Житомира мне писал епископ Ян Пурвинский. Вот это да!

Житомир, 5.VII – 1991

Нех бендзе похвалены Езус Христус! (то есть, Слава Иисусу Христу! – авт.)

Дорогие братья и сестры во Христусе Пану!

Мы молимся и собираем разными путями сведения, где находятся группы наших верующих, рассеянных на Востоке Украины. Сообщение о группе верующих в вашем городе нас обрадовало. Единимся с вами в молитвах и присылаем свое благословение.

Здесь на авансцене вновь появился Станислав Марчук. В один из осенних дней он пришел ко мне домой и предложил созвать католиков ближе к Рождеству – 15 декабря 1991 года.

Позже он написал мне письмо.

«Дорогой депутат Александр Юльевич! Это я, Станислав Брониславович. Вас хочу приветствовать от имени нашего бискупа (епископа – авт.) Яна Ольшанского. Как мы с Вами запланировали, 15 декабря 1991 года будет сбор римо-католиков возле костела с 10 до 12, а кто не сможет, то просим в следующее воскресенье и так далее по воскресеньям в такое же время и до конца наших дней. Враг, как написано – диавол, будет всячески нападать на тех, кто начнет познавать Бога: бо в Священном Писании сказано (я приеду – покажу), что в конце двух тысяч лет Иисус Христос скажет диаволу, что и твое царство наполнится. Но Вы, Александр, никому пока не говорите, пока я не приеду и вдвоем цю главу из Евангелия не почитаем. Так что до моего приезда только займитесь объявлениями... А о Боге я

расскажу Вам устно».

А еще через несколько дней я имел телефонный разговор, который круто изменил и направил в определенное русло все наши усилия по восстановлению костела. В известном смысле этот звонок изменил мою жизнь.

Звонил настоятель харьковского костела Успения Пресвятой Богородицы. Он уже был в курсе дел относительно наших прошлых действий по возрождению некогда многочисленной римско-католической общины Каменского.

– Ксендз Юрий. – Густым, рокочущим, но одновременно и мягким голосом представился он с явным то ли польским, то ли западноукраинским акцентом.

Я в свою очередь подтвердил, что я – это я и есть, и непринужденно спросил у ксендза, как его отчество.

– У священников и, в частности, у ксендзов, нет отчества. Конечно, как и каждого человека, у нас есть родители, но обращаться к нам принято согласно сану – ксендз Юрий, отец Юрий или падре.

Я немного прикусил язык и в дальнейшем старался не допускать подобных ляпсусов, хотя как их не допускать, если впервые в жизни говоришь с католическим священником, и твои познания в католичестве близки абсолютному нулю?

Ксендз Юрий Зиминский предложил встречу католиков перенести на более удобное для него время – 30 ноября.

– Опыт говорит, – рокотало в трубке, – что одно упоминание о присутствии католического священника дает толчок активности верующих, их желанию прийти в костел. Далее все будет зависеть уже от нас и воли Господней.

Я вежливо выразил надежду, что именно так все оно и будет.

- А какое ваше отношение к вере? – спросил меня ксендз.
- Увы, никакого. Только сочувствие и уважение к верующим.
- Это уже хорошо, – неизвестно чему обрадовался падре Юрий.

Накануне 30 ноября я разослал по всем адресам открытки с приглашением в костел, где указывал, что на встрече будет присутствовать ксендз Юрий Зиминский, а также дал объявление на радио и в местные газеты – «Дзержинец», «Думка» и «Знамя Дзержинки».

Заводская газета напечатала следующий текст приглашения: «Если среди читателей «Знамени Дзержинки» еще остались люди католического вероисповедания, либо те, кто сохранил уважение к вере своих предков, приходите в субботу 30 ноября в 12 часов к днепродзержинскому костелу, где состоится встреча католиков».

Директор музея Н. Цыганок пообещала прислать фотографа для истории.

Из письма С. Марчука:

«Да вы, Александр, звоните этому Плахотнику по телефону и с работы, и где только есть какое время. Я, наверное, ему сам напишу. Что, соберутся люди, приедет священник, и мы

будем второй год под стенами встречаться? Этого не может быть. Хай он сам, Плахотник, откроет и закроет костел, если не найдет меньшего за себя. От жалко, что я занятый, но, наверное, перескочу в тот их исполком и его лично приглашу».

Тридцатого ноября, в пасмурный и холодный день, за час до назначенного времени, я подходил к костелу. Я уже не помню, что я тогда чувствовал и о чем думал – так, ни о чем великом. Кажется, мною двигали чувство долга и любопытство: очень хотелось увидеть живого ксендза.

А во дворе костела происходили странные вещи, настолько странные, что поначалу я не обратил на них внимания. Там были люди, много людей! Они пришли в костел еще раньше меня! На моих глазах происходило чудо: двор костёла заполнялся верующими, их было так много, что я просто сбился со счета, человек сто, не меньше!

Там и сям – за столько лет! – звучала польская речь. Чувствовалось какое-то воодушевление, подъем и даже в дрезину пьяный сторож ДОСААФ не мог нарушить атмосферу приближающегося праздника. Мелькали знакомые лица. Пришел и наш «староста», и я уже слышал, как он выговаривал одному пожилому мужчине, что здесь не надо говорить по-польски, так как слово «костел» означает «всеобщий», и поэтому лучше всего говорить по-украински. Мужчина возмущенно глядел на старосту и отвечал, что он поляк и имеет право хотя бы перед смертью поговорить в костеле на родном языке.

В одинаковых шляпах и пальто, в сапогах на высоком каблуке, неотличимые друг от друга, появились две женщины, которым в дальнейшем суждено было сыграть очень заметную роль в становлении католической общины – сестры Селянские. И где-то на подходе был еле передвигающий ногами «первый католик города», 87-летний Иван Иосифович Костера. И Кушковский, чуть сгорбленный от времени, но все же прямой, высокий, живой и подвижный, Генрих Александрович Кушковский, старший на два года Костеры, он тоже уже был здесь и вместе со всеми ожидал ксендза, попутно узнавая тех, кого не видел по несколько десятков лет.

Чтобы не стоять без дела, мы с Людмилой Павлюченко стали записывать тех, кто пришел на встречу. Люди старшего поколения записываться отказывались, опасаясь подвоха и каких-то неприятностей. И как мы ни убеждали, что запись делается для их блага, что мы потом лично сможем сообщить им о новой встрече, они только подозрительно качали головами – велик страх, идущий с тридцатых годов, когда слово «католик» в сочетании со словом «поляк» звучало приговором!

Ближе к часу у ворот костела остановился автобус, и в черной сутане из него выпрыгнул, нет, просто вылетел ксендз Юрий. Блеснув ослепительной улыбкой и бегло пожав мне руку, он ринулся к костелу, по пути приветствуя собравшихся.

– Нех бендзе похвалены Езус Христус!

Господи, да он вылитый Ральф де Брикассар из «Поющих в терновнике», и ему всего тридцать два!

Ксендз Юрий стремительно шел к костелу, и за это короткое время он завоевал расположение людей. Напряженные лица собравшихся – а каков он, этот ксендз? не напрасно ли мерзнем в такую собачью погоду? – расцветали улыбками и сменялись почти умиленными взглядами: дождались! А кто бы мог подумать! И даже перевидавший на своем веку Генрих Кушковский, для которого самое лучшее осталось далеко в прошлом, пробормо-

тал:

– Да, это настоящий ксендз...

Не откладывая дела в долгий ящик и сразу же пресекая попытку «старосты» Марчука поцеловать ему руки, отказавшись заходить вовнутрь оскверненного храма, ксендз Юрий облачился в красно-белые одежды. И под промозглым, хмурым ноябрьским небом началась католическая месса, которую падре Зиминский, стоя на ступеньках у входа в костел, вел на польском, украинском и русском языках.

Я впервые присутствовал на католическом богослужении и, честно говоря, почти ничего не понял, за исключением проповеди. Но трогательно и обнадеживающе было слышать, что люди не забыли слов молитвы, вознося ее куда-то к небу и своим сердцам: «Радуйся, Мария, благодати полная...».

А потом сказано было – передайте друг другу знак мира. И незнакомые люди, с чистыми, искренними улыбками, пожимали друг другу и мне руки, и я улыбался кому-то и смущенно желал всего доброго. И мимоходом мелькала мысль: за что это все уничтожалось, неужели это так опасно?

Глава 19

История любви (окончание)

Покинув Каменское, молодой Ясюкович обосновался в Вильно.

Но судьба явно не благоволила к чете Ясюковичей. В Вильно проблемы быта вновь разъединяли Игнацио и Софью. Они стремились друг к другу, и, казалось, вот-вот будут вместе, но мировая война отобрала у них надежды на Вильно, отобрала родовое имение Дубники, и Игнацио Ясюкович, толкаемый обстоятельствами, возвращается в нелюбимое Каменское, в котором опять начинает все с нуля и месяцами ожидает свою обожаемую жену и сына. Он пытается вырваться из Каменского в Петербург, но тщетно. Ему не простили отъезда, и пятно «беглеца» еще долго лежало на кровнике «железного короля». Семейное счастье, счастье с любимой женщиной, которое, по сути, было целью и мечтой Игнация Ясюковича, не состоялось, отчего он отчаянно страдал.

Вильно. Свято-Йерски проспект, 7,
ув. Игнаций Ясюкович
1912 год

Очень беспокойна, что не получила от тебя сегодня письмо, может, болеешь? Должна ли я ехать в Вильно, желание есть, так мне здесь нудно. Я очень беспокойна, ответь сейчас же.
Я.

Вильно. Ув. Игнацию Ясюковичу.
23/06 – 1912 г.

Жди меня на станции 27-го вечером. Была уверена, что возвращаюсь, а пришлось еще остаться с неделю. Сейчас мне немного веселей, встретила своего знакомого, он сейчас

адвокат в Варшаве. Это уже последняя открытка к тебе, радуюсь каждое мгновение, что возвращаюсь домой.

До свидания
София.

Каменское, среда, 16 сентября 1915 г.

Опять сижу в Каменском, и все пребывание в Вильно кажется только сном. Если хотя бы нашел здесь жилье, какое имели, выезжая отсюда, но ничего такого нет. Ожидать буду конца войны, который должен принести перемены в моем положении, ибо здесь жить сверх моих сил. Сам я устроился неплохо, живу в фабричной гостинице, ничего не плачу, живу очень хорошо, т.к. здесь не только кормят, но и закармливают. Пиши, пиши, Зоська, любимая, как ты себя чувствуешь, и не падай духом, будь веселей.

Игн.

И. Ясюковичу

Общество для продажи изделий
русских металлургических заводов.
С.–Петербург, 18 февраля 1916 года

Уважаемый господин!

Отвечаю на письмо уважаемого господина от 24 числа прошлого месяца. Не давал ему сразу признаков жизни, т.к. следовало поговорить с некоторыми лицами, прежде чем за-сесть за письмо. Сразу должен предостеречь уважаемого господина перед тем, чтобы в своих планах наименее рассчитывал на Продамет. Ибо нет никаких видов на то, что пока директором Продамета является г. Тикстон, кто-либо из Ясюковичей или Лабунских опять мог рассчитывать попасть в число служащих этой организации (супруга И. И. Ясюкович Бронислава Генриховна, в девичестве Лабунская. Её родственники занимали видное место в окружении И. И. Ясюковича – авт.).

Мой лучший совет уважаемому господину – в дальнейшем связать свое пребывание с Каменским и держаться завода. Но на заводе должен уважаемый господин считаться ново-принятым инженером, т.к. тяготеет на нем вина, что уже раз, уважаемый господин, бросил службу ради чужих богов. Вину эту следует искупить: стало быть, на искуплении сейчас уважаемый господин находится... Давние штрихи нужно стереть. Время, однако, лечит: через год-два уважаемый господин продвинется далеко вперед и время его скоро приблизится. Сейчас происходит большое движение среди инженеров...

Каменское, 8 мая 1916 года

Любимая Зоська!

Удивляюсь, что ты не понимаешь, не видишь и не чувствуешь, какую обиду... как фатально действует на наши отношения присутствие между нами «тещи». Если хочешь спасти нашу любовь, подумай, ибо от тебя много зависит, если не все. Представь себе, Макомаский до сих пор держит квартиры пустыми и не раздает их. Сегодня попробую к нему попасть. Целую тебя и Стасика и ожидаю хороших писем, на открытки отвечать не буду.

Игн.

Из Каменского в Анапу, 18 мая 1916 года

Идя Верхней колонией, наслаждался дурманящим запахом белой акации, акации в полном расцвете... и напомнил мне этот тихий весенний вечер, теплый, пахучий, прежние времена

и прежнюю мою веру в вечную любовь... и сегодня почувствовал себя одиноким более, чем когда-либо, почувствовал всю горечь разочарования своих розовых надежд, веры в добро, благородство и любовь. Сегодня вновь проснулась боль от мысли, что все мои золотые сны о счастье были только прекрасными снами, после которых действительность была грустной, серой. Сегодня получил твое последнее письмо. Остатки построенного здания, возведенного с такой любовью и юношеской верой, сегодня могут рухнуть окончательно.

Большую жалость и горечь чувствую к тебе, видя, что ничего нет для тебя святого, ни воспоминаний о нашей прежней любви, ни мысли о нашем ребенке. Думаешь только о себе, жалеешь лишь себя и тебе все равно, кто будет твоим поклонником, лишь бы был. Какие чувства может внушить во мне мысль, что дошло уже до этого... что ты изменила прежней любви, найдя знакомство, которое каждой уважающей себя женщине приносит позор, подумай, до чего ты дошла? Подумай, кем ты есть для меня, и перестань все оценивать с точки зрения своего эгоизма, считая, что все должны служить только для тебя и твоего удовлетворения. Ты не сердись за эти слова правды. Если хочешь перемены к лучшему в нашей жизни – в твоей это сила, можешь сделать ее лучшей, только дай больше сердца.

Игнаций

Из Каменского в Анапу
21 мая 1916 года

Моя любимая Зоська! Не знаю, заслуживаешь ли ты, чтобы так тебя называть! Если бы знал, что ищешь разрыва, и не прекратила этого уличного знакомства, не приносящего ни тебе, ни мне ничего, кроме стыда – не писал бы сегодня... Буду ждать известий от тебя, и не удивляйся, если я замолчу... хотел бы, однако, получить теплое, доброе письмо, как пристало «женушке», и иметь доказательства, что меня еще любишь.

Вторую неделю работаю в техническо-коммерческом отделе, рад, что так случилось, может для меня это и лучше, чем мартены и домны. Какая будет материальная разница после перехода из техотдела в коммерческий – не знаю, но будет разница в моральном удовлетворении.

Не могу дождаться, когда буду жить в новой квартире с электричеством, водой, ванной, балконом... Вас уже приму в порядочной квартире, только с мебелью будет очень слабовато... Хочешь ли, Зоська, вернуться домой? Я очень хотел бы увидеться с Вами, хотя бы коротко, но что поделаешь? Ехать в Анапу не могу, это твоя вина, так как ты меня скомпрометировала. И все будут тыкать в меня пальцем... спасибо тебе... а думал, смогу вырваться к вам на недельку. Спокойной ночи, Зоська, утром окончу это письмо. Почему ты, Зоська, даже в своих старых письмах никогда не пробовала изменять моего имени, всегда это доставляло мне огорчение, никто меня так из близких, как ты, не называл. Ты одна только говорила мне не иначе, как «Игнац». Будьте здоровы и веселы.

Ваш Игн.

Из Каменского в Анапу
29 июля 1916 года

Любимая Зоська!

Очень меня огорчило твое последнее письмо, в котором ты говоришь, что Стас вместо того, чтобы поправиться, еще сильнее ослаб, температурит и жалуется на желудок... Его нужно поставить на ноги, а на здоровье единственного сына средств должно хватить. Единственно о шитье для себя новых костюмов, блузок и т.д. нечего и говорить, можно о

себе немного забыть, т.к. речь идет о здоровье сына, можешь немного пренебречь собой, да и время не отвечает на новые наряды. Надеюсь, что хотя бы перед Рождеством вернетесь. Ожидаю вас

Игн.

г. Анапа, Кубанской области
Ее высокородию Софии Ясюкович
Пиленковский пер, дом Войтовой
Каменское, 9 августа 1916 года, вторник

Любимая Зоська!

Все короче дни, все длиннее вечера, слышится уже осень и самому оставаться все печальнее. Утешаюсь надеждой, что уже скоро вернешься, т.к. в сравнении с тем, сколько пребывали вы вне дома, с тем, что остается до вашего возвращения, уже немного, пусть только Стасик вернется здоровым.

В пятницу вечером поехали в гости, вернулись вчера утром, и было бы все очень хорошо и очень приятно, если бы не фатальный случай. Вместе с нами ехал к Быховским студент второго курса медицины, мать которого живет в Каменском. В субботу вечером молодежь под режиссурой Войчеховского проводила музыкально-декламационный вечер, который удался прекрасно. После представления я, Лакневский и Забоклевский пошли еще на курганы, до которых было 1-2 версты, откуда вернулись около часу ночи. Ночь была так хороша, что еще до 2-х ночи прогуливались около дома. День этот прошел очень приятно.

С утра в воскресенье барышни с госпожой Юзефой Войчеховской пошли купаться, а недалеко купался студент с ребятами – Тадкем Быховским и Данкем Войчеховским. Студент переплыл на косу, откуда возвращался, но в обратной дороге ему стало плохо и... утонул. Случилось замешательство, люди искали утопленника, но найти не могли, запустили потом сети, но и это не дало никаких результатов, и до сих пор тело не найдено. Этот случай произвел на всех огромное впечатление, более всех, однако, страдали Быховские, которые пригласили этого студента к себе. Они поехали вдвоем, чтобы известить мать и сестру, какая была трагедия, легко себе представить.

Ожидаю уже очень Вашего возвращения, достаточно, даже сверх того, я уже имею одиночества. Сердечно вас целую. Слив (венгерок) еще нет, сделаю мармелад, как только они будут. Сейчас здесь кончается дынный сезон, а начинаются уже кавуны, стараюсь есть фрукты как можно больше.

Ваш Игн

Из Каменского в Анапу
31 августа 1916 года

Любимая Зоська!

Сегодня выслал открытку тебе, но поскольку открытка получилась «недоброй» – совесть меня тронула и опять пишу... Приезжай, Зойка, но только не бери с собой сожалений и гнева, оставь их в Анапе и возвращайся ласковой, согласна?

Игнаций.

Из Каменского в Анапу
18 сентября 1916 года

Ожидаю Вашего возвращения. Пиши. Целую вас сердечно.

Ваш Игн.

На этом переписка между Игнацио и Софьей обрывается, но известно, что чета «молодых» Ясюковичей продолжала жить в Каменском в доме № 38 на Верхней колонии недалеко от костела. В 1918 году Игнацио Ясюкович написал письмо из Каменского в Дубники на Литве, расспрашивая, как там дела, кто остался жив, какие разрушения нанесли немцы имению. Ему пришел ответ на поставленные вопросы. Далее его след обрывается.

Можно лишь предположить, что уезжали Ясюковичи в спешке, все взять не могли. Возможно, они еще надеялись вернуться, поэтому спрятали свою переписку на чердаке своего дома, где она и была случайно обнаружена спустя более пятидесяти лет.

Глава 20

Истина, требующая доказательств

На следующий день после столь многообещающей мессы под стенами костела я забежал в отдел культуры. Срочно требовалось выговориться и поделиться впечатлениями. Кроме Елены Григорьевны, в кабинете находилась Нина Александровна Цыганок.

– А я вам что говорила! – воскликнула директор музея. – Кто сказал, что надо еще раз обратиться к католикам?

– Вы, Нина Александровна, – в один голос согласились мы.

Посоветовавшись, решили написать три обращения на имя председателя горисполкома: от инициативной группы, от депутатской комиссии по культуре и от верующих-католиков, что было бы хорошей основой для передачи костела католической общине в случае ее регистрации.

А я засел за приглашение на новую встречу под костелом, которая должна была состояться 21 декабря 1991 года. Когда же пришлось идти за разрешением на проведение богослужения, управляющий делами исполкома Александр Бенько сказал:

– Саша, ну не будь ты буквоедом! Дали тебе одно разрешение – первое, так сказать историческое, и хватит с тебя. Ты же видишь, мы все нормально к этому относимся, и незачем лишние бумажки плодить.

Второе католическое богослужение собрало человек пятьдесят. Было холодно, и я не понимал, какая сила двигает полуживых стариков, ели передвигающих ноги, ехать с левого берега к полуразрушенному, обгаженному, но такому прекрасному костелу. Эта месса, проведенная ксендзом Юрием, вошла в историю костела, как проповедь «на трубах». После службы на улице, ксендз завел людей вовнутрь костела, взобрался на груды труб и начал говорить. О, это была очень серьезная, резкая проповедь, я бы даже сказал, проповедь-внушение. Спустя много времени прихожане, присутствовавшие в тот день на мессе, вспоминали, покачивая головами:

– А помните, как ксендз Юрий говорил тогда на трубах, как нужно любить свой костел?

Две прошедшие мессы показали, что католики в Днепродзержинске есть, и нам вполне по силам зарегистрировать общину и в перспективе потребовать костел. А чтобы это произошло наиболее безболезненно, ксендз Юрий предложил нанести визит в горисполком.

В один из последних дней уходящего 1991 года, когда темнеет рано, а на улицах больше воды, чем снега, я привел ксендза Юрия в отдел культуры горисполкома. Ксендз, по его собственному выражению, приехал к нам «методом нон-стоп», безостановочно гоня машину из Харькова. Кажется, что он и жил по этому же «методу нон-стоп», ни на минуту не останавливаясь и находясь вечно в движении.

Исполком на нашей встрече представляла заведующая отделом культуры Е. Фесун, которая предварительно консультировалась с заместителем председателя О. Плахотником, к которому все обещал «подскокить» наш староста. В принципе, позиция исполкома была ясна и благожелательна, приятно вести переговоры на таких условиях!

Разумеется, директор музея истории города Н. Цыганок, не могла упустить случай и также находилась в кабинете Елены Григорьевны.

Мы вошли. Взгляды обеих женщин мгновенно и цепко устремились на моего спутника. Он был в черном костюме и черной рубашке с белой планкой-колорадкой под воротником – знаком католического священника.

– Елена Григорьевна, Нина Александровна, разрешите вам представить: ксендз Юрий – настоятель харьковского костела Успения Пресвятой Богородицы.
– Все правильно! – с восхищением поглядел на меня ксендз.

Мы сели и, преодолевая первую неловкость, Елена Григорьевна рассказала об инициативной группе по спасению костела и о том, что со стороны исполкома никаких препятствий по передаче здания общине не будет.

– Это однозначно, – завершила Елена Григорьевна свой рассказ.

После этого ксендз Юрий попал под перекрестный допрос женской половины инициативной группы.

– Вы понимаете, – говорила директор музея, – какие трудности встанут на пути восстановления костела? Конечно, мы обещаем и гарантируем всяческую поддержку и не собираемся умыть руки, но основная тяжесть ляжет на плечи католиков.

– Мы боимся не трудностей и не того, что будет тяжело. Мы боимся совсем другого – отсутствия возможности прикладывать свои силы. Чем тяжелее будет даваться возрождение храма, тем дороже станет он для нас всех. При католизации Африки верующим-африканцам были построены новые костелы, и что вы думаете? Через несколько лет многие из них пришли в упадок. Африканцы-католики, не вложившие в них своего труда, не ценили подаренных костелов.

– Но все-таки нужны очень значительные средства, мы рассчитываем придать костелу статус памятника архитектуры республиканского значения...

– Это не всегда хорошо, – осторожно возразил ксендз Юрий, – иногда такой статус очень связывает руки тем, кто восстанавливает здания, особенно при дефиците материалов или технологий. В случае передачи костела католикам, он будет введен в компьютер, и когда подойдет время, можно надеяться на помощь Католической Церкви или близких ей кругов. Конечно, мы не отказываемся ни от какой доброжелательной помощи и будем благодарны всем, кто протянет нам дружескую руку, и очень ценим усилия вашей инициатив-

ной группы.

Прощаясь, я пропускал при выходе из кабинета ксендза Юрия и сестру-монахиню, незаметной тенью просидевшую всю встречу, и, обернувшись, услышал двойной вздох очарования, который не смогли сдержать женщины. А Елена Григорьевна, понизив до шепота голос, с восторгом спросила:

– Где вы достали такого ксендза?

– А как он вам? – улыбаясь, ответил я вопросом на вопрос.

– Во! – подняла большой палец заведующая отделом культуры. – Ну, бегите, проводите его.

Я шел домой по тающему снежному месиву и чему-то улыбался. Ничего еще не было сделано, но возникало ощущение полноты жизни и сверкнувшего золотом хвоста жар-птицы.

Наутро в исполкоме я подслушал, как Елена Григорьевна говорила кому-то по телефону:

– Представь. Высокий, стройный, широкий в плечах, узкий в талии, черные бобриком волосы, голубые глаза и белые зубы. А умный, а говорит как, а улыбается... Я бы сразу католичкой стала, будь у нас такой ксендз!

Глава 21

Революция

Политические события 1917 года поначалу не очень затронули жизнь католического костела в Каменском. К тому времени настоятелем прихода был назначен пятидесятилетный ксендз Игнатий Мицкевич. Он стал священником в 1888 году, когда в Каменском еще даже не была нанята каплица для богослужений. Ксендз-профессор Духовной семинарии в Саратове, настоятель и армейский капеллан в Астрахани и Одессе, он за заслуги перед Католической Церковью и обществом был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени и наперсным крестом, однако впоследствии за свободомыслие отстранен царскими властями от работы в приходе.

После этого в 1911 году Игнатий Мицкевич был назначен настоятелем приходской церкви во имя Преображения Господня в Пятигорске на Кавказе, но опять же отстранен за свободомыслие. С 1911 года он служил настоятелем в Приходской церкви во имя Преображения Господня Пятигорского отдела Тираспольской епархии. К Пятигорскому приходу причислялись города Кисловодск, Ессентуки, Железноводск, станция «Минеральные Воды» и колония св. Николая. Надо полагать, что ксендз Игнатий был знаком со многими высокородными жителями Каменского, еще в этом и прошлые годы приезжающие на отдых во Владикавказский уезд Ставропольской губернии. Ему было суждено провести в Каменском самое бурное время: 1917, 1918, 1919 годы. Вместе с ним в разную пору эту участь делили священники Казимир Игнатович, Иоанн Юзвяк, Врублевский, Крычеловский, Ковалевский и вернувшийся из Закавказья Варфоломей Миколаюнас. Революция шумела пока где-то в Петрограде и Москве. Там свергали самодержавие, устанавливали Временное правительство и тоже его свергали.

В Каменском также махали флагами и говорили речи. Арсеничев и Лихоманов зажигали восторгом глаза ничего не понимающих каменчан и призывали превратить войну импери-

алистическую в войну гражданскую. Братья Кальвасинские бегают на митинги и бредят мировой революцией. Ликвидация монархии и наличие в обществе разнополярных сил привели к всеохватывающему хаосу, разгулу стихии и... к полному отсутствию реальной власти.

В начале марта 1917 года в Каменском сформирован Совет рабочих депутатов со значительным перевесом в нем меньшевиков и эсеров. Но постепенно большевики овладевали Советами. Завком, организованный на Днепровском заводе под руководством Советов, ввел восьмичасовой рабочий день и вдвое заввысил зарплату. Это не замедлило сказаться на экономических показателях, и завод стал убыточным. В Каменском, в точном согласии с ленинским планом, организована Красная Гвардия, взяты под охрану Днепровский завод, почта и телеграф. 10 января 1918 года в Каменском, полгода назад получившем статус города, была установлена Советская власть. Первым делом Советская власть национализировала парализованный завод и начала давить инакомыслящих, но вопросы свободы совести пока выпадали из поля зрения народившегося монстра.

Второго марта 1918 года в шесть с половиною часов вечера в Каменском костеле произошло венчание пана Юзефа Галлота и пани Ирены Вуйчик, о чем их родители имели честь сообщить в объявлении, опубликованном на польском языке и распространенном по Каменскому. Кстати, в 1909 году отец Ирены, пан Тадеуш Вуйчик, был внесен в Список домовладельцев и служащих Днепровского завода (составленный приставом села Каменского В. А. Клунниковым) как лаборант, проживающий на Нижней колонии в доме № 106. Как давно это было! А ведь еще и десяти лет не прошло...

А через два дня после венчания четы Галлот в городе вводится военное положение в связи с вторжением в Украину австро-венгерских войск. Но, не смотря на военное положение, Каменское было все же занято австро-венграми в апреле 1918 года, оккупация продолжалась по ноябрь того же года. Но и австро-венгры не тронули костел. В мае 25-го дня 1918 года настоятель Каменского Римо-католического Приходского Костела ксендз Игнатий Мицкевич своей подписью и приложением костельной печати удостоверил для шляхтичей Мечислава и Альбины-Схоластики Буковских год, месяц и число рождения и крещения их дочерей Теофилии и Виктории. Супруги Буковские, как и многие поляки Каменского, запасались необходимыми документами на случай эмиграции из Каменского. Но все же не уехали. Какой кошмар их ждал впереди!

Первого сентября 1918 года в разгар австро-венгерской оккупации в костеле Святого Николая ксендзом Игнатием Мицкевичем был окрещен младенец по имени Карл, родившийся в Каменском 16 июля того же года. Родителями окрещенного были законные супруги дворянин Ковенской губернии Новоалександровского уезда Константин Гриневич и мешчанка Ольга, урожденная Ципль. Кумовьями предстали Жорж Ципль (брат Ольги) и Элеонора Титаровская (урожденная Шольта). О сем событии в регистрационной костельной книге римско-католической parrochii в Каменском была сделана соответствующая запись за № 192. Как это не покажется удивительным, но и во время гражданской войны жизнь католического прихода Святого Николая шла своим чередом. В 1917 году в костеле было окрещено 295 младенцев, в 1918 – 291 и в 1919 – 178!

Но пройдет время, и родители Карла Гриневича подотрут в выписи свидетельства о крещении слово «дворянин», дабы уберечь себя и своего сына от карающего меча революции.

В конце 1918 года власть в Каменском перешла в руки Директории под предводительством Симона Петлюры, а в январе 1919 года – к Советам. На Днепровском заводе строят-

ся бронепоезда «Советская Украина» и «Советская Россия». В новейшей истории Европы ни одна страна не пережила такой всеохватывающей анархии, такой закланной гражданской борьбы, как Украина в 1919 году. Шесть разных армий действовали на ее территории: украинская, большевистская, белая, Антанты, польская и анархистская. Меньше, чем за год Каменское семь раз переходило из рук в руки. Украина в 1919 году стала страной, которой легко можно было овладеть, но невозможно управлять. Вокруг Каменского свистели нагайками атаманы Нестор Махно и Матвей Григорьев. Вояки Григорьева заняли Каменское и организовали еврейский погром, селяне Аул и Романково, разозленные последствиями политики большевиков, присоединились к григорьевцам. В 1919 году город попеременно переходил в руки то деникинцев, то большевиков. И каждый раз это сопровождалось кровавым террором побеждающей стороны.

Как уже было сказано, в 1917 году настоятелем костела в Каменском был назначен ксендз Игнатий Мицкевич. 16 июня накануне захвата города большевиками ксендз Мицкевич провел очередное крещение. А в ночь с 17 на 18 июня 1919 года он в числе 28 человек администрации Днепровского завода был арестован по постановлению местного ЧК. Арестованные, которых обвиняли в противодействии большевизму, были заперты в подвале под комиссариатом. Впоследствии часть задержанных отпустили, а остальных 17 человек отправили в Екатеринославскую Чрезвычайку. Там было освобождено еще 13 человек, а трех инженеров – Шафрановского, Ходоцкого, Боговича и ксендза Мицкевича чекисты приговорили к расстрелу. Этих трех инженеров также удалось освободить, а ксендза, очевидно, как самого опасного для большевиков противника, отправили на баржу на Днепре, которую предполагалось во время пути взорвать и затопить. Но начался обстрел Екатеринослава казаками генерала Антона Деникина, стража при барже разбежалась, и ксендзу Мицкевичу вместе с другими лицами, главным образом поляками, удалось бежать и скрыться в городе.

26 июля в Каменское вновь вступают отряды Добровольческой армии, а с ними и техперсонал, рабочие Днепровского завода, оставившие Каменское 13 июля при наступлении красных. Вместе с Добровольческой армией в Каменское вернулся и Игнатий Мицкевич. И уже 29 июля настоятель костела провел два крещения.

«1919 года июля 29 дня, – согласно записи №112, сделанной в книге крещаемых, – в Каменском римско-католическом приходском костеле окрещен младенец именами София-Станислава настоятелем священником Мицкевичем со всеми обрядами Таинства. Инженер-технолог дворянина Каменец-Подольской губернии Станислава и Марии-Галины, урожденной Бояновской, Рысинских законных супругов дочь, родившейся 1919 года 10 мая в городе Каменское Каменского прихода. Восприемниками при Святом крещении были Юрий Бояновский и Мария Дорогостойская».

Это было глубоко символическое крещение, ибо в этот же день был похоронен отец младенца – инженер прокатного отделения Днепровского завода Станислав Рысинский. 16 июля ночью он вместе со служащим главной бухгалтерии Генрихом Маге и служащим кирпичного отделения Сигизмундом Шимкевичем был арестован большевиками. Причина ареста: у Маге найдены эполеты, у Шимкевича – трехцветный бантик. Все трое увезены в штаб большевиков-коммунистов на станцию Воскобойня и утром на следующий день, после неопишуемых издевательств и глумления, расстреляны. Через девять дней после смерти тела троих убитых были преданы земле на Заводском кладбище Каменского, городе, который инженер и служащие Днепровского завода считали родным. Тридцативосьмилетний Станислав Паулинович Рысинский и сорокалетний Сигизмунд Михайлович Шимкевич похоронены ксендзом Мицкевичем по католическому обряду. Генрих Карлович Маге, которому через полтора месяца должно было исполниться тридцать один год, – по лютеранскому кистером Менниксером (ГАДО. Ф.193.Оп.3. Д.400). (Кистер – учитель при лютеранской школе – авт.)

.....

При очередной угрозе занятия Каменского красными, Игнатий Мицкевич выехал в Польшу и работал в Люблинской епархии. В 1927 году он вышел на пенсию и стал капелланом в монастыре сестер Уршулянок Серых в Черном Бору близ Вильно. Отошел к Господу в 1935 году.

Не менее мужественным человеком проявил себя Иосиф Алоизий Кесслер, епископ Тираспольской епархии, к которой относился и римско-католический приход города Каменского. Большевистскую власть он считал порождением антихриста. Понимая, что его неминуемо арестуют, епископ Иосиф Кесслер 14 августа 1918 года, перед приходом в Саратов большевиков, пешком ушел из города и добрался до Одессы. После занятия большевиками помещений семинарии и епархиальной курии было обнаружено пастырское послание епископа Кесслера к верующим, угрожающее отлучением от Церкви всем, кто будет содействовать большевикам. Вслед за этим епископ был объявлен ВЧК во всероссийский розыск и заочно приговорен к смертной казни. Первого января 1920 года И. Кесслер оставил территории, контролируемые большевиками и перебрался в парафию Красная в Бессарабии, вошедшую тогда в состав Румынии. Когда и там стали хозяйничать коммунисты, Иосиф Кесслер в январе 1922 года выехал в США. Здесь он собрал 32 тысячи долларов на помощь голодающим немцам Поволжья. Позднее деньги были тайно разделены среди верующих священниками его епархии. Епископ Иосиф Алоизий Кесслер написал историю Тираспольской епархии, изданную в 1930 году в Северной Дакоте, США. В последующие годы жил в Берлине. 23 января 1930 года был назначен титулярным архиепископом Боспорским. Умер 10 декабря 1933 года в Зинновицах (Германия), похоронен в церкви на кладбище Орнбау в Баварии, рядом с епископом Тираспольским Францем Ксаверием Цоттманом.

.....

26 сентября 1919 года на левом берегу Днепра в районе села Паньковка произошло сражение деникинцев с отрядами Петлюры. Бой был ожесточенным, и петлюровцы потерпели поражение. Получив сообщение о наступлении Красной Армии, подпольный комитет Каменского постановил перейти к открытой борьбе с деникинцами. И в ночь на 1 января 1920 года в Каменском была восстановлена Советская власть. Большинство «старой гвардии» Днепровского завода, ввиду начавшихся арестов «бывших» и беспонятия большевиков в вопросах экономики, оставила руководство предприятием, и начался массовый исход специалистов из Каменского. Численность работающих на Днепровском заводе сократилось по сравнению с 1917 годом на 10 тысяч человек.

Страшным выдался 21-й год. Голод и тиф. По улицам Каменского валялись трупы, их никто не убирал. Повсюду смрад, смерть и страх. Страх поселился в Каменском на долгие годы. Проживание в Каменском становилось занятием опасным для жизни, и Каменское стремительно очищалось от тех, кому Днепровский завод и город были обязаны так многим. Национальный и религиозный состав Каменского резко менялся в сторону уменьшения польской и католической составляющих. Из Каменского эшелонами уезжали в Польшу служащие и рабочие, дворяне и простолюдины, которые дальновидно опасались за свою жизнь в кровоточащем осколке Российской Империи. Заработанное упорным трудом золото пряталось в деревянные каблуки, набивалось, зашивалось, засовывалось в самые неожиданные и труднодоступные места. Только бы не ограбили по пути!

А потом, когда уже все совсем ошалело от голода, тифа и военного коммунизма, вдруг наступил НЭП. В городе появилось буквально все, казалось, что вернулось старое время.

Но ощущения были обманчивы, а надежды – напрасны. Советская власть начинала затягивать петлю на горле своего народа. Дошла очередь и до свободы совести. Воинствующий атеизм, став господствующей государственной идеологией, не мог мирно сосуществовать с носителями противоположной идеи, утверждавших, что Бог есть, и Он – есть любовь.

С сентября 1919 года администратором и единственным священником Каменского приходского костела Святого Николая становится ксендз Константин Томашевский. Константин Томашевский родился в 1883 году, рукоположен в священники в 1909 году, тогда же и получил свою первую должность викария приходской церкви во имя Святого Иосифа-обручника Пресвятой Девы Марии города Николаева. 21 сентября 1919 года им совершено первое крещение в костеле Святого Николая. «...окрещен младенец по имени Ольгерд администратором священником Томашевским со всеми обрядами Таинства. Крестьян Ковенской губернии Шовинского уезда Юзефа и Розалии, урожденная Эймойтис, Ковалевских законных супругов сын, родившийся 1919 года 2 июля в г. Каменское Каменского римско-католического прихода. Восприемниками при Святом крещении были Станислав Коморовский и Анна Ковамонис». (ГАДО. Ф.193. Оп.3. Д.396. Запись №136).

А на Рождество 1919 года в Каменском римско-католическом приходском костеле ксендзом Томашевским был окрещен последний младенец дворянского происхождения. Им стала Халина дочь законных супругов дворян Седисцкой губернии Луковского уезда Владислава и Леокадии-Севены, урожденной Этерович, родившаяся 1919 года 11 декабря в городе Каменское. Восприемниками при Святом крещении были Станислав Череповицкий и Бронислава Бржезовска. (ГАДО Ф. 193, оп. 3, д. 396, запись №173)

Последним зарегистрированным умершим дворянского рода в Каменском стала 62-летняя дворянка Киевской губернии Людовика Вишневская. Она похоронена ксендзом Томашевским в день православного Рождества 7 января 1920 года на Заводском кладбище. (ГАДО. Ф.193. Оп.3. Д.400). Причиной смерти Людовики Вишневской, как и у большинства каменчан, умерших в 1919-1920 годах, стал сыпной тиф – в городе свирепствовала эпидемия. Как все символично!

.....

Каменской приход в двадцатые годы по-прежнему входил в состав Тираспольской епархии, но уже с центром в Карлсруэ – колонии в Одесской области. Здесь находилась католическая церковь во имя Святых Петра и Павла, сооруженная в 1881 году на общественные средства. А главное, в Карлсруэ еще с благословенных времен функционировала гимназия, что и послужило причиной перенесения центра епархии из далекого Саратова. Но фактически Каменским приходом управляли из Екатеринославского Губисполкома. Все религиозные общины, в том числе и римско-католический костел Святого Николая, были обязаны ежегодно представлять в Отдел Управления губисполкома списки своих членов. Ах, как понадобятся эти списки органам НКВД лет через десять-пятнадцать! Но костел продолжал существовать. Согласно записям в книге крещаемых Каменского приходского костела, обрывающиеся 18 апреля 1920 года, в приходе со всеми обрядами Таинства окрещено 38 младенцев! Но это уже был закат некогда процветающей католической паффии.

На каждую общину Отделом культа была заведена специальная анкета. Вот что записали в отношении Каменского римско-католического прихода: «Анкета здания: дата постройки – 1897, архитектор Хорманский, община существует с 1888 года. Количество прихожан: до 1917 г. – 7 тыс. человек, 1923 г. – 427, 1924 г. – 518 (поляки, русские, белорусы, при-

балты, чехи), рабочие, почти все грамотные. 11.XII – 1923 г. – перерегистрация. Средства – из добровольных пожертвований и кружечного сбора по воскресным и праздничным дням». Какая разительная перемена! Четыреста двадцать семь прихожан в 1923 году по сравнению с семью тысячами до 1917 года.

Чтобы посильнее прижать церковников, Каменской райисполком протоколом №18 от 5-го июля 1924 года (докладчик тов. Загороднов, секретарь Каменского РИК) принял решение о взимании арендной платы за землю, находящуюся под постройками церквей и других молитвенных домов. Арендную плату установили по городу в размере 20 копеек с квадратной сажени, площадь надлежало исчислять с участка, обнесенного оградой. Иными словами, католическая община Каменского, в распоряжении которой находилась территория площадью около 500 квадратных саженей, обязана была ежегодно вносить в казну почти 1000 рублей наличными. Значительная сумма для парафии, потерявшей более 90% своих прихожан!

Тридцатидевятилетний ксендз Томашевский делал все, что мог. Это был решительный, умный и мужественный человек. Его боялись даже комсомольцы и синеблужники, ксендз им спуска не давал. Он начинал мессу ровно в 11.00 и ровно в 12.00 ее заканчивал. В костеле во время богослужения было тихо-тихо, никаких разговоров. Играл орган и пел хор девушек. Верующих приходило уже мало, опасались НКВД. Ксендз Томашевский лично ремонтировал забор и копался в огороде. Об этом через много лет расскажет Генрих Кушковский, которому тогда было чуть больше двадцати.

У одного румынского цыгана молодой Генрих Кушковский купил скрипку, научился играть и пришел к ксендзу Томашевскому, хорошо разбиравшемуся в музыке, на прослушивание. В плебане (доме священника) у ксендза стояло пианино, он проверил слух и голос своего прихожанина, а затем предложил сыграть что-нибудь на скрипке. Ксендз Константин игру Генриха одобрил и посоветовал продолжать музыкальные упражнения.

А крепшая с каждым днем власть продолжала свои упражнения по контролю над всеми сферами жизни Страны Советов.

Второго июня 1925 года Екатеринославским Губадминотделом был зарегистрирован Устав Римско-католической имени Св. Николая Общины, который был вынужден подписать ксендз Томашевский. Согласно пункта второго Устава из раздела «Задачи общества» – «Римско-католическое им. Св. Николая религиозное общество... управляет имуществом, полученным по договору от местных органов Советской власти». Этим пунктом органы Советской власти недвусмысленно намекали, кто в Советском доме хозяин и кто является истинным владельцем имущества, всегда принадлежавшего каменским католикам. Да плевать, кому это все раньше принадлежало! Скажите спасибо, что вам, католикам, дают возможность пользоваться этим вашим костелом и всем, что в нем есть, и еще устраивать религиозные собрания!

В том же втором пункте Устава появилось еще одно новое принципиальное положение: «Общество... назначает (!) служителей культа согласно каноническим правилам Римско-католической Церкви для совершения религиозных обрядов». И хотя с точки зрения Канонического права Римско-католической церкви – это был настоящий бред, но что до этого Екатеринославскому Губадминотделу? Главное, что все вопросы управления делами общины «разрешаются на общих собраниях открытым голосованием», а не принадлежат настоятелю, как это было раньше. Но то раньше! И вообще, что это такое – настоятель? Есть Председатель Правления общества и никаких настоятелей!

И ксендз Томашевский вынужден был подписать Устав в качестве Председателя Правления. Вместе с ним Устав религиозного общества подписали: секретарь – А. Милевский, члены правления – Л. Пацановский, М. Герасимович, Б. Конаржевский, М. Новицкая, И. Бжезицкий, А. Крицкая, М. Баласевич и другие. Некоторые «члены правления» подписывались по-польски.

Но самым многозначительным и страшным был 11-й пункт Устава из раздела шестого «Порядок закрытия общества».

– Общество может быть закрыто:

- а) по постановлению соответствующего исполкома или НКВД;
- б) вследствие ареста части членов общества...

Над РСФСР, Каменским и римско-католической общиной Святого Николая опускалась ночь большевизма.

На основании декрета Папы Пия XI от 10 марта 1926 года, территория Тираспольской епархии была разделена на несколько апостольских администратур: в Одессе, на Волге, на Кавказе, в Тифлисе и Грузии. К концу 1930 года вследствие репрессий со стороны Советской власти Тираспольская римско-католическая епархия фактически прекратила свое существование.

Глава 22

В предчувствии смерти

Но костел был еще жив... В 1925 году на смену ксендзу Константину Томашевскому в костел прибыл священник Яков Розенбах.

Яков Розенбах, немец, из колонистов, родился в 1885 году. Сан католического священника он получил в 1909 году, а в 1910 году становится администратором приходской церкви во имя Успения Пресвятой Девы Марии в г. Ямбурге под Екатеринославом. Согласно переписи 1926 года в Каменском насчитывалось поляков 2116 человек или около 7% населения, а количество прихожан костела Святого Николая сократилось до 183 человек. Эти 183 католика, так же, как и православные, иудеи и протестанты, очень мозолили глаза Советской власти Каменского, а еще более – храмы, которые они посещали, вместо того, чтобы ходить на профсоюзные собрания. Человек верующий своим существованием находился в оппозиции к власти, исповедующей безбожие. Но человека можно запугать, заставить замолчать, публично отречься от Бога или принудить из опасения за жизнь не приходить туда, где хотя бы двое или трое собираются во Имя Бога. А вот Церковь даже под страхом смерти не может сказать, что Бога нет, иначе – это уже не Церковь. Это прекрасно понимали идеологи строительства нового мира. Из каких щелей они только повылазили?

Ксендз Розенбах и в условиях психологического террора продолжал делать то, что обязан делать католический священник: отправлял мессы, крестил детей, исповедовал кающихся, причащал исповеданных. Но к этим заботам прибавилась еще одна. В 1925 году неутомимыми властями была разработана типовая форма «Описи культового имущества, находящегося в молитвенном здании». Такую опись требовалось составлять ежегодно с указанием наименования всех (!) предметов, находящихся в костеле, церкви, синагоге или ином доме молитвы. В соответствующие графы вносились данные – из чего изготовлен пред-

мет, его вес, стоимость и состояние. В примечании делалась отметка соответствующего Админотдела или Исполкома об исключении предмета из обихода по сравнению с предыдущей описью с указанием причины. В случае пропажи предмета требовался акт милиции о пропаже.

Шестого августа 1927 года была составлена очередная унижительная опись, в которой от бдительного глаза представителя Админотдела не укрылось ни молитвенное здание костела с железной оградой, оцененное в 50 тысяч рублей, ни миска эмалированная из квартиры настоятеля за 40 копеек. Две урны с мощами – а по преданию это были мощи святого Николая и святого Казимира – не имеющие для прихожан Каменского костела денежного эквивалента, были оценены в 40 рублей, очевидно исходя из веса урн, составляющего 1 фунт каждая.

Как «хорошее» было оценено состояние большого дубового алтаря, боковых алтарей, амвона, четырех исповедальней, 24-х двойных скамей, изготовленных все из дуба. Как «удовлетворительное» – состояние распятия и семи больших статуй святых, центральной люстры и органа, термометра на дверях, купели каменной, икон, катафалка, гроба и сава-на, малых статуй и многого другого. Всего же опись костельного имущества за 1927 год насчитывала 230 предметов.

По сравнению с очень нелегким временем настоятельства ксендза Томашевского, положение отца Розенбаха становилось еще сложнее. Официально он уже не был не только настоятелем костела, но даже председателем общины! Гражданин Яков Розенбах считался нанятым общиной священником, а председателем правления стал гражданин Казимир Крицкий. И не важно, что Казимир Крицкий, как и другие члены правления, был заслуживающим доверия католиком. Статус священника низводился до уровня наемного работника, ведущего историю своего священства не через рукоположение епископов от Иисуса Христа, а от волеизъявления членов религиозного общества, которым можно управлять из кабинета Губадминотдела.

В начале 1928-го года по указке ГПУ советская пресса зашипела обвинениями в адрес духовенства епархии в антиправительственной деятельности. Видимой причиной газетной истерии было появившееся в печати Открытого письма Подольского католического духовенства, в котором излагался взгляд на события, происходящие в Российской Федерации. Как ответ на это письмо и реакцию властей на него, 28 января 1928 года под нажимом Отдела культов состоялось заседание Правления римско-католической общины г. Каменского с повесткой дня «Выяснение нашего отношения к опубликованному в последнее время в нашей печати письму инициативной группы ксендзов Подольского римско-католического духовенства». В протоколе было отмечено, что на заседании присутствуют 10 человек и участвует ксендз Розенбах. Председателем заседания был избран Ян Рудницкий, секретарем – Птак Иван. Если бы не отсутствие красного кумача на столе, то со стороны могла бы создаться полная иллюзия собрания профактива. Собравшиеся заслушали «Доклад Председателя правления Крицкого Казимира об опубликованном письме и появившимися в связи с этим обвинениями духовенства нашей епархии в антиправительственной деятельности».

Постановили: констатируя, что деятельность лиц духовных местного прихода за все время существования Советской власти всегда ей подчинялась и была лояльной:

1. Протестовать против всякой политической деятельности, имевшей место в кругах духовенства римско-католического, в пользу какого бы то ни было заграничного государства, ибо Советская власть, представляя равноправие каждой национальности в РСФСР, дает возможность удовлетворить своим культурным и духовным потребностям.

2. И в дальнейшем совестно, как это подобает религиозному человеку, подчиняться всем правительственным распоряжениям и лояльно держаться.
3. Предложить всем нашим католикам, членам общины на общем собрании высказать свое мнение по поводу этого и присоединиться к нашей резолюции.
4. Общее собрание созвать в ближайшем будущем.

Подписи: Павловский, Ходоровский, Ринкевич, Цихоцкий, Крицкий, Руликовский, Милевский, Буткевич, кс. Розенбах.

Под протоколом с надписью «копия верна» стояла еще одна подпись – инспектора отдела кадров Николаевского.

Конечно, и само собрание, и доклад, и обсуждение, и резолюция были лишь данью все более наглым и настойчивым требованиям властей осудить самих себя и своих пастырей. Лишь бы отвязались! Но уже многие понимали – эти не отвязнутся. И хотя резолюция была очень обтекаема, было ясно – ничего хорошего от этой власти ждать не приходится.

Но все же костел пережил еще один праздник. На Пасху 1928 года ксендз Розенбах подготовил группу детей к их первому Причастию. Как оказалось, это было последнее первое Причастие в костеле Святого Николая города Каменского. Их было пятнадцать человек: девочки в белых платьях и мальчики в темных костюмчиках. После таинства Причастия ксендз Яков Розенбах в окружении детей сфотографировался на память на крыльце дома священника. Какой печалью веет от этой фотографии! Кажется, дети и ксендз видят будущее. Но никто из них еще не знает, что через год костел будет закрыт, начнутся репрессии, а дети, понемногу взрослея, станут скрывать свою принадлежность к католической церкви. Но не забывать о ней.

В конце 1928 года в Каменском на основании инструкций ГПУ была начата кампания по закрытию молитвенных зданий: «заводской» православной церкви, новой синагоги, кирхи и костела. По цехам металлургического завода им. Дзержинского, организациям и квартирам собирались подписи за закрытие по национальному признаку принадлежности к религиозным группам. Все материалы – подписные листы, вырезки из газет, перечень проведенных мероприятий были собраны и находились в особых папках в делах Райкома. Согласно отчетам, было проведено 89 бесед с охватом 20 тысяч 963 человек, антипасхальным карнавалом вечером под Пасху охвачено 6 тысяч человек, под Троицу в антирелигиозном гулянии участвовало 4 тысячи человек. Проведено два доклада по радио и общее собрание «Союза воинствующих безбожников» (ах, какое название!), на котором присутствовало 450 человек. Два антирелигиозных вечера дали охват 800 человек. На учительской конференции был поставлен доклад об антирелигиозном воспитании в школе, где присутствовало 250 человек. Конференция приняла резолюцию о присоединении к подписям рабочих своих голосов о закрытии «заводской» церкви. Однако в феврале-марте 1929 года в Каменское из Окружкома пришло распоряжение приостановить кампанию, и все временно утихло. К этому моменту количество прихожан Каменского костела упало до невозможной цифры – 118 человек. Но худшее ожидало впереди.

За репрессиями по отношению к крестьянству последовали репрессии по отношению к религии. Декрет ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях», принятый 8 апреля 1929 года, строго ограничивал деятельность всех Церквей, а также нерелигиозных христианских объединений. Декрет ставил своей целью уничтожение какой бы то ни было религиозной жизни. С незначительными изменениями декрет «О религиозных объединениях» сохранял свое значение вплоть до 1990 года. Как и другие Церкви, Католическая Церковь также должна была исчезнуть из общественной жизни Советского Союза: епископы и священники в ходе «чисток» арестовывались, лишались службы или вынуждены были

скрываться, некоторые из них были просто уничтожены – нет человека, нет проблемы! – а все костелы подлежали закрытию.

Днепропетровская газета «Звезда» опубликовала фельетон, в котором обвинила настоятеля Каменского прихода ксендза Якова Розенбаха в связях с проститутками. И хотя ни имен свидетелей, ни имен проституток названо не было, сам факт публикации был настолько серьезен и страшен по своим возможным последствиям, что ксендз Розенбах был отозван из Каменского. Людская молва устойчиво утверждала, что он все равно был арестован.

Завокрадмотдела
Днепропетровского округа

Прошу Вашего указания, возможно ли занять под квартиру для семейных работников милиции, ввиду квартирного кризиса в г. Каменском, бывшую квартиру польского священника-ксендза, какой скрылся из г. Каменского неизвестно куда после фельетона, помещенного в газете «Звезда». Квартира его состоит из двух комнат и кухни, где в настоящее время живет только его прислуга. Причем в Польской общине имеется разрешение Днепро-Петровского Окр. Исполкома на занятие при костеле под сторожку не более двух комнат. Но так как указанная выше квартира бывшего ксендза находится в стороне от костела за другими зданиями и не как сторожка при костеле, а особняк, который занимал ксендз, то совершенно не может быть сторожкой, как заявляет община.

Зав. райотделом – начальник
рай. милиции /Максимович/

В это же время в Днепропетровске состоялось заседание с повесткой дня «О состоянии подготовительной работы к закрытию мол. домов в г. Каменское», на котором докладывал инспектор отдела культотдела Николаевский.

– Костел. Помещение находится в центре города. Шикарное здание готического стиля. Община смотрит чертом. Это не община, а осиное гнездо. Местные работники с удовольствием закрыли бы костел, да опасаются «международных осложнений». Помещение приспособить под что-либо труднее, чем церковь, но можно. Будет удобнее произвести закрытие заодно с остальными молитвенными домами под общую компанию. Община пользуется церковным домом под видом сторожки, используя под жилье ксендзу. В данное время этот дом пустует. От костела этот дом удален, его нужно отобрать, т.к. община не использует его по прямому назначению, и вселить туда работников района.

Подготовка к закрытию. Выяснено, что имеется возможность подготовить общественное мнение к закрытию «заводской» церкви, новой синагоги, костела и кирхи. Собрано подписей – 3574. Конечно, этих подписей для закрытия четырех молитвенных домов недостаточно, так как такое количество не может выразить всего общественного мнения.

Зав. АПО тов. Смирнов ручается, что как только будет дано согласие Окружкома на проведение кампании, то по цехам будут немедленно проведены с успехом доклады и внесены единогласные постановления о закрытии молитвенных помещений. Полагал бы немедленно дать директиву в Каменское о проведении кампании по закрытию 4-х молитвенных домов.

Директива не заставила себя ждать, и кампания по закрытию молитвенных домов в Каменском началась с залпа еженедельной рабочей газеты «Дзержинец». Номер от 17 октября 1929 года вышел под шапкой – «Превратим гнезда черной реакции в очаги культуры». Чуть ниже было напечатано: «Дзержинцы и правдовцы требуют немедленного закрытия

молитвенных домов, их не должно быть в городе строящегося социализма». Передовая статья «В поход на религию» трубила: «На путях строительства социализма у нас немало трудностей, но мы их преодолеваем творческой энергией миллионных трудящихся масс. К числу тормозов и трудностей в дальнейшем строительстве необходимо отнести религию. Церкви, костелы, синагоги и т.д. – это трибуны, откуда раздается контрреволюционная агитация за срыв всех мероприятий, направленных в сторону улучшения социалистического строительства – должны быть ликвидированы. Нас, дзержинцев, рабочие завода Петровского (в Днепропетровске – авт.) вызвали последовать их примеру. Пойдем и мы в культурный поход против агентов капитализма: попов, ксендзов, раввинов. Выгоним их из последнего убежища, закроем церковь, костел, синагогу, кирху, превратим эти убежища в культурные очаги. Против религии и религиозных организаций, являющихся тормозами социалистического строительства!

Шире фронт культурного строительства!

За Ленинское коммунистическое просвещение!»

Заводской комитет Всероссийского Союза Рабочей Молодежи в статье «Разрушим остатки капиталистических крепостей» прекрасно подпевал старшим товарищам: «Наступает 12-я годовщина пролетарского Октября, который разрушил капиталистическую и создал новую, пролетарскую культуру. Пролетарии-Дзержинцы... должны быть передовыми бойцами и на культурном фронте, выкорчевывая остатки старого капиталистического дурмана: церкви, синагоги, кирхи, костелы, которые имеются на территории нашего города и занимают огромные помещения в то время, когда мы ощущаем острый недостаток в домах даже для такого важного дела, как проведение культпросветной работы со строителями социализма... Вот почему заводской комитет выражает уверенность, что рабочие наших заводов все, как один, дадут свои подписи за закрытие очагов одурманивания и за превращение их в культобразовательные заведения. Не должно быть остатков капиталистических крепостей на территории города строящегося социализма! Закроем очаги мракобесия! Превратим церкви, синагоги, костелы и кирхи в книгохранилища, клубы и школы.

Да здравствует социалистическая реконструкция!»

И еще одна заметка из этого номера «Дзержинца».

Встретили аплодисментами

Вчера, 16 октября состоялось общее собрание женщин-рабочих. В собрании принимали участие более 250 женщин, которые предложение о закрытии молитвенных домов встретили бурными аплодисментами. Предложение принято единогласно.

Знаменательно, что многие выражения публикаций «Дзержинца» повторили выражения доклада инспектора отдела культов Николаевского и в точности предвосхитили будущее постановление о закрытии молитвенных зданий Каменского. Судьба костела, как и других храмов города строящегося социализма, была предreshена. В Каменском развернулась небывало мощная кампания по сбору подписей за закрытие.

Из 46 тысяч 451 жителя Каменского, 23 тысячи 871 из которых с правом голоса, было собрано 20 тысяч 560 подписей. И первого декабря 1929 года вышло постановление президиума Окружного исполкома Украины о закрытии в г. Каменском православного собора, костела, синагоги и кирхи. Основанием, формальным основанием для закрытия Каменского костела, послужило то, что большинство поляков Каменского (поляков! а не католиков, вот где пресловутое равенство «католик = поляк» сослужило плохую службу) высказались за закрытие костела, к тому же оставшегося без священника.

Согласно того же решения Окружного исполкома в конфискованных церковных помещениях постановлялось открыть: книгохранилище – в церкви, интернациональный клуб немцев, евреев и белорусов – в синагоге, пионерский клуб – в кирхе, польский клуб – в костеле. Закрытие началось 10-го декабря с синагоги. На следующий день вызвали председателя православного общества и сообщили о закрытии собора. Тут же приехали подводы и вывезли из собора серебро, одежду, иконы и в 16 часов опечатали собор.

Двенадцатого декабря у католиков был отобран костел. Имущество вывозили ранним утром. А тринадцатого декабря 1929 года большевики закрыли и опечатали и кирху.

Боже, что они с нами делали!

Судьба отца Якова Розенбаха

К 1929 году органы ГПУ подготовили материалы для закрытого судебного процесса по делу польского духовенства. Ксендзов обвинили в участии в контрреволюционной повстанческой организации «Польская организация войсковая» для шпионажа в пользу Польши, в нелегальных переходах границы, в систематической контрреволюционной агитации против советской власти и противодействии советизации прихожан, особенно молодёжи. Несмотря на немецкое происхождение, попал в эту мясорубку и ксендз Яков Розенбах. 12 октября 1929 года отец Яков был арестован в Днепропетровске, и в начале 1930 года по постановлению Спецколлегии Днепропетровского областного суда приговорён по ст. 54-10, 170 и 111 УК УССР к пяти годам концлагеря. За время следствия в Каменском произошли грязные события по закрытию молитвенных зданий: заводской православной церкви, синагоги, кирхи и костела.

Местом отбывания наказания отцу Розенбаху определили Соловки, на которые в ту пору в массовом порядке высылались священники, как латинского, так и восточного обрядов. Все, болезненно разделявшее греко- и римо-католиков, на Соловках само собой исчезло. Они были теперь только братьями во Христе, носителями света Христова в окружающей духовной тьме. Прибыв 23 апреля 1930 года в Соловецкий концлагерь, ксендз Яков Розенбах попал на остров Анзер, где католических священников поселили в отдельном бараке. Им даже на работах запрещалось любое общение с другими заключёнными.

Двадцать три священника находились скученными в комнате три-четыре метра длины и около двух метров ширины. Часть спала на полу, а часть – на нарах, на высоте около метра от пола, совсем как «селедки в бочке». Удивительно, что и в таких условиях ксендзы нашли возможность исполнять свой священнический долг, о чем рассказал позже переживший испытание Соловками греко-католический священник, отец Донат:

«Установили в комнате сколоченный стол, на котором совершали богослужения западные отцы. Чтобы не было заметно со двора, что по ночам происходят на чердаке богослужения, мы тщательно завешивали окно комнаты плащами».

Однако летом 1932 года двадцать три члена лагерной коммуны были арестованы, и началось следствие по групповому делу «антисоветской контрреволюционной организации католического и униатского духовенства на острове Анзер». Священники обвинялись «в создании антисоветской группировки, ведущей антисоветскую агитацию, тайно совершавшей богословские и религиозные обряды и осуществлявшей связь с волей для передачи за границу сведений шпионского характера о положении католиков в СССР».

Члены коммуны держались на следствии с большим достоинством, отстаивая свои религиозные убеждения и категорически отрицая все политические обвинения. Приведем лишь ответ Якова Розенбаха на одном из допросов: «Что касается католицизма – моих убеждений не изменю. Таким же твердым, как был до лагеря и заключения, остался и сейчас. Вражды к советской власти я не питаю, но поддерживать безбожия я никогда не мог и не смогу, не пойду против своей совести». (Следственное дело ксендзов. Архив УНКВД г. Архангельска).

По окончании процесса, на котором судьи отклонили ходатайство следствия об увеличении срока до 10 лет, восемь ксендзов отправили в Ленинградское ГПУ, других разослали по самым тяжелым командировкам либо отправили в Белбалтлаг. Отца Розенбаха оставили на Соловках. В ноябре 1933 года он был освобожден из лагеря с отметкой «12», означающей запрет на проживание в двенадцати крупнейших городах СССР, и выслан на поселение в Курск, где работал в конторе. В конце 1937 года Якова Розенбаха опять арестовали по новому сфабрикованному делу, как «агента польской и немецкой разведок и участника фашистско-шпионской организации». Это уже был конец. Приговор над Яковом Иосифовичем Розенбахом, немцем, 1885 года рождения, приведен в исполнение в Орле 10 апреля 1938 года через расстрел.

18 февраля 1938 года в Днепродзержинске (ул. Тупая, 6-1) был арестован, а 14 октября того же года осужден решением Особой Тройки к расстрелу, как «польский шпион», бывший староста Каменской римско-католической общины 68-летний Александр Матвеевич Милевский. Еще перед закрытием костела его вызывали в НКВД «на беседу» и очень интересовались, что носит в портфеле ксендз Розенбах.

Мир вашему праху!

Глава 23

Второе рождение

Совершенно очарованная ксендзом Юрием и интуитивно чувствуя, что инициативная группа по спасению костела на верном пути, Нина Александровна Цыганок отменила сеансы художественных фильмов в музейном кинозале и предоставила католикам по цене входных билетов это теплое помещение для проведения богослужений. Данная стоимость аренды кинозала была смехотворно малой, но внешне соблюдались все формальности, и Нина Александровна могла быть спокойной, что ее не обвинят в нерачительном использовании музейных площадей, и одновременно довольной, что она поддерживает католиков в самый трудный период.

Рождественское богослужение 1991 года проводил ксендз Виктор Ткач, настоятель костела села Гвардейское, что в Хмельницкой области. Было морозно и снежно. Людей собралось около тридцати, в основном старики. Ксендз Виктор, высокий, черноволосый, улыбочивый и отрешенный – такой украинский парубок – промчался восемьсот километров, чтобы отслужить мессу в Днепродзержинске.

– Будет охмурять, – подумал я, когда нас подвели друг к другу. Это казалось неизбежным, положенным ему «по штату» – обращать в свою веру всех заблудших овец. А поскольку я был овцой совершенно заблудшей, то решил не сдаваться. Но ксендз Виктор «охмурять» меня почему-то не стал. Он быстро отшил «старосту» Марчука, которому очень хотелось вставить и свое словечко в разговор. Роль неформального лидера Станиславу Брониславо-

вичу порядком приелась, и ему хотелось чего-то большего.

Деньги за вход собирали и отдавали музейной билетерше сестры-близнецы Цеся и Зося Селянские. Я так и не понял, кто из них Цеся, а кто – Зося. Сестры Селянские настолько похожи друг на друга, что на первых порах нашего знакомства я даже не пытался их различить. Просто я знал, что одна из них – наверняка Зося. Их невозможно представить отдельно друг от друга. У них все одинаковое: характер, черты лица, фигура, походка, одни интересы, вкусы, привычки и одна судьба.

Ксендз Виктор начал мессу. Кроме католиков в зале находились музейные сотрудники, они попросили разрешения присутствовать на службе и послушать проповедь. Служба протекала своим чередом, пока не дошел черед до исповедания Символа Веры. Когда ксендз Виктор, а за ним остальные провозглашали «верую в Духа Святого, Господа животворящего, от Отца и Сына исходящего»... вдруг вскочила со своего места жена «старосты» и громко закричала:

– А я несогласная! Это ж неправильно!

Ход мессы явно дал сбой, не заметить выпада было невозможно, и люди пытались взглядами урезонить несогласную супружницу «старосты» Марчука.

– Та вы не слушайте ее, она же лечилась! – приговаривал «староста», пытаясь усадить свою половину на кресло. Когда ему это удалось, Станислав Брониславович, с неизменно плутоватым выражением, продолжал объяснять соседям что-то по поводу жены и просил не обращать на нее внимания.

Я тоже не испытывал никакого восторга и трепета от богослужения. Для меня это все было лишь зрелище, лишенное красоты и глубинного смысла. Верующие пели нестройно и фальшивили. Ксендз Виктор, честно признавшийся, что ему медведь на ухо наступил, фальшивил громче всех, и если что-то и было красивое в самих песнях, то такое исполнение сводило на нет всю их красоту. Внешнее восприятие музейной мессы эстетически меня никак не впечатлило, и было вдвойне непонятно, почему увлажняются глаза у пришедших сюда в такой мороз. И зачем эта старуха Сабина Пацановская, кряхтя, становится на колени, ведь ей тяжело, но не жалуется, а наоборот, вроде как ей это приятно делать. Не понимаю...

Слово «вера» для меня оставалось лишь словом, я знал, что такое понятие существует, но воспринимал веру, как приятное заблуждение. И чувствовал себя не в своей тарелке: стать самому на колени казалось совершенно невозможным и унижительным. Как это – взять и стать на колени?! Ведь мы – как нас учили, и чему мы гордились – ни перед кем не станем на колени, мы – не рабы! А с другой стороны, вот все становятся, а ты, как неизвестно кто, чужеродный элемент, не знаешь, что с собою делать: или стоять столбом во весь рост или неуважительно плюхнуться в кресло?

Приехать машиной в Днепродзержинск через всю Украину, чтобы отслужить мессу и назад! Не понимаю, опять не понимаю... Слишком много вопросов ставила передо мной эта неказистая месса.

Начало 1992 года ознаменовалось появлением в Днепродзержинске нового священника – ксендза Николая Гуцала из Жмеринки. Он приехал сюда вместе с ксендзом Виктором Ткачом, чтобы продолжать дело возрождения католической общины. Мессы проводились в музее истории города, после которых ксендз Виктор предложил ходить к костелу и мо-

литься на его ступенях.

– Нельзя находиться в комфортных условиях музея, когда наш костел остается там один, – сказал ксендз Виктор.

Впоследствии, в течение почти двух месяцев, мессы проходили в непосредственной близости от костела в бытовке ЖЭКа металлургического комбината. Встречи католиков приобретали постоянный характер, и как-то само собой стало ясно, что можно регистрировать общину.

Именно с таким настроением я и открывал дверь уполномоченного по делам религий облисполкома В. Шендрика, держа в руках документы на регистрацию римско-католической общины Днепродзержинска. Однако уполномоченный быстро развеял мои иллюзии относительно того, что он, хотя бы по долгу службы, должен помогать верующим объединяться.

После того, как я представился, Владимир Сергеевич долго не отрывал голову от письменного стола, а затем спросил:

– Так кто вы такой: депутат горсовета или член католической общины?

Не моргнув глазом, я сориентировался в создавшейся ситуации и заверил кабинетного работника в том, что я именно католик. Спустя много времени я узнал, что в тот момент я совершал структуральный грех.

– То, что вы депутат, меня совершенно не интересует, вы меня поняли? А как с католиком, мы сейчас с вами поговорим.

Посмотрев на титульный лист устава общины, заверенного печатью и подписью епископа Каменец-Подольского Яна Ольшанского, он холодно спросил:

– А чем вы можете подтвердить, что это действительно подпись епископа?

От неожиданности я пробормотал что-то вроде того, что сам я в Каменец-Подольский не ездил и не видел, как на уставе расписался именно епископ, однако печать... печать... свидетельствует, что...

– Так, вы не знаете, подпись епископа это или нет.

– Может, вам справку привезти, что это его подпись? – начал приходить я в себя.

– Вы тут не иронизируйте. Это облисполком! – сурово поставил меня на место уполномоченный и поднял взгляд к большому портрету В. И. Ленина, который добрыми прищуренными глазами наблюдал за нашей беседой.

Пролистав Устав, В. Шендрик вновь поинтересовался:

– Вот здесь на первой странице написано «римсько-католицька», а на второй – «римо-католицька». Это одно и то же, или нет?

– Я думаю, одно и то же, – бодро начал я, но договорить не успел.

– Думаете? То есть, вы не уверены? Да вы толком ничего не знаете, а пришли в облисполком регистрировать неизвестно какую общину! – разгорячился верный ленинец.

– Значит, вы нам отказываете в регистрации? – чуть нажал я на уполномоченного, слегка опасаясь, а не отправит ли он меня сейчас за нужной справкой куда-нибудь на Соловки

– Разговор окончен! – оборвал появившиеся опасения мой оппонент. – Документы отнесите в канцелярию. Разберемся!

В общем, проблуждав добрый месяц по недрам облисполкома, подгоняемые звонками из Днепродзержинского горисполкома и личным визитом в Днепропетровск «старосты» Марчука и прихожанки Кайгородовой, эти документы вернулись к нам в горисполком с мобилизующей пометкой «Срочно!». До 25 января 1992 года подтвердить согласие на регистрацию общины и готовность местных властей передать верующим костел.

Из Днепродзержинска в область немедленно ушла депеша:

Уполномоченному облсовета по делам религий В. Шендрику.

Исполком совета народных депутатов не возражает против регистрации общины римско-католической церкви г. Днепродзержинска и в дальнейшем намерен передать здание католического костела по адресу: ул. Коваленко, 3 на баланс общины для использования его в культовых целях.

Заместитель председателя исполкома
О. Плахотник

– Что делать, – вздыхали верующие, – шестьдесят лет ждали, еще два месяца подождем.

И запасались терпением для новых встреч в каждое второе и четвертое воскресенье месяца.

На ксендза Николая Гуцала, молодого, высокого, талантливого священника, днепродзержинский костел явно производил сильное впечатление. Ксендз Николай смотрел на башни костела и с легким юмором говорил:

– Костел Николая и я Николай. Что-то в этом есть.

Подумалось, что передо мной будущий настоятель нашего костела. Что ж, очень неплохо! Ксендз Николай установил «телефонный мост» между Днепродзержинском и Жмеринкой, сам все чаще появлялся в Днепродзержинске, привез сюда трех архитекторов из Винницы, начал искать местных спонсоров. По предварительному заключению Юрия Плясовицы, руководителя архитектурной мастерской, костел в Каменском действительно строился на века. Его зодчие будто предчувствовали нелегкую судьбу и тяжелые испытания, которым будет подвергаться католический храм. И теперь, несмотря на свой плачевный вид, технически костел находился в очень приличном состоянии, позволяющем начать строительнореставрационные работы.

В конце марта мы наконец-то получили ксерокопию решения облисполкома № 66 от 4 марта 1992 года. Этот документ, являвшийся бесподобным образцом канцелярского слога, назывался – «О регистрации статута общины римско-католической в г. Днепродзержинске и разрешении на передачу ей бывшего культового сооружения по ул. Коваленко, 3».

Но главным здесь, конечно, был не слог, а то, что стояло за ним. Нас зарегистрировали! Зарегистрировали! Еще немного и костел будет наш!

Двадцать второго марта в костеле вместе с ксендзом Николаем появился еще один новый священник – ксендз Мартин Янкевич. Как он мне не понравился, этот ксендз Мартин! Не-высокий, со слишком густыми бровями, с рюкзаком за спиной, он был совершенно не похож на «наших» гренадеров-ксендзов, бывших тут до сих пор. Он плохо говорил по-

русски, ставя ударения в самых невероятных местах, путал слова и казался совершенно беспомощным.

Месса проходила в костеле на втором этаже под барельефом с классиками марксизма-ленинизма. Здесь стоял грубо сколоченный стол, послуживший алтарем, и было много мусора, битого стекла, досок и всякого железа. Собравшиеся наутро старушки убрали этаж от мусора, вымели пол, а мусор сложили у окна.

А в это время инициативная группа по спасению костела готовила свой последний из значительных документов. Это было Решение о передаче костела Святого Николая римско-католической общине. Основанием для передачи костела были заявления общины, инициативной группы, депутатской комиссии по культуре, а также соответствующие статьи из законов «О свободе совести» и «О местном самоуправлении». Мы собирались в кабинете заведующей отделом культуры и колдовали над текстом решения. Плоды нашего творчества передавались наверх к О. Плахотнику, который вносил свои замечания, и все начиналось сначала.

Зося и Цеся Селянские пропагандировали меня, где могли.

- А это Саша Слоневский, наш депутат. Он первый позвал всех в костел, а мы уже к нему присоединились и вместе его восстанавливаем...
- Познакомьтесь, это депутат горсовета, который первый позвал всех в костел...
- Знаете, кто это? Это папа и мама того самого Саши Слоневского, который первый...

Увидев в окружении Зоси и Цеси новое лицо, я безуспешно пытался зайти где-нибудь в угол, но везде находил меня их спаренный энергичный голос:

- А это Александр Юльевич, который...

Я чувствовал слепящий ореол над своей головой, а за спиной – пробивающиеся ангельские крылышки.

- Вы еще не знакомы? Ну, как же! Ведь это...

Не дожидаясь официальной передачи костела, приход начинал жить своей самостоятельной жизнью, факты которой фиксировали Зося и Цеся Селянские в «Дневнике возрождения общины». Почти все из происходящего происходило впервые. Или впервые за много лет. Но очень быстро приобретало постоянный характер.

12 апреля 1992 года. Елена Войцеховна Барановская первая пожертвовала 1000 рублей «на костел».

19 апреля. Первое Пасхальное Богослужение на «втором этаже» костела. Присутствовало около 100 человек.

24 апреля. Впервые появившаяся техника, присланная с металлургического комбината, начала уборку мусора на территории двора костела.

Мебельная фабрика изготовила три скамейки; там же, на мебельной фабрике, заказан большой деревянный крест.

Трое студентов института сбили гипсовый барельеф Маркса-Энгельса-Ленина.

Архитектор Ю. Плясовица привез первый том «Проекта реконструкции костела».

В Днепродзержинский костел начали приезжать католики из Днепропетровска и Запорожья.

14 июня. В праздник Святой Троицы состоялось венчание в костеле. 65-летний Роман и Антонина Руновские – первая костельная чета новейшего времени.

Приготовлено жилье для ксендза Мартина у прихожанки Алины Игнатьевны Селянской по ул. Короленковской, 37.

Похоже, ксендз Мартин решил обосноваться в Днепродзержинске надолго и всерьез. Семнадцатого июня 1992 года председателем горисполкома С. Шершневым было подписано Решение № 484 «О передаче здания римско-католической церкви Святого Николая и прилегающей к ней территории».

Ну, наконец-то...

Часть II

Глава 1

Настоятель костела

– Это совсем не по-советски! – радостно удивился ксендз Мартин, когда во двор костела въехала машина с пятнадцатью рулонами рубероида. – Только утром переговорил с паном Борисовым, а днем уже привезли рубероид!

Хотя ксендз Мартин Янкевич уже более трех лет жил в Украине, к порядкам нашим он привыкнуть так и не смог. Он не смог понять, почему люди у нас не держат слово, почему при открытии магазинов все, отталкивая друг друга, лезут в узкий проем двери, а не подождут пять минут, чтобы спокойно зайти, почему так много ругаются в трамваях и очередях – неужели от этого становится легче? Почему начальники так часто отсутствуют на своих рабочих местах даже в часы приема по личным вопросам, и их приходится неделями вылавливать под кабинетами, чтобы поговорить десять минут? Почему, несмотря на Указ Президента Украины о возвращении церковной собственности, эта собственность не возвращается? Почему работники того же ДОСААФ так наплевательски относятся к тому, что разворовывается их же досаафовское имущество, хранящееся в подвалах костела?

Загадочная советская душа, загадочные порядки, загадочная система! Поэтому было чему удивляться отцу Мартину при виде столь быстро поступившего рубероида.

Впрочем, столь же ошеломляющее впечатление производил и сам ксендз Мартин на всех, с кем сводила его здесь судьба. И в первую очередь на меня.

Тогда, в начале девяностых, мы почти поголовно все были «товарищами», а директорский корпус и подавно. Поэтому, когда я услышал, как ксендз Мартин обратился на нашей первой встрече к генеральному директору ДМК, члену обкома КПСС Юрию Николаевичу Борисову – «пан директор», мне стало плохо.

«Он что, совсем ничего не понимает? Ведь это же директор комбината!» – думал я, приготовившись, что нас с позором выгонят из кабинета.

К моему удивлению, генеральный директор и член обкома, совершенно не обиделся, что его, коммуниста, обозвали «паном директором». Наоборот, Юрию Николаевичу такое обращение пришлось по душе, и было видно, с каким удовольствием он воспринимает это несоветское «пан директор».

Накануне, на проспекте Пелина, нас остановила незнакомая женщина и попросила объяснить дорогу к ЖКО. Было довольно прохладно, и шел мелкий противный дождь. Услышав

обращение женщины, ксендз Мартин снял фуражку и, пока я объяснял, стоял с непокрытой головой. От этого его жеста повеяло чем-то таким забытым, далеким, утраченным, что бедная женщина застыла в изумлении и, кажется, совершенно не слушала мои слова. Она во все глаза смотрела на человека, так подчеркнувшего ее женское достоинство. Лично меня от окончательного конфуза спасло то, что я вообще был без головного убора.

– Так сколько вам нужно металла? – спросил «пан Борисов».

– Пятьдесят килограммов стального листа и швеллера килограмм двести. Хорошо бы еще, прошу прощения, труб немного.

У Борисова глаза полезли на лоб, а щеки затряслись от беззвучного смеха, он закашлялся и переспросил:

– Сколько-сколько?

– Стального листа килограмм пятьдесят... мы просчитали, пан директор, и...

– Вы пришли к генеральному директору металлургического комбината просить пятьдесят килограмм листа? Не дам. Меня засмеют! Нет, вы послушайте! Пятьдесят килограмм листа на восстановление костела, каково? Сейчас вы вернетесь в костел и ты – Борисов ткнул пальцем в мою сторону – перепишешь это письмо. Значит так: швеллера просите десять тонн. Вы меня поняли? Десять тонн, а не «килограмм двести», две тонны труб, и три тонны листа. Об остальном поговорим позже. Ну, и помолитесь обо мне, – неожиданно добавил директор.

Воистину, нет бедняка, который не мог бы помочь другому, и нет такого богача, который не нуждался бы в чьей-то поддержке.

Через несколько дней ксендз Мартин опять вогнал меня в краску. Импульс, данный в борисовском кабинете, привел в движение соответствующие рычаги исполнительного механизма, и мы с ксендзом Мартином оказались в компании водителя автомобиля-длинномера, чтобы вывезти из комбината в костел подаренные трубы.

Нужный склад с трубами был, разумеется, закрыт, кладовщица ушла на обед, и нам ничего не оставалось, как только последовать ее примеру. В системе комбинатовского общепита ксендз Мартин ориентировался примерно так же, как и в загадочной советской системе, поэтому заказ пришлось делать мне.

Когда на свободный столик буфета были поставлены тарелки с любительской колбасой и лимонадом, и мы с водителем приготовились вонзить зубы в колбасу, ксендз Мартин встал и начал читать «Отче наш». В буфете воцарилась подозрительная тишина. Движение прекратилось, как и стук вилок о тарелки. Все головы повернулись в нашу сторону. Ксендз Мартин невозмутимо продолжал читать «Отче наш», который мне казался бесконечным. У водителя длинномера отвалилась челюсть. И мы оба не знали, что нам делать. Рабочие в промасленных спецовках с любопытством и скрытой насмешкой смотрели на странного человека в темном пиджаке, который, помолившись, вдобавок еще и еду перекрестил, а потом и сам перекрестился, но как-то «не по-русски».

В этот момент я тоже молился – впервые в жизни. Я молил Бога, чтобы сейчас никто из моих знакомых не вошел в буфет и не увидел меня рядом с ксендзом. И Бог меня услышал. Положительно, этот ксендз Мартин и вне пределов костела оставался священником!

Для ксендза Мартина днепродзержинский костел был уже третьим восстанавливаемым храмом, но первым по огромному объему работ, который предстояло совершить. Ксендз

Мартин стоял в самом начале пути, но это не было безнадежностью старта из точки абсолютного покоя – движение уже началось.

Выбрав в костеле относительно пригодный для жилья угол – бывшее захристие, использовавшееся до последнего времени как кабинет экстрасенсорного лечения ДОСААФ – в него вселился ксендз. Можно лишь удивляться мужеству этих людей, сознательно выбравших для себя судьбу идущих от прихода к приходу, восстанавливающих костел за костелом, преодолевающих неустроенность быта, равнодушные чиновников, насмешки люмпен-атеистов, безжизненность израненных душ.

Обретя истинного хозяина, костел немного повеселел и постепенно стал сбрасывать с себя, казалось ничем не пробудимую дремоту, совсем уже было принятую за смерть. Прихожане начали наводить порядок внутри и снаружи здания, потом собирались вместе, пили с ксендзом чай и разговаривали – хорошо! Вкопаны столбы освещения, навешены ворота и наняты трое рабочих, готовящие костел к зиме. При их найме ксендз Мартин поставил одно условие:

– Не смотрите на костел как на завод, не думайте о том, что и как унести отсюда домой. Думайте о том, что принести сюда, чтобы дело пошло быстрее.

Один из рабочих – Сергей Федоров – так прикипел к костелу и ксендзу Мартину лично, что на многие годы стал незаменимым в костеле человеком, отдававшим всего себя делу возрождения католического храма. Он обращался к ксендзу «отче» и в этом обращении сквозило то чувство, которое он испытывал к настоятелю костела, и кем в действительности – отцом и другом – стал ксендз Мартин для Сергея Федорова.

«Кооператоры» уходили из костела неохотно. Руководители ДОСААФа, «Олимпа», «Дизайна», «Посредника» все старались оттянуть свой уход из костела, надеясь, что ситуация изменится, что ксендз Мартин – это не серьезно, и они смогут и дальше пребывать на своих насиженных местах.

А ксендз Мартин просил «нажимать». Мы с Сергеем Федоровым нажимали: уговаривали, убеждали, поторапливали. В конце концов, один из «кооператоров» – Дим Димыч – в сердцах сказал:

– Сережа! Ведь ты же русский! Кому ты помогаешь?

Чем больше я общался с католическими священниками, тем сильнее проникался ощущением исключительности этих людей. Наполненные внутренним светом веры, добра и глубокой порядочности, они – свидетельствуя о свете – изливают через Слово Божье этот свет, мягко струящийся золотым сиянием христианства. Помню в детстве, у нас, мальчишек, была такая игра: на лист бумаги насыпалась щепотка дорожной пыли, а снизу под листом водили магнитом. Под воздействием магнитного поля окислы железа, в изобилии содержащиеся в днепродзержинской пыли, принимали правильные очертания, выстраиваясь в некие ряды и узоры. Но стоило убрать магнит, и правильность тут же исчезала, рушился порядок, а на бумаге оставалась лишь серая пыль, таящая в себе верные магниту частицы. Не так ли и священники притягивают души и сердца людей, вырывая их одного за другим, из серости и бессмысленности существования вне Бога и Церкви?

Постепенно вокруг костела начала складываться благожелательная атмосфера. Выяснилось, что хорошие люди и у нас не перевелись, и руководимые ими предприятия и организации, имеющие хотя бы минимальную самостоятельность, оказывали костелу

посильную помощь. Метизный завод выделил гвозди, мебельная фабрика изготовила крест и скамейки, психиатрическая больница провела субботник во дворе костела и кормила костельных рабочих и настоятеля обедами, а проектная организация с абсолютно непроизносимым для отца Мартина названием «Укрремжилпроект» уступила по очень сходной цене 50 кресел.

Настоятель костела, как и подобает главе прихода, вникал во все большие и малые проблемы своей парафии и при необходимости засучивал рукава и занимался физическим трудом наравне с рабочими и прихожанами. Надо! И все же, в первую голову, он лицо духовное.

Как преображается Мартин Янкевич, когда вместо мирской одежды надевает черную сутану, а поверх нее соответствующие одежды и выходит служить воскресную мессу! И пусть он не так ставит ударения, употребляет вперемешку украинские, польские и русские слова, его слушают, затаив дыхание, – он несет Слово Божье, он возрождает духовный костел, он нужен людям. Кажется, он послан сюда Богом, чтобы мы поняли: выход есть, не все так безнадежно. Ведь вот он, из плоти и крови, между нами. Но где-то же он родился, воспитывался, жил, думал, мечтал. Он дышал тем же воздухом, что и мы, но как-то по-иному, наверное, дышал? По-иному думал? По-иному воспитывался?

В костеле появились первые дети. Это были живущие неподалеку неразлучные друзья Димка Савенков и Вовка Шатик. Залетев как-то во двор костела, они были перехвачены ксендзом Мартином, да так и остались. Прибегая сюда каждый день, они не сводили с ксендза Мартина восторженных глаз, который очень быстро стал для них авторитетом номер один. Они стали первыми министрантами (помощниками на службе) и с детской непосредственностью говорили, что после школы, если провалятся на экзаменах в медицинский институт, пойдут в священники.

– Так почему ты хочешь стать священником? – с улыбкой спрашивал ксендз Мартин у Димы Савенкова. – Потому что ксендз не работает на заводе, только все время молится в костеле, да?

– Нет, мы же видим, как вам тяжело и как вы страдаете, – был ответ пацана. Удивительно...

Был ли одинок ксендз Мартин – единственный на то время римско-католический священник во всей огромной Днепропетровской области, прихватывающий в своих пастырских поездках еще и Запорожье, и Кировоград? Не знаю. Но я видел, как расцветает он во время реколлекционных встреч священников, проводимых в Днепродзержинском костеле. Чувствовалось, как бесконечно рад он видеть своих братьев по служению и вере, каким окрыленным, искрометным, радостным становился он, общаясь с теми, кто, как и он, нес сюда Слово Божье.

Во многом отец Мартин оставался для нас непонятым. С трудом подбирая слова, он говорил о странных и, казалось, ненужных вещах, о нравственных категориях и об израненных душах. Нашим же главным приоритетом было восстановление костела.

– Без сомнения, костел можно так отремонтировать и внутри, и снаружи, что он будет выглядеть, как игрушка, – отвечал ксендз Мартин. – Но к чему блеск и красота, если храм пуст? Все это имеет смысл только в том случае, когда костел служит людям, когда в нем царит христианская жизнь.

– Но ведь можно восстановить костел, – говорили мы, – и он сам будет своей красотой и величием привлекать людей?

– Никакие проблемы строительства не могут стоять впереди человека. Костел – это не театр, где каждое воскресенье разыгрывается одна и та же пьеса под названием «Месса», это не клуб и не музей. И в последнюю очередь – это памятник архитектуры. Костел мы должны строить в своих душах. Посмотрите на Запад: сколько прекрасных храмов там пустует, их красота сама по себе не привлекает людей, и костелы закрываются.

Нам было трудно «смотреть на Запад». Из Днепродзержинска Запад просматривался плохо. А еще мы ревновали ксендза Мартина к Днепропетровскому приходу. Нам казалось, что ксендз Мартин – «наш» ксендз, и мы имеем на него больше прав, чем кто-либо. И когда отец Мартин уехал на несколько дней с группой днепропетровских студентов в Карпаты, мы на него просто обиделись.

– Когда же он собирается восстанавливать костел? – шептались между собой наши активисты. – Говорят, он там по Карпатам в шортах ходит, разве он скучает по своему костелу?

А когда через два месяца ксендз Мартин опять повез днепропетровскую молодежь уже в Польшу, в днепродзержинском приходе начал зреть «бунт» против своего настоятеля.

– Он не любит свой костел, – заводили друг друга первые помощники ксендза Мартина.
– Надо позвонить в Харьков ксендзу Юрию.
– Правильно! И просить ксендза Юрия стать нашим настоятелем.
– Как это так! Уехать в Польшу, а нас оставить здесь одних!

В Харьков звонил мой отец. После нескольких неудачных попыток он напал на ксендза Юрия и пригласил нашего любимца приехать в Днепродзержинск отслужить воскресную мессу. Весть о том, что приедет ксендз Юрий, и будут «снимать» ксендза Мартина разлетелась по неокрепшему приходу.

В воскресенье 9 августа 1992 года на мессу пришло около семидесяти человек. Ксендза Юрия встречали у ворот костела, затем провели его по освобожденному первому этажу на второй этаж, где проходили службы.

Ксендз Юрий как всегда с блеском провел мессу, а после нее начал раздавать четки-ружанчики. Всем не хватило, и когда к нему подошла новая прихожанка Валерия Скорик с просьбой дать и ей четки, священник снял ружанчик со своей шеи.

– Это четки моей мамы, – сказал ксендз Юрий, – берите.

Этим прекрасным жестом он навсегда покорила Валерию, которая впоследствии стала одной из самых активных прихожанок костела Святого Николая.

На волне благодарности и умиления к ксендзу Юрию за его приезд, за мессу, за четки для Валерии Скорик нам стало совсем уже себя жалко, и мы начали жаловаться на ксендза Мартина. Основной тон нареканий сводился к тому, что ксендз Мартин недостаточно занимается вверенным ему костелом, и он не имел права уезжать из города, не обеспечив себе замену. И просили ксендза Юрия вернуться в наш приход или, по крайней мере, поговорить с отцом Марином и рассказать ему, как должно поступать католическому священнику.

Ксендз Юрий был явно обескуражен. Он, казалось, не вполне понимал смысл наших претензий.

– Я знаю ксендза Мартина как очень опытного священника, гораздо более опытного, нежели я сам. Я уверен, что все случившееся является недоразумением, корни которого не лежат так явно на поверхности. Вы его еще полюбите, помяните мое слово. Вы еще за ним плакать будете.

Глава 2

Первый спонсор костела

Однажды в инициативную группу по спасению костела обратилась секретарь городского общества охраны памятников Л. Олещенко с информацией, что меня хочет видеть представитель малого бизнеса города, руководитель объединенных малых предприятий «Орион» Таткин Евгений Митрофанович.

Лариса Андреевна, по видимости, переживала, что ничем не может помочь костелу – хроническая бедность общества охраны памятников общеизвестна – а тут сразу директор объединенных малых предприятий! Елена Григорьевна Фесун, заведующая отделом культуры горисполкома, попыталась несколько умерить мой радостный порыв словами, что не очень-то доверяет людям, да еще нарождающимся бизнесменам, готовым вот так бескорыстно финансировать какое-либо дело, тем более восстановление костела. По ее словам, Таткин уже пытался выкупить кинотеатр «Шевченко» за миллион, потом охладел к кинотеатру, а теперь, неизвестно почему, ринулся спасать храм Божий.

Но скептицизм, наверное, в крови у работников культуры, и я так и сказал Елене Григорьевне:

– Для чего ему нас обманывать? Ведь он сам на нас вышел, не мы его просим, а он сам. Понимаете разницу?

– Не понимаю! – сказала Елена Григорьевна, и я пошел на встречу со спонсором, слегка недоумевая и досадуя на верного, казалось бы, сторонника восстановления костела. Наверное, она думает, что этот Таткин отберет у нас какую-то ветвь из пальмы первенства, ведь куда как престижно где-то при случае сказать: «Мы спасли костел! Никому до нас не удавалось, а мы спасли». А тут – какой-то Таткин со своими деньгами, перебивает весь приоритет.

Евгения Митрофановича и всю его фирму я нашел в полуподвале, где в свое время располагался штаб Гражданской обороны. Когда-то здесь размещались картины и макеты ядерного взрыва и факторов его поражения, а также человеческая кисть (мы, пацаны, были уверены – настоящая, только высушенная) с какими-то язвами или экземами, не знаю уже точно. Теперь ничего этого не было, подвал был пылен и девственно пуст, лишь в углу стоял какой-то стол с разваливающимися креслами, которые обычно стоят в залах заседаний, кинотеатрах и других местах скопления скупающих людей.

Евгений Митрофанович оказался крупным мужчиной лет пятидесяти, с большими руками, усталыми, припухлыми глазами и таким же тихим, усталым голосом. Он сказал, что хотя и не имеет прямого отношения к религии, его душа рвется на части, когда он видит разрушенные храмы и, в частности, костел. Нельзя спокойно смотреть, как приходит в упадок наша культура, а такое красивейшее здание используется как склад, военкомат или еще черт знает как. Поэтому он, считая, что деньги – это не все в жизни, приложит все силы, чтобы восстановить костел.

Мне стало неловко за Елену Григорьевну, а еще больше за себя, что под ее влиянием мог усомниться в таком человеке и за то, что все-таки вынужден был его спросить:

– Евгений Митрофанович, ну, а какая ваша заинтересованность, личная выгода в восстановлении костела?

Таткин грустно и как-то чуть осуждающе посмотрел на меня, прошел в свой пустынный кабинет и принес оттуда снимок костела из книги «Описание Днепровского завода» за 1908 год.

– Эта фотография всегда со мной, – просто сказал он, – если мы забудем о душе, о красоте, то, что же мы за люди? Вот и вся выгода. Хотите, я вам ее подарю?

Я был готов провалиться сквозь землю. Передо мной стоял единомышленник, человек, чувствующий, что дальше так жить нельзя, воспринимающий мир не только через призму личной выгоды, а я...

Евгений Митрофанович для начала решил выделить на костел пятьдесят тысяч рублей. Господи, это же столько, сколько пообещал Борисов – руководитель крупнейшего предприятия города. Вот что значит бизнесмен с большой буквы! Прекрасно!

Через некоторое время в неприятный кабинет Таткина я уже вводил ксендзов Виктора и Николая, а также винницкого архитектора Юрия Плясовицу. Таткин курил сигарету за сигаретой, развивал перед нами свои планы относительно костела, расположил к себе архитектора общими воспоминаниями о годах учебы (мир тесен!), растроганно благодарил ксендза Николая за библию с дарственной надписью и решительно подтвердил свое намерение финансировать проектные работы архитекторов и перечислить деньги на счет костела в Жмеринке. Это ли не удача?!

Шло время. То я, то Цеся и Зося Селянские, то ксендз Мартин регулярно навещали или звонили Таткину, который вот-вот должен был перечислить деньги. Перспективы открывались самые радужные, и однажды после заседания в исполкоме, где Таткин в присутствии заведующей отделом культуры, директора городского музея, главного архитектора города в очередной раз подтвердил готовность восстановить костел, я даже чуть пожалел Елену Григорьевну, что она так плохо разбирается в людях.

Вскоре Евгений Митрофанович пришел в костел. И не один, а со своим заместителем, внушительным Анатолием Александровичем. Таткин выглядел приболевшим и постоянно курил. В костеле было холодно и сыро, но слова руководителя объединенных предприятий согревали душу и зажигали в наших сердцах радостный огонь надежды.

– Для начала нужно иметь грамотного специалиста, который возглавил бы ремонтные работы в костеле, – сказал Таткин. – Такого специалиста я вам найду. Винницкие архитекторы – это хорошо, но на месте должен быть свой прораб. Далее. Устраиваем в костеле штаб восстановительных работ, собираемся каждую среду на восемь утра, докладываем о сделанном и намечаем планы на неделю.

Мы, разинув рты, слушали Таткина. Этот бизнесмен сразу брал быка за рога! Сердце холодило от предчувствия удачи: наш костел восстанет из пепла, и вот он, тот человек, который... ах, просто нет слов...

– Что нам надо в первую очередь? – продолжил Евгений Митрофанович.

– Нужны, прошу прощения, леса, – сказал ксендз Мартин.

Таткин вытащил записную книжку, одним махом набросал в ней схему лесов, креплений,

скоб, количество труб, вырвал лист и, передавая его мне, сказал:

- Пойдешь к Борисову, попросишь. Установку беру на себя. Что еще?
- Оцинкованный лист или алюминий на крышу.
- Анатолий Александрович! – обратился бизнесмен к своему заместителю. – Завтра свяжись с авиационным заводом, пусть подготовят алюминиевый лист. Скажешь, для меня.

Анатолий Александрович согласно кивнул. Мы были в шоке. На наших глазах Таткин играючи решал сложнейшие вопросы финансирования, поставок и организации работ.

- Понадобится немало денег, чтобы привести в порядок такую громадину, как костел, – задумчиво рассуждал наш спаситель, – часть выделяем мы, но этого все же недостаточно.
- Недавно здесь были польские предприниматели, – подал я голос. – Они занимаются производством и торговлей швейных товаров и поставками всякого дефицита. Наши бизнесмены их не заинтересовали – слишком несведущи в бизнесе – и они уехали в Польшу. Но у нас есть их координаты...

Евгений Митрофанович укоризненно покачал головой.

- Что ж вы не свели их со мной? Анатолий Александрович, завтра же беги в ОВИР, оформляй визу, поедешь в Польшу. Мы организуем здесь совместное предприятие, а часть прибыли пустим на восстановление костела.

Замдиректора объединенных малых предприятий опять согласно кивнул головой, мы же вошли в состояние транса, воистину этого человека послало нам небо!

- А как же быть с ДОСААФом и «Олимпом»? – заволновались прихожане, видя, что наш бизнесмен может все. – Как их отселить отсюда?

– Анатолий Александрович! – решительно сказал Таткин. – Завтра же, нет, лучше сегодня, иди в Электрические сети, скажешь директору, чтобы изменили схему электроснабжения костела. Мы им отключим свет, а заодно и отопление, и через три дня они сами отсюда убегут!

- Поверьте мне, – проникновенно продолжал Евгений Митрофанович, глядя на наши недоуменные лица, – я знаю эту публику, никакой исполком их отсюда не высылит, а у меня они быстро уберутся.

В тот же день вечером мы с ксендзом Мартином опять встретили заместителя Евгения Митрофановича. В электрических сетях он, пожалуй, еще не был, поскольку выходил на автопилоте из «Рюмочной». Может, он там связывался с авиационным заводом, подумал я. К чести Анатолия Александровича, на ногах он держался весьма твердо. И только громкий мат, вырывавшийся из мощной груди нарождающегося предпринимателя, заставлял предположить, что визу в Польшу он также не оформил.

Несколько дней спустя Таткин сказал, что оплатит проект винницких архитекторов только после проведения экспертизы их работ. Это было странно и походило на банальное нежелание платить. А потом Евгений Митрофанович и вовсе исчез с нашего горизонта.

Цель его действий для меня загадка и поныне.

Глава 3

Месса

Июль, вершина лета. Прозрачное, голубое воскресное утро, обещающее жаркий и знойный день. Солнце просвечивает насквозь улицы и переулки и забирается в самые глухие и укромные уголки. После ослепительного блеска солнечных лучей, костел в первое мгновение кажется внутри почти сумрачным, и непроизвольно вырывается вздох облегчения – как хорошо! – когда, переступив порог, вас обволакивает спасительная прохлада столетнего храма.

Служба в одиннадцать. Но уже разложила ноты и заняла место за органом преподаватель музыкального училища «пани Леночка». Она из той категории сверх добросовестных людей, которые постоянно мучаются при мысли, что что-то получается не так хорошо, как должно бы. Пани Леночка Чечуро неуклонно стремится к совершенству, приходя в отчаяние от невидимых для неискушенного глаза и неслышимых для неискушенного уха недостатков.

Понемногу прихожане заполняют храм. Они входят в зал, опуская пальцы в чашу с освященной водой и крестясь, и склоняют голову в сторону алтаря. Иные и преклоняют колени, а другие безо всяких церемоний тихонько садятся на свободные места. Алтарь – это пока просто стол, покрытый скатертью и убранный цветами, на котором горят две толстые желтые свечи. И все же – это алтарь. Позади него, на все еще разделяющей костел стене из шлакоблока, задрапированной багряной с золотыми разводами тканью, висит распятие – простой деревянный крест, в центре которого прибито распятие поменьше с фигуркой Иисуса Христа.

Рядом с распятием висит изображение Девы Марии и чуть в стороне – икона святого Николая, подаренная костелу настоятелем православного Свято-Николаевского Собора. Слева от распятия, тускло мерцающая полированной поверхностью с желтыми и зелеными псевдокаменьями, вмурована в шлакоблочную стену дарохранительница, и красновато подсвечивается нарисованный на стекле крест, символизирующий евхаристическое присутствие в храме живого Иисуса Христа. Далее, выдавая художника-любителя, располагается яркая буколическая картина, изображающая Христа среди пасущихся ягнят на фоне живописных гор.

В костеле стоит сдержанный шум, складывающийся из приветствий входящих в храм, тихих разговоров, неизбежного покашливания, шарканья ног и приглушенных замечаний мамаш и бабушек готовым расшалиться непоседливым детям. Кто-то из сидящих впереди, кажется пани Янина Шатецкая, начинает по-польски читать розарий. Ее поддерживают другие, но многие сидят в молчании, отрешившись от суматохи повседневности и сосредотачиваясь на своих ощущениях и мыслях, которые текут здесь размеренно, плавно и невесомо, достигая таких высот и проникая в такие глубины, абсолютно недоступные в каком-либо другом месте.

Пришел Сергей Никитин, молодой, высокий, красивый парень, с чуть пробивающимся пушком на подбородке. Он учился в Днепропетровском университете, но с помощью ксендза Мартина с этой осени будет студентом католического университета в Люблине. У Сергея доброжелательное, открытое лицо, чистый взгляд и красивый голос. Во многом благодаря ему и органистке «пани Леночке», а до нее – Эдику Рульковскому, песнопения в костеле обретают все большую стройность и слаженность.

– Слава Иисусу Христу! – говорит он, обращаясь к верующим, приступая к небольшой репетиции песен, которые будут звучать сегодня во время мессы.

В черной сутане, поклонившись алтарю, входит в костел ксендз Мартин. Он останавливается между Сергеем и органом, подпевая своим глубоким баритоном и одновременно слушая зал.

О, Иисусе! Тихий и покорный,
Сердце чистое сотвори во мне, –
недружно звучит католический канон.

– Слава Иисусу Христу! – ещё раз приветствует всех отец Мартин, когда отзвучала последняя нота. И перед тем, как идти в захристие, добавляет с бесподобным мягким юмором:

– Кто не уверен в себе, пусть поет потише, правда?

Рядом с пани Яниной Шатецкой садится статная, привлекательная, хотя уже и немолодая блондинка – пани Валерия Скорик. Она всегда стремится попасть пораньше к мессе, но не получается. Пани Валерия по просьбе отца Мартина живет на половине ксендза. Готовит, убирает, гладит, выполняет бесконечную «невидную» домашнюю работу, кормит рабочих, поит чаем и кофе проходящих к ксендзу людей.

Серебряно звонит колокольчик. Все встают, приветствуя вхождение на мессу ксендза Мартина, облаченного в белую ризу-орнат, расшитую зеленой парчой. Торжественно и мощно вступает орган. Все поют, поет и ксендз, проходя сквозь ряды верующих и занимая место за алтарем. Он вздымает кверху руки и произносит:

– Во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

– Аминь, – отвечают ему прихожане.

– Господь с вами! – продолжает священник закрепленный и отшлифованный веками диалог.

– И с духом твоим!

Служба началась. В храме около ста человек. Старики и молодые. Мужчины, женщины, дети, но больше женщин. Взгляды всех прикованы к настоятелю, а губы повторяют вместе с ним:

– Слава в вышних Богу, а на земле мир людям Его Благоволения...

Опять вступает орган, и Сергей устремленным в высь голосом поет славу Отцу небесному. Что-то дрожит и сжимается внутри, все исчезает, растворяется в звуках, и остается только этот орган и голос, голос и орган. И далекое, неуловимое, неосознанное сожаление, что на службе нельзя аплодировать.

Мессу продолжает Литургия Слова. Сегодня отрывок из Писания читает мальчик-министрант Давид. Он такой симпатичный в белой коже – одежде министранта, с по-детски пухлыми щечками, черными-пречерными волосами и серыми глазами. Читает он громко, с воодушевлением, как говорят, «с выражением» и одновременно очень чинно, сохраняя полную серьезность. Слушать его одно удовольствие.

Светлеют лица, разглаживаются морщины, увлажняются глаза и накатывает волна радости и благодарности к костелу, к тому, что есть еще на земле что-то светлое, и к этому мальчику, что он нашелся, такой вот хорошенький, стоит и громко читает Священное Писание.

Второе чтение читает Казимир Краузе, прихожанин старого поколения, учившийся еще перед войной в католической духовной семинарии. После него, раскрыв Евангелие от Матфея, место за амвоном занимает ксендз Мартин.

— ...вот вышел сеятель сеять, и когда он сеял... — оглашает настоятель древние нестареющие слова, которым внимают в храмах Господних на протяжении почти двух тысяч лет, и которые будут звучать до скончания веков.

Прочитав, ксендз закрывает Евангелие, опускает глаза, как бы внутренне набираясь энергии от Святого Письма, и после минутного раздумья начинает проповедь.

— Конечно, Есос Христос не был агрономом, и притча эта не о сельском хозяйстве, — с мимолетной улыбкой говорит отче, как-то по-гречески называя Христа Есосом. — Жизненные блага — это не только результат нашего труда и использования техники. Хлеб наш насущный дай нам на сей день, говорим мы. Дай нам на сей день! Даже атеист, глядя в звездное небо, с надеждой произносит: Боже, дай дождя! И Бог дает, дает всем, ибо Христос принял смерть за всех, за абсолютно всех людей, — верующих и атеистов, — живших задолго до его Распятия, и нас, сидящих в этом зале, и принял на Себя грехи наши. Но если одним слова Святого Письма, слова священника не доходят до ума, не трогают сердце, и будут они, как то не проросшее зерно из притчи о сеятеле, то для других — это живое Божье Слово. Живое Слово Божие.

Люди не любят показывать свои недостатки, стараются скрыть (правда?) свои проблемы — кому они нужны, кроме нас самих? И все нехорошее, что есть у нас (или пришло к нам) ложится черным слоем на душу, загрязняя ее. Безгрешных людей нет, как нет веры без молитвы и покаяния. Христос нужен всем для искупления грехов и очищения души, только Он один может исцелить нас своей безграничной любовью и наполнить сердца радостью и надеждой. Откройте свои души Господу, подставьте их под очистительный душ Божьего Слова! Не закрывайтесь от Него зонтиками каждодневных забот и ложного чувства стыда или гордыни, не допускающего в тайники души никого, даже Господа нашего Езуса Христуса.

В литургическом зале тепло, торжественно и замечательно тихо. С просветленными лицами, с легкими влюбленными улыбками слушают прихожане своего настоятеля. Да, пусть он не всегда правильно выговаривает слова и не так ставит ударения, все это не важно. Лишь изредка, добавляя тишины в зале, чуть скрипнет под кем-нибудь кресло, либо бесплотно донесется едва уловимый шелест улицы. А может, это очищаются души, и они с сухим потрескиванием освобождаются от накопившейся шелухи и грязи?

— Когда открыли костел, и приехал священник, — продолжает ксендз Мартин, — все прибежали смотреть. Ах, как интересно! Ксендз! А теперь привыкли, костел есть, ксендз тут и никуда не уйдет, и вроде бы можно не ходить в костел или через раз, так? Кто-то говорит: мы не против Иисуса Христа, пусть будет. Но надо вскопать участок, и нет времени прийти в костел, надо поставить на ноги детей, достроить гараж, накопить денег на черный день, а тогда уж и к Христу можно пойти. Эти люди, как то зерно, заглушенное сорняками, они считают себя верующими, но так ли это? Нельзя прийти к Христу, не отдавая Ему всего себя.

Можно выучить катехизис за одну ночь, но станешь ли от этого христианином-католиком? А можно не знать многого, но жизнь свою отдать Богу и быть истинно верующим. Психологический момент. С одной стороны Бог. Он может все. У Бога не остается

бессильным ни одно слово. Христос сказал умершему Лазарю: встань! И труп Лазаря снова стал человеком. Христос сказал волнам: утихните! И буря прекратилась. С другой стороны – человек. Он думает, почему бы Богу не сделать всех нас верующими, раз Он так всемогущ. Раз Он делал такие чудеса, то пусть сделает еще одно чудесо! Но Бог дал человеку свободу выбора, человек должен сам уверовать, в этом будет его радость, блаженство и смысл жизни. Имеющий уши услышит!

В чем заслуга человека, верующего в очевидное? Вот пришел Бог, я Его увидел и – ага! – теперь я в Него верую. Это не вера, дорогие мои, это констатация факта. На свете есть много удивительных примеров и проявлений силы и могущества Сына Божьего. Или чудесных исцелений, которые регистрирует Церковь. Но не обязательно вам уподобляться Фоме, вложившему пальцы в раны Езуса, чтобы только потом сказать: «Верую!». Христос ответил тогда ему: блаженны, то есть, счастливы, не видевшие и уверовавшие. И когда, братья и сестры, слово Божье, брошенное в ваши души, как зерно в добрую землю, взойдет и принесет плод, вы увидите, насколько изменился мир вокруг вас, насколько изменились вы, делая еще один шаг к спасению и жизни вечной через Христа Господа нашего...

– Аминь, – вместе с ксендзом вздыхают прихожане.

Окончена проповедь. Мысли и чувства, вложенные в нее, как и сам непередаваемый аромат ксендзовой речи, еще витают в воздухе, но месса продолжается. Она идет по строго установленному порядку, и в этом порядке есть что-то завораживающее и одновременно непоколебимо надежное, так было и будет всегда: и сегодня, и завтра, и через пятьдесят лет.

А после проповеди обязательно наступит Литургия Евхаристическая – центральный и кульминационный момент католического Богослужения с провозглашением Великой тайны веры. И со сладким и мучительным удовлетворением, ломая свою гордыню или отвечая на стремление своей души, мужчины и женщины, старики, подростки и дети, почти все, кто пришел сюда, встанут на колени и будут молиться или просто слушать слова священника:

– ...это есть Тело, которое за вас предается... это есть чаша крови Моей, нового и вечного завета...

И отвечать:

– Смерть Твою возвещаем, Господи, и воскресение Твое исповедуем...

И все эти сто человек, собравшиеся в храме, будут просить Господа помнить о слуге Его папе Иоанне-Павле Втором, о епископе Яне Ольшанском, всех священниках и всех находящихся здесь, в костеле; об умерших братьях и сестрах и о здоровье маленькой Олеси, которой предстоит тяжелая операция на легких, и о скорейшем восстановлении костела.

А потом обязательно наступит самый любимый и трогательный момент мессы, когда после слов настоятеля:– Мир Господень да будет всегда с вами. Передайте друг другу знак мира...– все с улыбками пожимают друг другу руки, и ксендз Мартин сойдет к прихожанам, и вокруг будет столько доброжелательных лиц и сияющих глаз, и пан Роман осторожно протянет мне руки, и мои ладони утонут в его ручищах и, улыбаясь, мы произнесем: мир вам!

– Мир вам! – пожелают друг другу незнакомые и близкие люди, и немного больше мира, сердечности и теплоты станет вокруг нас.

– Мир вам!

А после начнется обряд Причастия, и орган наполнит костел проникающими под кожу божественными звуками Баха. Возникает ощущение сопричастности высшим тайнам и отрешенности от людской суеты. Начинаешь верить, верить сердцем, а не разумом, когда, остановившись в сутолоке дня, задумаешься о бесконечном.

Звучит Бах. Душа отрывается от тела.

Ксендз Мартин вновь заходит за амвон, приступая к объявлениям.

– Ко мне обращаются люди с просьбой освятить землю из могил усопших родственников или, как говорят, запечатать гроб. Вот и сегодня две женщины обратились. Я не отказываю это делать, но должен прямо вам сказать, это не есть таинство. Если человек, считающий себя католиком, годами, роками не ходил в костел, не исповедовался, не причащался, а потом умер, и вы просите запечатать гроб – думаете, вы за него откупите грехи и все, он уже в раю? Почему не обратились ко мне, пока он был жив? Говорите: он старик, он болен, он не мог прийти в костел? Но ксендз еще здоров, слава Богу. Я могу прийти домой, почему не приглашаете? Или боитесь, если к больному или старику пришел ксендз, значит все – нужно умирать? Нет, елеопомазание не означает смерть, оно может дать отпущение грехов без исповеди и даже сотворить чудо исцеления. Но если человек умрет без исповеди, без священника, что делать? Только и остается, что запечатывать гроб.

– По пятницам в костеле уборка. Благодарение Богу – спасибо – всем, кто приходит и помогает, приглашаем также и тех, кто еще не приходил.

– Сегодня на службе не было мальчиков-министрантов. Это не страйк. Они находятся под Жмеринкой в детском католическом лагере «Оазис». «Оазис» – это подарок епископа и нашей епархии нашим детям. В лагере прекрасные условия для жизни, отдыха и интенсивного католического обучения, все это бескоштовно, бесплатно, за исключением билета на проезд.

– Сегодня я вижу много новых лиц. Если кто-то хочет поговорить со священником, я стану у выхода и ко мне можно подойти. Конечно, все могут поговорить со мной – и те, кто давно ходит в костел, никакой дискриминации тут нет.

Настоятель выдерживает паузу, переходит к алтарю и, как в начале святой мессы, воздев руки горе, начинает завершающий диалог с паствой:

– Господь с вами!

– И с духом твоим.

– Да благословит вас Господь Бог всемогущий – Отец, Сын и Святой Дух!

– Аминь.

– Идите с миром, служба свершилась.

Глава 4

Свидетели преступления

12 декабря 1929 года – в день закрытия костела Святого Николая в Каменском – завершился первый период преступления, которому суждено будет продолжаться более шести-

десяти лет. Красавец-костел, равного которому не было на огромной территории в десятки тысяч квадратных километров, начали методично и безжалостно уничтожать и унижать. Казалось бы, кто сейчас вспомнит о преступлении шестидесятилетней давности, кто скажет, что происходило тогда?

Вначале в костеле устроили клуб с танцами и сбросили кресты с башен. Людская молва утверждает, что человек, сделавший это, через три дня погиб в заводе. Как говорится, несчастный случай. Потом сняли и куда-то увезли прекрасную люстру. В начале войны в подвалы костела со всего города свозили детекторные приемники. Власти не могли допустить, чтобы днепродзержинцы узнали правду на фронтах и поддались панике. А из самого костела, превращенного в сборный пункт военкомата, уходили на фронт солдаты – защищать Родину. Во время оккупации эстафету унижения костела приняли фашисты, разместившие в костеле штаб понтонщиков с полевой кухней и лошадьми. Потом вернулись наши и стали добивать костел.

В 1948 году внутри костела, переоборудуемого под призывный пункт военкомата, сооружается второй этаж, а снаружи к бывшему храму пристраивается трехэтажное сооружение с лестничными маршами для захода в зал костела на втором этаже и в кинематографическую будку на третьем этаже. В костел переселился лекторий общества «Знание», а чуть позже и университет марксизма-ленинизма (!). Все это открыто и цинично – а кого бояться, не Бога же! – преподносили как «Знания – в маси!». Костельный орган просто разнесли в щепки, и долго еще трубы органа находили пацаны, рыскающие вокруг костела.

Далее в костеле появился склад фирмы «Мебель», мастерские художественного фонда, морская школа ДОСААФ, кооперативы и спортивно-технические секции того же ДОСААФ. Кажется, никого не забыли? Ах, да, еще планетарий...

Но нет ничего тайного, что не стало бы явным. И спустя много лет нашлись люди, помнящие события, скрытые шестидесятилетней толщей времени.

Владислава Казимировна Космальская (1910 г.р.)

- В 1925 году я училась в школе католического приюта. В один из вечеров к ксендзу Константину Томашевскому пришел какой-то мужчина и сообщил священнику, что на него написан донос и ночью за ним придут с арестом. Ксендз Томашевский, не медля, не взяв ничего из вещей, уехал из Каменского, предупредив свою экономку, чтобы та не появлялась в костеле. Пришедшие ночью чекисты остались ни с чем.

Анна Войцеховна Крживицкая (1912 г.р.)

– Наша мама, Анеля Крживицкая, была кухаркой у главного инженера завода Матея Погоржельского. Когда началась революция, все начальство завода и польские дворяне-шляхтичи стремились уехать в Польшу. Погоржельский был моим крестным отцом, перед отъездом он подарил мне огромную куклу, я ее до сих пор помню, а маме – золотой кулон с бриллиантом. Мы так плакали, когда они уезжали. Кресты на костеле снимал Чурлей, из поляков, он жил на Украинской улице. Было холодно, но пришло много людей, в основном женщины. Во двор костела нас не пустили. Чурлей по лестнице долез до креста и начал его срезать автогеном, был такой страшный огонь, что все крестились и плакали. А когда крест полетел вниз – по толпе вздох пронесся, так было страшно. В тридцатые годы в Днепродзержинск пришло письмо от ксендза Якова Розенбаха откуда-то с Севера. Он там сидел в лагере и работал на звероферме, ухаживал за пушными зверями. Писал, что людей держат впроголодь, и очень холодно.

Янина Францевна Шатецкая (1920 г.р.)

– В наш дом приходили синемблужники, приносили бумаги на подпись о закрытии костела. Моя мама сказала: «Я костел не открывала, и я его закрывать не буду, поэтому ничего не подпишу».

Алексей Иванович Шелков (1922 г.р.)

– К крестам привязали длинные веревки, и когда один человек резал автогенем крест, другие снизу тянули его, чтобы крест не упал на крышу и не пробил ее. Крест упал около башни у входа в костел, он был такой тяжелый, что прямо встрял в землю и высек искры при падении.

Елена Войцеховна Барановская (1917 г.р.)

– Помню, сидим мы с мамой на мессе в костеле, а там такие были сиденья скользкие, отполированные, и я любила по ним ерзать. Мама ущипнула меня и говорит: «Гелька, не езди! Ты в костеле!» После Первого Причастия мы получили от ксендза Розенбаха по стакану молока и бублику, ведь Первое Причастие нужно принимать на голодный желудок. Красиво пел костельный хор! В нем пели Ада Гуралевич, Стефка Кшиводемска, сестры Люся и Маня Волковские. Я училась в польской школе – бывшем костельном приюте, его тогда уже отобрали у костела. И наш учитель Разумовский заставлял детей подписываться за закрытие костела, а я отказалась. Разумовский вызвал маму в школу, а та сказала ему, что я правильно сделала, что не подписалась, ведь я же хожу в костел! Я сама не помню, но мама мне говорила, как после революции из Каменского уезжали поляки. Лучшие люди уезжали: инженер Погоржельский, врач Пухальский... А Заборовский – застрелился, не успел уехать, он работал каким-то начальником на фабрике, и его хотели арестовать. А еще помню, в костеле были активные прихожане – муж и жена Пацановские. Она была хорошей художницей и расписала стены в костеле, когда ксендз Розенбах делал последний ремонт. Ее позже репрессировали, но потом отпустили. А ее муж на Рождество, когда уже запрещали власти зажигать много света, взял и устроил в костеле настоящую иллюминацию. Пацановский работал электриком и на Святой Вечер подключил в костеле большую люстру и все лампы. И всю Рождественскую ночь костел светился огнями. Пацановского арестовали, и он больше не вернулся. В конце тридцатых годов власти уничтожили и наше кладбище и разбили на его месте городской парк. У меня там сестра Ядвига похоронена, тетя Барбара и другие родственники. Людям даже не дали перезахоронить своих близких. Красивое было кладбище, с памятниками, крестами, скульптурами. Приехали бульдозеры, все вывернули, разровняли, погрузили в самосвалы. Потом уже и не поймешь: где кто лежал...

Генрих Александрович Кушковский (1901 г.р.)

– Как снимали кресты, я не видел: пришел на другой день к костелу, крестов нет, только лестница лежит на крыше. Всех, кто снимал кресты, потом тоже арестовали и отправили в Сибирь. Девушек, которые пели в костельном хоре, многих репрессировали. Когда закрыли костел, привели туда моего брата, к алтарю Иисуса Христа, где он в гробу лежал, и говорят:

- Корnij noga,! Корnij noga,!

Он ударил, послушался, и у него отнялись ноги. Танцевали потом в костеле. Открыли польский клуб, устраивали танцы и танцевали. А кое-кто из тех, кто танцевал, сейчас опять ходят в костел молиться. Когда окончательно закрыли костел, комсомольцы наряжались в одежды священников, изъятые в костеле, и с гиканьем прыгали и скакали в них на первомайских демонстрациях, изображая из себя невесть что. Я им руки до сих пор не подаю.

* Ударь ногой! Ударь ногой! (польск.)

Владимир Казимирович Рульковский (1918 г.р.)

– Когда с башен костела сбили кресты, они, падая вниз, высекали страшный огонь, на что люди смотрели с ужасом. Через некоторое время на башнях вместо крестов установили красные звезды, как надругательство над религией, костелом и людьми. В польском клубе, устроенном в костеле, проходили представления, открыли любительский театр, библиотеку и кино. Потом было уничтожено Заводское кладбище. Там был похоронен мой отец, его могила находилась рядом с могилой сына Ясюковича – Павликом. На этом месте установили «чертово колесо».

Казимира Павловна Товкевич (1902 г.р.)

– Как-то перед войной во Дворец культуры металлургов привезли большой кованый сундук, набитый чашами, тарелками, блестящими блюдами, кубками, принадлежавшими когда-то костелу. И эти ценные, а может и уникальные, вещи раздавались в качестве призов победителям спортивных соревнований, проводившихся в спортивном клубе «Металлург». Когда город оказался под угрозой оккупации, сундук со всем содержимым закопали в землю. Чтоб не достался врагу! А после освобождения его опять откопали, и при возобновлении спортивной жизни чаши и кубки вновь начали вручать чемпионам. А когда «призы» кончились, куда-то исчез и сундук. Немного позже в тот же Дворец культуры металлургов, уже в театральную студию, были переданы вперемешку церковные – католические и православные – одежды, которые использовались в качестве театрального реквизита.

.....

В 1936 году, когда Каменское был переименован в Днепродзержинск, последователи «железного Феликса» устроили в городе Дзержинского-на-Днепре чудовищную резню. Арестовывали, предъявляли нелепые обвинения, и человек исчезал. Навсегда...

Быть поляком в Днепродзержинске представляло особую опасность. Любому из них в любой момент можно было предъявить обвинение в шпионаже в пользу «буржуазной Польши». Но и этого казалось мало днепродзержинским чекистам с холодной головой. В 1938 году ими было сфабриковано громкое дело, которое они же и успешно «разоблачили». Речь идет о процессе над «членами» днепродзержинской «Польской организации войсковой», большинство из которых получили приговор «по первой категории». Другими словами – расстрел. Конечно, этот процесс нельзя назвать антирелигиозным, но с другой стороны все осужденные имели ярко выраженные католические корни. А сколько их еще прошло по другим процессам!

Елена Войцеховна Барановская

– Когда началась война, и немцы заняли Днепродзержинск, они разрешили католикам открыть каплицу в доме пани Стефанкевич по улице Красноармейской 30-9. В доме было две комнаты и кухня. Устройством каплицы занималась Теофилия Кузнецова, Аделя Сенковская и другие. В каплицу перенесли фигуры святых из церкви, распятие, иконы, соорудили алтарь и зажигали на нем свечи. Сюда по большим праздникам даже приходил немецкий ксендз, но тайно. Он не знал ни польского, ни русского языка, поэтому не исповедовал, а только служил литургию.

Казимира Михайловна Колодейченко (1905 г.р.)

– Мы приехали в 1915 году в Екатеринослав из Львова, как беженцы. Часто бывали в Каменском. Ваш костел был внутри очень красивый, но в Екатеринославском костеле орган был гораздо больше вашего – трехклавиатурный. Как заиграет на всю мощь – стены, казалось, лопнут. Я сама была такая активная, непоседа, ни секунды не сидела на месте, кра-

сивая! Я и сейчас, слава Богу, ничего, правда? Только зубов нет, и губы позападали. Я пела! Могла «Аве Мария» Шуберта вытянуть, сейчас уже не то, конечно, но голос еще есть. Меня все ксендзы и прихожане уважали, я всю себя отдавала костелу. В 1932-ом году меня полтора месяца держали в Днепропетровском НКВД, все о костеле выпытывали – как и что. Но увидели, что я такая стойкая, и отпустили. Я им сказала тогда: Бог у меня в сердце и оттуда Его никто не вырвет! В Днепропетровске костел тоже закрыли. В войну, правда, его опять открыли, в городе стояли итальянские части, и службу вел итальянский капеллан. А у вас сделали каплицу во флигеле у Стефанкевичевой. Дверь откроешь – и алтарь был виден. Сюда приезжал ксендз Юзеф Кучинский, и к нам в Днепропетровск тоже приезжал. А 10 января 1945 года его арестовали у вас в каплице и отправили в Казахстан на десять лет. Он отслужил мессу в Днепропетровске, а потом поехал в Днепро-дзержинск и 10 января крестил, и его арестовали за то, что детям не исполнилось восемнадцать лет. Когда умерли Стефанкевичева и Кузнецова, племянница Кузнецовой раздала верующим книги, иконы, подсвечники. И все. Уже и священник не приезжал, некуда было. А я дожила вот до восьмидесяти восьми лет, и Бог дал мне счастье опять ходить в костел и принимать Святое Причастие. Знаете, как я была благодарна ксендзу Мартину, он меня вылечил! У меня воспалился седалищный нерв, я ходить не могла, такие боли. Уже думала, умру. И ксендз Мартин дал мне елеопомазание, как перед смертью, а сам молился за меня и на службах всегда просил Бога о моем здоровье. И я выздоровела! Я говорю ему: спасибо Вам, Отче! А он: это не меня, это Господа нужно благодарить. А я ему: конечно, Его, но и вам спасибо. Я уже в конце жизни, а вот еще раз убедилась: что-то есть такое! Слава Богу!

Историческая справка:

Падре Леони Пьетро Ангелевич. Родился в 1909 году в Италии. Окончил духовную семинарию. В 1927 принял монашеский постриг. В 1931-1940 годах учился в Григорианском университете в Риме. В 1939 посвящен в сан католического священника восточного обряда. В 1940 году назначен капелланом военного госпиталя. В июне 1941 года с итальянской армией вошел в Грецию, в августе 1941-го – в СССР. В период оккупации служил в костеле Святого Иосифа в Днепропетровске. В мае 1943 года с итальянской армией покинул СССР. В конце того же 1943 года падре Ангелевич направлен Ватиканом служить в Одесский костел. 29 апреля 1945 года арестован в Одессе. 12 ноября 1945 года по Постановлению Коллегии МГБ приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Отправлен в Темниковский лагерь. 15 июня 1947 года арестован в лагере, 29 августа 1947-го приговорен к 25 годам каторжных работ и переведен в Дубровлаг. 25 апреля 1955 года освобожден досрочно и 17 мая передан в Вене представителям МИДа Италии. 26 июля 1995 года падре Леони Пьетро Ангелевич умер в Монреале.

ДНЕПРОДЗЕРЖИНСКАЯ МАТЬ ТЕРЕЗА

Несомненно, эта женщина совершила жизненный подвиг. В обществе воинствующего атеизма, она на протяжении более двадцати лет удерживала дом молитвы и объединяла католиков Днепродзержинска.

Теофилия Дионисьевна Кузнецова появилась в Каменском в тридцатые годы ушедшего столетия, приехав сюда со своим мужем. Все так ее и звали – пани Кузнецова. Бездетное семейство поселилось на Славянской улице. Во время разгула репрессий муж пани Кузнецовой, опасаясь ареста, покинул жену и город, и больше его не видели.

В годы оккупации немецкие власти разрешили открыть в Каменском православную церковь, баптистский дом молитвы, а также католическую каплицу. Сюда перенесли распя-

тие, скульптуры, иконы, находящиеся до того времени в подвалах церкви, а также на руках у верующих, соорудили алтарь, и начали собираться католики. Несколько раз приходил даже немецкий священник, но, как было сказано выше, он не знал ни польского, ни русского языка, поэтому не исповедовал, а лишь служил Литургию.

С момента открытия каплички пани Кузнецова принимала в ее жизни самое активное участие. По воспоминаниям очевидцев это была маленькая, худенькая, очень быстрая в движениях женщина, которая «все делала бегом». Всегда чисто одетая, в белой блузке и белой косынке, отзывчивая и бескорыстная, она, казалось, излучала доброту и сострадание к людям. Кроме того, Теофилия Кузнецова была очень мужественным человеком, черпавшей свою отвагу в глубокой и чистой вере.

В 1946 году была официально зарегистрирована днепродзержинская римско-католическая община, и в течение шести лет люди собирались в капличке без священника. В 1952 году уполномоченному по делам религий в Днепропетровске тов. Вильховому было направлено письмо за подписью Кузнецовой, Сенковской и Майкова, в котором верующие просили разрешения на посещение каплички в Днепродзержинске ксендза из города Полонное Хмельницкой области. Однако тов. Вильховой ответил отказом, мотивируя его тем, что, во-первых, коль шесть лет верующие обходились без ксендза, то и дальше обойдутся, а во-вторых, община зарегистрирована без ксендза и молитвенного здания, поэтому ни о каком посещении священником каплички не может быть и речи. В 1953 году власти все же разрешили ксендзу Броницкому из Одессы посещать днепродзержинскую капличку два раза в год, но в мае 1955 года, когда по приглашению костельного совета ксендз должен был пробыть в Днепродзержинске десять дней, местный исполком возражал. Не нужен нашим людям ксендз...

В 1957 году днепродзержинский костельный совет в составе Романишиной (председатель), Кузнецовой, Ковальского, Левицкой, Малишевского направил в Совет по делам религий и культов (или как наивно адресовали католики – «В Московский Духовный Архив») письмо. В нем содержалось прошение вернуть верующим костел, поскольку двухкомнатная капличка по Красноармейской, 30 слишком тесна для большого количества прихожан. Однако председатель днепродзержинского горисполкома Смирнов, кому было поручено разобраться с письмом, отказал верующим на том основании, что государство уже слишком много средств вложило в возведение в 1948 году второго этажа и пристройки к костелу. И католики продолжали собираться в часовне, душой которой, была Теофилия Кузнецова. Она следила за порядком, вела книги и держала связь со священниками из Одессы и западной Украины.

В начале 60-х годов умерла владелица флигеля пани Стефанкевич, и у католиков не хватило средств, чтобы выкупить капличку. К тому времени власти уже вторично закрыли православную церковь. Смерть пани Стефанкевич явилась прекрасным поводом, чтобы разогнать и католическую общину. Из райисполкома немедленно прислали машину, которую начали загружать католическими реликвиями. Все делалось в спешке и с ожесточенным злорадством. За какой-то час богатая капличка превратилась в ничто. При погрузке статуи швырялись через борт грузовика, большое распятие никак не помещалось, и фигуру Христа стали отдирать от креста. При этом Христу перебили голени и оторвали голову – на такое не решились даже римские легионеры, распявшие Иисуса! И все...

Теофилия Кузнецова попыталась сделать капличку у себя дома, перенесла часть икон, статуэток, соорудила маленький алтарь, но ее крошечная квартирка не могла служить для культовых целей. Хотя по возрасту пани Кузнецова находилась на пенсии, она оставалась такой же активной, как и в молодые годы, являясь духовным лидером разрозненных като-

ликов Днепродзержинска. Время от времени она продолжала ездить в Одессу, где встречалась со священниками. Поскольку условия в Днепродзержинске были таковы, что о посещении города ксендзами не могло быть и речи, Кузнецова получила в Одессе разрешение совершать самостоятельно некоторые церковные обряды, в том числе крещения. Кузнецову приглашали в католические семьи для совершения обрядов, молитв, пения псалмов.

В 1965 году умерла Ольга Гриневич, сестра некогда знаменитого садовника Карла Ципля. На ее похороны собралось множество людей, почти все католики. И похороны Ольги Богумиловны Гриневич стали символическим траурным акордом по возрожденной, но не признанной днепродзержинской римско-католической общине Святого Николая.

Последние годы жизни пани Кузнецова переписывала из книг псалмы и молитвы и передавала их верующим-католикам. В начале 80-х годов пани Кузнецова заболела раком. У нее открылся незаживающий свищ на груди. И уже за нею ухаживали соседи Рульковские. Теофилия Дионисьевна Кузнецова умерла на 92-ом году жизни в 1981 году, не дождавшись первой мессы под стенами костела, произошедшей 30 ноября 1991 года.

Глава 5

Епископ

Загадочно красив костел вечерней порой. Таинственным средневековым замком кажется он попавшему за его ограду. Громада здания надвигается из темноты, нависает своими башнями и крестом между ними, приковывает взгляд огромными готическими стрельчатыми окнами и узкими окнами-бойницами, башенкой-сигнатуркой и дверью, ведущей в подвалы-подземелья. Белесый свет фонарей, отодвигая на несколько шагов ночь, вырывает из мрака отдельные части здания, накладывая на них резкие тени, и даже человеку, начисто лишенному воображения, может почудиться, будто за этими стенами что-то происходит.

Безусловно, костел очень хорош и днем, но вечером от него исходит что-то магическое. И к тому же в темноте не так видны все эти мерзости и безобразия, которые сотворила с костелом Советская власть, и он кажется таким же, каким был почти век назад.

И все же католическая церковь возвращается к жизни – может быть более в духовном плане, нежели физическом. Поручкой возвращения к жизни днепродзержинского костела было восстановление в 1991 году института католического епископства в Украине. Епископом-ординарием Каменец-Подольской диоцезии (епархии), которой принадлежит и Днепродзержинск, стал ксендз-епископ Ян Ольшанский, личность легендарная в католических кругах Украины.

По воспоминаниям ксендза Мартина, осенью 1991 года епископ Ян Ольшанский на встрече со священниками сказал приблизительно следующее:

– Понемногу организуется наша диоцезия, есть свобода. Каждый из вас имеет здесь парфию, а тем временем на востоке люди ждут. Есть сигналы, что там тоже есть католики, когда-то там были костелы. Во всей Днепропетровской области нет ни одного священника. Условия там исключительно трудные.

Добавил еще, что просит украинских священников подумать: не принять ли предложение и поехать на восток, а ксендзы из Польши пусть пока подождут. Окончилось все тем, что поскольку священника-украинца для Днепродзержинска не оказалось, им стал поляк, ксендз Мартин Янкевич.

Мартин Янкевич, священник люблинской епархии, издавна чувствовал в себе «восточное» призвание. Все, что происходило на востоке, в краях, связанных с историей Польши, будило в нем амбициозные чувства. С одной стороны, соединяющая всех поляков проза Сенкевича, какая-то тоска за этими просторами, степями и дубравами. А с другой стороны – страх перед неведомым. И потрясение перед тем, что в действительности происходило на востоке.

Будучи еще министрантом в люблинском костеле, он как-то услышал от одного из викариев:

– Поступай, Мартин, в семинарию. Когда в России произойдут перемены, и она откроется для миссионеров, то знаешь, сколько понадобится там священников?

Подумалось тогда Мартину – эх, да когда та Россия откроется? – однако то был первый шаг в восточном направлении будущего священника-миссионера. А еще были воспоминания его матери о бегстве семьи от большевиков. И это также стало парадоксальным элементом восточного призвания ксендза Мартина Янкевича. И, в конце концов, он оказался в селе Писаревка на Волыни, но это был еще далеко не восток. В окрестностях Писаревки жило много поляков. И было необычайным то, что они сохранили в себе больше национального самосознания, чем подчас поляки, живущие вблизи Варшавы. И для ксендза Мартина их человечность и доброта были компенсацией за страшный примитивизм жизни, который он делил вместе со своими прихожанами. Жизнь без перспективы. Денег нет, поскольку в колхозе платили зерном. Уехать нельзя, поскольку не выдавали паспортов.

Но люди сберегли человечность и веру. В Днепродзержинске ксендза Мартина встретил разрушенный костел и несколько десятков человек, робко ищущих выход из тупика. Идя навстречу пожеланиям людей, ксендз Мартин начал служить мессы и на польском языке, для тех, кто пронес через годы любовь к далекой Родине.

Но костел – это не «польская церковь», а вселенская, открытая для всех, и ксендз Мартин не уставал это повторять. И сюда потянулись люди разных национальностей. Но как сложен переход от неверия к вере! Он может продолжаться всю жизнь, но так и не произойти. Люди приходят в церковь, но так и не доходят до Бога. Ремонт костела оказался делом несравненно более простым по отношению к «ремонту» человеческих душ.

– Спор атеиста и верующего есть ли Бог на небе, может окончательно разрешить лишь смерть. Сотни лет ведется этот ожесточенный спор, и ни одна из сторон не представила решающего аргумента своей правоты, – говорил я ксендзу Мартину, когда у нас выдалась свободная минутка для души.

– Но посмотрите, пан Саша, насколько оптимистичнее позиция верующего. И я стараюсь вносить в души людей такой оптимизм. Во мне нет чувства триумфализма, что я католический священник. Я стараюсь спокойно и взвешенно относиться к своему положению. Что меня по-настоящему вдохновляет – это универсальность Католической Церкви и ее двойная природа: с одной стороны, земная организация, с другой – божественное начало. В этом ее сила и непоколебимость в веках.

Ксендз Мартин помолчал немного и добавил:

– Как много для меня значит существование епископа! То, что надо мной есть еще кто-то, облеченный ответственностью и доверием. Я чувствую себя гораздо увереннее, если знаю, что есть инстанция, в которую я могу обратиться за советом и поддержкой в трудную минуту. А что касается спора с атеистом, я не вижу здесь предмета спора. Для меня Христос так же реален, как и вы, сидящий передо мною.

В середине октября 1992 года епископ Ян Ольшанский впервые посетил костел в Днепро-дзержинске. Он приехал с нашим старым знакомым – ксендзом Виктором Ткачом. 17 октября епископ вместе с ксендзами Мартином, Виктором и Ярославом Гижицким уехали в Днепропетровск, а прихожанки костела Святого Николая Янина Шатецкая, Лидия Фролова, Зося и Цеся Селянские весь день готовили костел к воскресной мессе.

В воскресенье уже к десяти часам утра в костеле собралось довольно много людей. Епископ и ксендз Виктор исповедовали. К одиннадцати зал был полностью заполнен, люди стояли вдоль стен и в проходах. Пришел православный священник отец Иван. Мессу служил епископ Ян Ольшанский в сопровождении ксендзов Виктора и Мартина. Проповедь епископа была посвящена возрождению костела и католической веры, а после мессы епископ беседовал с прихожанами.

На следующий день епископ встречался с председателем днепродзержинского горисполкома Сергеем Шершневым. Мы не спеша шли на встречу через городской парк и вид епископа в окружении двоих ксендзов – все в черных сутанах – представлял внушительное зрелище. Прохожие уступали священникам дорогу, а в исполкоме – просто вжимались в стену, чтобы дать им возможность беспрепятственно идти по коридору.

Встреча с председателем горисполкома не получилась. Сергей Александрович Шершнев явно не знал, о чем можно поговорить с католическим епископом, и поэтому поинтересовался погодой в Каменец-Подольском, дорогой в Днепродзержинск и здоровьем епископа. Под конец аудиенции, когда беседа безнадежно застряла на бездорожье взаимных заверений в уважении, С. Шершнев спросил, есть ли у нас к нему просьбы.

– Есть, пан председатель, – сказал отец Мартин. – Картингисты спилили ночью замок с ворот костела и включают двигатели во время мессы. И все время ходят пьяные, прощу прощения.

– Непорядок! – Нахмурил брови Шершнев. – Замок мы вам вернем, а картингистам объясним правила поведения в святом месте.

Разговор и вовсе начал принимать комический оттенок.

В тот же день епископ Ян Ольшанский, попрощавшись с прихожанами, выехал из Днепродзержинска, оставив в костеле Святого Николая заряд оптимизма, долженствующий поддерживать движение вперед. Ксендз Мартин, все более осваиваясь на месте, начал поднимать паруса над костелом. Он брал удивительным обаянием, интеллигентностью, умением найти нужный тон и нужные слова. И тем, что ксендз Мартин был не такой, как все.

Костел получил от своего прародителя – металлургического комбината огромную поддержку: трубы, батареи отопления, оцинкованный лист, кирпич, стальной уголок, доски; комбинат помог вывезти со двора костела залежи мусора и установил телефон. На территории бывшего Каменского «Общества потребителей» был найден исторический желтый кирпич, из которого построена практически вся Верхняя колония, в том числе и костел.

Удалось вывезти две тысячи штук этого кирпича для реставрации костела. Из Хмельницка приехал кровельщик, которого ксендз Мартин смешно называл «пан Володька». С помощью прихожан пан Володька приступил к покрытию оцинкованной крыши дома, где впоследствии стал жить ксендз. В этом помещении – бывшем доме органиста – малое предприятие «Олимп» до последнего времени клепало необходимую народу сантехнику под унитазы.

Благодаря усилиям актера театра Виктора Георгиева община получила электроорган; завезены из Днепропетровска 17 тонн труб для установки лесов, и рабочий костела Максим Ломакин начал собирать их первую секцию.

Из Хмельницкой области в контейнере прибыли 14 гипсовых горельефов – Крестный путь Христа; его взялся расписывать днепродзержинский художник Сергей Лаушкин. А из Винницы поступил очередной том архитектурского проекта реставрации костела.

Но не обошлось и без полных провалов. Одно из крупнейших предприятий города «Азот», которое в условиях промышленного кризиса постепенно шло ко дну, отказалось от обещанной помощи костелу. В нашем письме на имя генерального директора «Азота» было пропущено слово «безвозмездно», что послужило формальным поводом для отказа в помощи в целом.

– Я от своих прежних слов не отрекаюсь, – говорил нам директор «Азота» А. Левченко, – в будущем мы поможем костелу. Но сейчас костел – это не та первоочередная задача, над которой надо работать. Самое главное сейчас – спасти коллектив и предприятие. И вообще, не лучшее время вы выбрали для восстановления костела.

Директор был прав: необходимо спасти коллективы и предприятия, но и ксендз был прав: необходимо спасать человеческие души. И не мы выбираем время, а время выбирает нас.

Ксендз Мартин поехал за помощью в Австрию – миссия удалась. А в Днепродзержинск уже собирались сестры-монахини из Ордена Пресвятой Семьи из Назарета.

И за всеми этими принципиальными и определяющими событиями в жизни днепродзержинской римско-католической общины стояла где-то фигура епископа-ординария.

Внешним видом днепродзержинский монастырь никак не напоминал величественные строения своих западных собратьев. Да и сам орден сестер-назаретанок не так знаменит, как известные всему миру бенедиктинский, францисканский, иезуитский или кармелитский ордены. Впрочем, для самих сестер это обстоятельство не имеет никакого значения. Орден является для сестер родным, любимым и единственным домом, а что может быть лучше?

В днепродзержинском монастыре их трое: сестра Нина, сестра Самуэла и сестра Мари-Стелла. Иногда их можно было увидеть в городе или на рынке. Одетые в черные одежды ордена, в черных головных уборах-хабитах с белой окантовкой, они привлекали внимание горожан, как, возможно, привлекали бы внимание инопланетяне, высадившиеся где-нибудь на проспекте Пелина: и поглазеть охота, и престиж землян не подорвать бы перед пришельцами – что мы, инопланетян не видели, что ли?

Да, кажется, они и в самом деле прибыли к нам с планеты Добра, Любви и Милосердия – столько в них непонятной, необычной, не нашей душевности и дружелюбия, столько в их глазах сердечности, теплоты и участия, а они сами – как чаша, до края наполненная добротой, терпимостью и любовью к людям. Наверное, нам никогда до конца не понять, по-

чему они приехали к нам, на наши руины, оставив родину – уже сытую, благополучную, культурную Польшу, и вообще, как и почему люди становятся монахами?

А они меряют жизнь другим аршином. А они видят такой свет, какой нам и не пригрезится. А у них в жизни есть такая радость, которая нам не по плечу.

– Может быть, это непонятно здесь, – говорит сестра Нина, – но в Польше, где в семьях очень сильно религиозное и духовное воспитание, никого не удивляет, что сын или дочь решили посвятить себя Богу. Если у человека такое призвание, зачем ему мешать?

– Мы не рекламируем собственной деятельности, – продолжает монахиня, улыбаясь неизменно ясной улыбкой, – и у нас не принято много говорить о себе и давать интервью, люди сами все видят.

Да, это так, люди все видят. Поэтому приходят сюда и приводят своих детей, чтобы спасти их от бездуховности окружающей жизни. И сестры занимаются с детьми и утешают взрослых, они молятся за нас, толкающихся и орущих в трамваях и очередях и зная не знающих ни о каких монахинях. Они отпевают умерших и поздравляют венчающихся в костеле. Одно их присутствие на мессе делает богослужение более возвышенным и торжественным. Они вместе с ксендзом Мартином ездят в Днепропетровск к больным детям, и заведующий отделением эндоскопии детской больницы, поражаясь этим людям, написал письмо Президенту Украины с просьбой вернуть, в конце концов, днепропетровским католикам их костел.

– Что есть для вас вера? Кем является для вас Христос? – спросил я сестру-назаретанку.

Вопрос, наверное, не из самых умных по отношению к монахине, но не дающий покоя и волнующий меня самого.

– О! – ответила она.

И лицо ее вспыхнуло и осветилось. Боже, как в ту минуту я ей завидовал!

.....

В октябре 1993-го через год после своего пребывания в Днепродзержинске, епископ Ян Ольшанский вновь выразил желание посетить костел Святого Николая. Двадцать четвертого октября он должен был править службу в костеле и совершить таинство крещения, а также миропомазания для человек двадцати прихожан костела.

Крестить должны были меня. Время, проведенное с ксендзом Мартином, не прошло даром. Я начал о многом задумываться: о совершенстве мироздания, о начале Бытия, об источнике жизни, о душе и смысле жизни. Для меня оказалось откровением, что постулаты науки не противоречат Библии, но религия и наука рассматривают многие явления просто с разных точек зрения – духовной и материальной. Величайшие ученые, оказывается, были людьми верующими, а такая разносторонне одаренная личность, как ксендз Мартин, и вовсе был перед глазами. Меня смущало только, что моя рождающаяся религиозность была слишком интеллектуальной, я все подвергал сомнению. И было неловко за себя, что в своем атеистическом прошлом я снисходительно думал о своих родственниках-баптистах, как о людях ограниченных и отсталых: в наш современный век и верить в какого-то Бога! А они, истинно верующие люди, все время молились обо мне и моих родителях, чтобы мы обратились к Богу и пришли к вере.

Но как далеко мне еще до истинной веры, как много во мне черного, противоречивого, бесовского. И это подтвердило крещение. Людей пришло очень много, службу вел епископ Ян Ольшанский, ему помогали ксендз Ян Собило и ксендз Мартин Янкевич. Обстановка, атмосфера была самая приподнятая и торжественная. А меня всего трясло. Какой-то казавшийся родным голос наговаривал мне:

– Уйди отсюда! Уйди! Ведь они все знают, что ты должен креститься, вот удивятся, что тебя нет! Супер!

И мне хотелось поддаться этому голосу, но какая-то другая сила удерживала на месте.

Потом вдруг захотелось ругаться: грязно, матерно, громко.

– А ну, давай, укрой их тут всех! Смотри, епископ проповедь говорит, и все его слушают, а ты заматерись, и все отвернутся от епископа и будут смотреть на тебя. И уходи!

Внешне я оставался спокойным, но внутри меня трясло все сильнее. Наконец пришло время обряда крещения. Меня подвели к епископу мои крестные: пан Роман Руновский и Тамара Петровна Хинцинская. Я смотрел на епископа и отчетливо слышал:

– Гляди, какой он старый, на две головы ниже тебя. Ведь его можно сбить с ног одним ударом. Никто и помешать не успеет. Бей! И уходи!

Епископ спросил:

– Отрекаешься ли ты от сатаны?

«Бей! И уходи!! Бей! – слышал я внутри звенящий истеричный голос. – Бей!»

– Отрекаюсь! – сказал я.

Я встал на колени. И когда я ощутил, как освященная вода льется на мою голову, и услышал слова: «Крещу тебя во Имя Отца, Сына и Духа Святого!» – все ушло. Мне показалось, что я, как воздушный шарик, наполненный злобой и грязью вместо воздуха, сдуваюсь. И наступило облегчение и просветление.

– Аминь.

Глава 6

Костельные истории

История первая: «Агент Ватикана»

Отец Мартин невероятным образом привлекал внимание, притягивал взоры всех, с кем ему приходилось общаться. К нему тянулись и стар, и млад, бедняки и состоятельные люди, интеллектуалы и те, кого принято называть «простыми людьми». По городу, все расширяясь и приобретая черты устного народного творчества, пошли разговоры о необыкновенном священнике, живущем в костеле.

Мы гордились «своим ксендзом» и тем, что он у нас такой знаменитый. И как-то пропустили момент, что чье-то внимание к ксендзу Мартину выходит за рамки нормального человеческого любопытства.

Поначалу показалось просто смешным, когда в костел пришел невыразительный мужчина с желтым дореволюционным кирпичом подмышкой, на котором была выбита фамилия мастера, изготовившего этот самый кирпич.

- Мне срочно нужен ваш епископ, – вместо приветствия сказал человек.

- А зачем он вам?

- Надо. Я хочу предложить епископу много такого кирпича. Но мне нужны его адрес, телефон, как зовут. Кстати, он из какого города?

- По вопросу кирпича вы можете поговорить непосредственно в костеле.
- Так вы что, не знаете телефон и адрес своего епископа?
- Знаем, конечно. Это не секрет. Но мы не понимаем, для чего вам это нужно.
- Я ж говорю – кирпич! – разочарованно бросил неизвестный и удалился со двора вместе с кирпичом.

Через некоторое время появился другой человек и предложил передать ксендзу Мартину информацию, что в Днепродзержинске есть сильные ювелиры, которые прекрасно ограняют алмазы. Сбыть бриллианты здесь трудно, но с помощью отца Мартина их можно было бы переправлять в Ватикан на реализацию, а полученную выручку делить таким образом, что с лихвой останется на восстановление костела.

- Провокация, – улыбнулся ксендз, – глупая провокация.

Позже ксендза Мартина пригласили в паспортный стол. В приглашении не было ничего необычного. Как иностранец он оформлял вид на жительство и прописку в костеле. Странное началось позже.

В кабинете начальника паспортного стола сидел некто в штатском, вежливо попросивший священника ответить на ряд вопросов.

- Извините, но меня вызвали в паспортный стол, и я не понимаю...
- Здесь говорить удобнее. Ведь вы не хотите, чтобы вас вызвали... ну, сами знаете куда.
- Вы считаете меня агентом Ватикана? – спросил ксендз.
- Что вы, что вы! Вопрос так не ставится, – радушно замахал руками человек в штатском.
- Я отказываюсь говорить с вами, тем более, что вы не представились.
- Вижу, мы не находим общего языка, – многозначительно и чуть раздраженно закончил разговор неизвестный, так легко распорядившийся кабинетом начальника паспортного стола.

Прошло еще какое-то время, и к ксендзу Мартину подошел Александр Шинкин, новый прихожанин костела. В прошлом он перепробовал всякого: работал на Донбассе и на Севере, имел несколько профессий, но нигде не задерживался. Он занимался медитацией и мануальной терапией, жил с кришнаитами, давал обеты молчания, классно играл на гитаре и пробовал «травку». Его бурное прошлое, очевидно, не осталось незамеченным для людей, предпочитающих оставаться в тени.

- Отец Мартин, – обратился к настоятелю Саша-кришнаит, – мне предложили наблюдать за вами и передавать информацию.
- А ты что, Саша? Согласился?
- Я сказал, что вы мой духовный наставник, и я не могу.

Это уже было серьезно. Мы с ксендзом засели за письмо, адресованное начальнику горотдела милиции, в формальном подчинении которому находились все силовые структуры города. В письме мы изложили факты, попросили оградить костел и лично настоятеля от излишнего любопытства и сообщили, что копию письма отправляем епископу, оставляя за собой право передать еще одну копию послу Польши в Украине.

Последствия этого демарша не замедлили сказаться. В костел прибыли двое руководителей областной Службы безопасности. Мы приняли гостей в «Африке» – самом теплом и приличном помещении полуразрушенного костела. Гости из области оказались милыми, интересными собеседниками. Они пили предложенный ксендзом кофе и говорили о своем

законном праве на защиту безопасности Украины, в полном соответствии с которым служба безопасности осуществляет свои действия. Но в то же время сетовали на дефицит подготовленных кадров, неумелые действия которых и привели к нежелательной ситуации. После этих слов заместитель председателя областной СБУ Славомир Александрович принес извинения настоятелю костела за причиненный дискомфорт в его и без того нелегкой жизни.

Ксендз Мартин поднялся. И с незнакомым мне достоинством произнес:

- Панове! Благодарю вас за приезд! Я принимаю ваши извинения стоя, как лицо официальное от официальных лиц.

Как я его зауважал!

История вторая: Медь

«Хабар руки не пік». Под таким ироничным заголовком днепродзержинская газета «Думка» перепечатала информацию «Финансовых ведомостей» о том, что некий таможенник за двести «зеленых» дал добро на вывоз пятнадцати тонн меди в Прибалтику криворожским СП «ЭКО». Весь упор заметки делался на эти вот двести «зеленых». Я же прочитал заметку шиворот-навыворот.

– Медь! Ксендз Мартин, в Кривом Рогу есть медь!

Восстановление костела набирало обороты, и в повестку дня встал вопрос чем покрывать башни и крышу костела. Строители костела покрыли его чешуей цинкового проката, который за почти сто лет пребывания в агрессивной атмосфере города металлургов и химиков совершенно не поддался коррозии. Но в наше передовое время найти аналогичный материал не представлялось никакой возможности, и ксендз Мартин решил покрывать костел медью. Увы, очень скоро выяснилось, что листовая медь толщиной полмиллиметра, является не меньшим дефицитом, чем цинковый прокат. Единственный в Украине завод, где производили такой лист, находился в городе Артемовске Донецкой области. Но пораженный кризисом, связанным с развалом СССР, завод в Артемовске «лежал на боку» и медный лист не катал. К тому же по нашим сведениям заводская цена на подходящую для нас медь составляла астрономическую цифру – 4000 долларов за тонну. Учитывая, что нам было нужно около пяти-семи тонн меди, приобретение ее в Артемовске выглядело извращенным самоубийством.

Поэтому заметка в «Думке» помогла нам не опустить руки раньше времени. Елена Григорьевна Фесун, заведующая отелом культуры горисполкома, созвонилась с отделом культуры Кривого Рога, они вышли на СП «ЭКО», и мы получили координаты: телефон и имя директора – Рыбалко Борис Иванович.

Борис Иванович сообщил, что медь у него действительно есть – 80 тонн. Но в чушках...

– В чем? – Переспросил ксендз Мартин, – В чушках?

– Да, в чушках. – Без тени улыбки ответил директор «ЭКО», – Когда заработает Артемовск, можно обменять нашу медь на их лист.

– Но сколько, прошу прощения, будет стоить тонна листа?

– Процентом на 15-20 ниже заводской цены.

– Но это тоже очень дорого!

– А что вы хотели? Бесплатно только сыр в мышеловках.

В поисках меди мы побывали на приеме, кажется, у всех руководителей Днепродзержин-

ска.

– Вы понимаете, пан ксендз, медь – это стратегический металл, за него могут и по шее дать. И к тому же меди действительно нигде нет, разве что на ДМК, там ее получают из Артемовска.

Да что это: все дороги ведут в Артемовск?

Главный инженер металлургического комбината Николай Петрович Подберезный начал беседу с того, что бросил камень в огород папы Иоанна-Павла Второго:

– Это, между прочим, ваш Папа Римский развалил Советский Союз...

При упоминании о роли Папы Римского в распаде СССР на лице ксендза Мартина появилось такое добродушно-простоватое выражение, которое я «перевел» так: «не буду спорить, но мы, прошу прощения, пришли сюда по другому вопросу».

– ...Теперь нарушены все экономические связи, Артемовск стал в Украине медным монополистом. И мы кланяемся ему в ножки, вместо того, чтобы напрямую обратиться в Россию или Казахстан. Но костел построен заводом, от этого никуда не уйдешь, и медным листом, если он появится, я вам помогу. Обещаю.

Из кабинета главного инженера ДМК мы выходили ободренные. Но без меди.

А потом кто-то посоветовал:

– Обратитесь к Геллерману, он что-нибудь да посоветует.

Моисей Михайлович Геллерман, днепродзержинский прокатный бог, ведал о прокатном производстве все. Он преподавал в институте, возглавлял калибровочное бюро комбината, зная, как свои пять пальцев, все прокатные станы предприятия. Он принимал участие в реконструкции цехов, освоении новых профилей, объездил металлургические заводы бывшего СССР и ориентировался во всех вопросах металлургии. Моисея Михайловича знали все в прокатном переделе Дзержинки, и он знал всех, в том числе и меня. То, что с ним хочет встретиться католический священник, Геллермана совершенно не удивило.

– Приходите ко мне домой вечером, – проворчал он в трубку.

Узнав, что нас привело к нему, Геллерман ответил:

– Не надо никуда ездить за медью! А я говорю: не надо! Медный лист мы прокатаем в Днепрдзержинске. Собирайте медный лом. Мы его переплавим в слитки и перекатаем в лист нужной толщины. Смотрите...

Геллерман взял чистый лист бумаги и начал рисовать схему передела медного лома в лист.

Мне стало тоскливо. Вспомнился первый спонсор костела. Захотелось уйти. Но это был сам Геллерман. Не блефовал же он, в конце концов, перед ксендзом!

А ксендз Мартин вдруг загорелся открывшейся перспективой. Он с интересом следил за Геллерманом, переспрашивал, брал ручку и что-то дорисовывал на схеме.

Моисей Михайлович был, кажется, удивлен тем, что сидящий перед ним священник задает толковые технические вопросы.

– Вот что я вам скажу, пан ксендз. Конечно, переплавка лома в качественные слитки не такой простой процесс. И было бы лучше, если бы перекачивать толстый лист на более тонкий, а на комбинате толстый лист есть. Забирайте его, пока дают, и не отказывайтесь ни от какой меди.

– Но, пан инженер, где же можно перекатать этот лист?

– В институте. На кафедре обработки металлов давлением есть шестивалковая клеть, они смогут вам помочь. А для начала, пусть он, – Геллерман кивнул в мою сторону, – попробует пропустить медную пластину у себя в цехе, и посмотрим, что из этого получится.

Получилось вот что. Раздобыв медную пластину, я в ближайшую рабочую смену попросил старшего вальцовщика нашего сортопрокатного цеха Виктора Соглобова помочь мне. В цехе все знали, что я занимаюсь восстановлением костела, и просьба не вызвала удивления. Я, как оператор, запустил прокатную клеть, а старший вальцовщик толкнул пластину в раствор валков. Пройдя валки, толщина пластины уменьшилась в два раза, эксперимент удался. А нас со старшим вальцовщиком начальник цеха лишил по 50% производственной премии «за грубейшее нарушение трудовой и производственной дисциплины». Мне было страшно неловко перед Виктором.

Геллерман дал блестящую идею. Сотрудники института Владимир Самохвал и Виктор Кравченко взяли перекачать медь до нужной толщины. Часть меди нам безвозмездно выделил металлургический комбинат – «за спасибо», часть мы приобрели в фирме «Водник», часть привезли из Харьковского костела, а остальное... нашли на городских пунктах приема цветных металлов. По сравнению с заводской ценой это было баснословно дешево, мы с Сергеем Федоровым мотались по пунктам приема, покупали и обменивали медь на медь и везли ее в институт. А оттуда – в костел. Блеск прокатанной меди, горение ее червонным золотом слепили глаза. И я понял, почему люди гибнут за металл.

История третья: Отец Юрий

Однажды в костел пришел довольно молодой человек, среднего роста, крепкого телосложения, с красивым, открытым, приветливым лицом, удлинненными выющимися волосами, легкой бородкой, в очках тонкой оправы и со спортивной сумкой в руках.

– Отец Юрий, – представился он, – православный священник Московского Патриархата.

И предъявил документы о своем рукоположении.

Ксендз Мартин пригласил отца Юрия зайти. Как всегда настоятель костела проявил себя радушным хозяином. На столе появились кофе, печенье, колбаски, кетчуп. Отец Юрий деликатно ел и рассказывал о себе.

Сейчас он находился в отпуске, который мечтал провести... в католическом приходе. Его всегда интересовали вопросы экуменизма, а также непосредственно католицизм. Но на определенном этапе стало понятно, что одних книжных знаний недостаточно, чтобы...

– Прошу прощения, – перебил гостя ксендз Мартин, – сами «книжные знания» о католицизме, как вы выразились, довольно часто на территории бывшего СССР бывают весьма

сомнительного качества.

– Да, вы правы, найти у нас что-то объективное о католиках непростое дело. Поэтому я здесь.

Из разговора выяснилось, что отец Юрий имеет приход где-то под Армавиром. Но раньше он работал в Украине и даже одно время – с будущим главой Украинской Православной Церкви о. Филаретом. Но членение православия на Русское и Украинское отец Юрий не одобрил и остался верен своему рукоположению.

– Разделение православия есть акт политический, а не религиозный. Это раскол. Причем здесь вера? И где здесь Христос? Раздробленность никогда не была признаком силы. Мне очень хочется познать Католическую Церковь изнутри на примере обыкновенной парамии. Как живет ваша община, чем она дышит, почитать книги католических авторов, в общем, составить свое собственное мнение о католиках и католицизме.

– Что ж, – в раздумье сказал ксендз Мартин, – поживите у нас несколько дней, а там посмотрим.

Отец Юрий оказался прилежным учеником. Каждый день он брал стопку книг из обширной библиотеки ксендза Мартина и читал, читал, читал... Наверное, поэтому он вел довольно затворнический образ жизни – никуда не ходил, даже в православный Свято-Николаевский Собор, расположенный в пяти минутах ходьбы от костела. Лишь по утрам можно было видеть, как отец Юрий в спортивных штанах, футболке и кроссовках бежит марафон вокруг костела и по прилегающим к нему улочкам.

Но зато он не пропускал ни одной мессы, был общителен с прихожанами, однако до панибратства не доходил, держа дистанцию уважительного отношения. Его часто видели с Библией в руках, читающего на лавочке около костельной часовни, он подолгу беседовал с настоятелем костела и постепенно завоевывал наше доверие. Его речь не была перенасыщена старославянскими оборотами, он говорил просто, понятно и современно.

– А отец Юрий – ничего, нормальный мужик! – говорили мы о нем, в глубине души льстя самим себе, что именно в нашу парамию приехал узнавать о католиках столь интересный православный священник.

О себе он рассказывал довольно скупое: учился в начале в медицинском институте в Ленинграде, потом ушел, недоучился, играл в эстрадном ансамбле на танцах и в ресторанах, потом – Духовная семинария. Иногда отец Юрий брал в руки гитару и «вспоминая молодость» играл «Лестницу на небеса» Лед Зеппелин и с удовольствием слушал песни Битлз в нашем исполнении. Иногда он вызывался помочь разбирать импортные лекарства, пришедшие в качестве гуманитарной помощи, и было видно, что он таки учился в медицинском. Он довольно часто высказывал критические замечания в адрес Православной Церкви, чем ставил нас несколько в неловкое положение. И как-то кто-то из нас не выдержал и спросил:

– Не слишком ли вы – православный священник – критикуете Православную Церковь?

Отец Юрий отреагировал мгновенно:

– Не сомневайтесь, я это говорю не для того, чтобы вам понравиться, и уж не для того, чтобы перейти в католицизм. Я люблю свою Церковь и умру православным, но именно из любви к своей Церкви я не замалчиваю проблем, которые скопились в Православии. Вот скажите, какое событие в истории Католической Церкви вы считаете самым значитель-

ным?

– Второй Ватиканский Собор! – не сговариваясь, ответили мы.

– Вот! Православная Церковь нуждается в своем Ватиканском Соборе, как в свое время в нем нуждалась ваша Церковь. Православие должно повернуться лицом к своим верующим, стать живой Церковью, как это сделал католицизм. Об этом нельзя молчать. Пропадём!

Приближался праздник Тела и Крови Иисуса Христа. По традиции католических церквей вокруг костела было сооружено четыре алтаря. Алтари возводились из подручных материалов: столов, ковриков, каких-то ваз, покрывал и обильно украшались цветами. Летом заливало костельный двор горячим солнцем, и мы боялись, что к началу процессии цветы потеряют свою свежесорванную прелесть.

Процессию возглавлял отец Юрий. Подойдя к первому алтарю и поцеловав Библию, он начал нараспев читать отрывок из Священного Писания. Мы преклонили колени. Казалось, он был взволнован происходящим. Также и мы, глядя на этого православного священника, решившегося на мужественный поступок пребывания в католическом приходе, который мог бы отрицательно повлиять на его дальнейшую судьбу, уважали этого человека и были взволнованы.

Минуло несколько месяцев. В костел пришел офицер уголовного розыска и начал расспрашивать о человеке, по описанию удивительно похожем на отца Юрия.

– Так это был не священник?!

– Нет, не священник. Он всерьез преступил закон, мы его «вели», но в какое-то время потеряли из виду. Он у вас, как это говорят, «залег на дно».

– Но сыграть священника невозможно! Такого сразу бы раскусили, а в отце Юрии... то есть, в этом человеке, которого вы ищете, чувствовалась серьезная подготовка... И документы предъявлял...

– Не знаю. Может, он действительно учился в семинарии, да не доучился. Многие в его биографии загадка для следствия.

Мы были потрясены.

История четвертая: Возвращение Христа и Его Святых

Идеализм брал свое. Он вдыхал и выдыхал жизнь в изувеченное тело костела и – о, чудо! – что-то дрогнуло и изменилось вокруг. Может, это облегченно вздохнул костел, принимая на себя крест – вечный знак Иисуса Христа.

А потом вернулся в костел и сам Христос. Вернулся, пройдя через унижения и смерть, пострадав, как и тогда на Голгофе, больше других.

– Я спать не могу, когда думаю, что Христос лежит там, в подвале, с отбитой головой! – не раз говорил ксендз Мартин, и в глазах его сквозила боль. – Вы сами знаете, столько у нас первоочередных дел, каждое из которых хватает за горло. И также сами знаете, насколько мы ограничены в средствах, но я не могу... Я не могу допустить, чтобы Он и дальше там лежал, будто мы о Нем забыли.

Восстановить Распятие взялись Феликс Сорокин – реставратор Музея истории г. Днепродзержинска – и скульптор Гарник Хачатрян. Нина Александровна Цыганок, директор музея, разрешила проводить реставрационные работы в музейной мастерской Феликса Со-

рокина.

Скульптура изувеченного Христа, перенесенная на верстак реставратора, представляла собой довольно жуткое зрелище. Христос, снятый с креста, лежал с отрезанными ногами и без пальцев рук. Голова с закрытыми глазами покоилась в стороне.

– Не понимаю, – бормотал Феликс Прокопьевич, – кому понадобилось отрезать почти по колени ноги, а на их место прибивать эти обрубки.

Феликс Прокопьевич, как хирург, склонившийся над телом смертельно больного, орудовал скальпелем и кисточкой, снимая наслоения грязи, копоти, краски с некогда прекрасной фигуры. А где-то на другом конце города черноусый армянин Гарник Хачатрян лепил ступни Христа и отсутствующие пальцы.

В солнечный летний день 1994-го года в праздник Воздвижения Креста Господня Христос вернулся в свой костел. Вернулся в славе, опираясь на руки спасавших Его, на плечи тех, кто бережно пронес Иисуса через весь город на Верхнюю колонию, в костел. Сколько волнений, сколько радости, сколько слез!

Господи, мы недостойны, чтобы Ты вошел под кров наш, но скажи только слово – и исцелятся души наши...

Прошло время, и дошел черед до полихромных фигур святых. Реставрацию скульптур мы начали по-наполеоновски: главное ввязаться в сражение, а там – видно будет. Денег на святых не было. Мало того, мы не представляли себе, кто смог бы выполнить столь сложную работу.

Помогла Нина Александровна Цыганок. Директор Музея истории города обладала необходимыми знакомствами на все случаи жизни. Вот и сейчас, покопавшись в своей записной книжке, она извлекла на свет Божий номер телефона.

– Анатолий Антонович Рамейко, председатель общества дружбы «Украина-Польша», раньше занимался вопросами реставрации. Давайте позвоним ему в Киев.

Анатолий Антонович неожиданно живо откликнулся на звонок и вывел нас на специалистов из отдела прикладного искусства Национального научно-исследовательского реставрационного центра.

– Пусть приезжают, – вздохнул отец Мартин, – но денег на реставрацию у меня все равно нет.

Надо было что-то придумать. Очень хотелось освободить четырех святых и вернуть, привести их в родной костел. Их осыпающиеся, растрескавшиеся фигуры, их лица, глаза не давали покоя. Оставшиеся без Христа, они казались еще более одинокими, еще печальнее, заброшеннее, безнадежнее.

Мы сидели в столовой настоятеля и, глядя на электрический обогреватель воды, я спросил у ксендза, что это за ромбик с гравировкой красуется на крышке обогревателя.

– Ах, это... В Америке есть, знаете ли, такая странная привычка. Подарят что-либо, но обязательно выгравировуют имя дарителя, чтоб не забывали. И еще прикрепят на видном месте.

– Ксендз Мартин, есть идея...

– Да?

– Да! Давайте распределим наших святых среди бизнесменов, пусть они оплатят реставрацию каждый «своего» святого, а мы увековечим это дело гравированной табличкой где-нибудь у основания скульптуры.

– Гм-гм... И вы думаете, это получится?

– Не знаю, но что мы теряем?

Спустя несколько дней в этой же комнате сидел Вадим Николаевич Ромащенко. Генеральный директор и владелец фирмы «Стоик», он владел сетью бензозаправок. В общем, перед нами был бензиновый король Днепродзержинска. Он уже не раз помогал костелу, безвозмездно отпуская бензин для бесчисленных душпаستырских поездок ксендза Мартина. Вооружившись фотографиями святых, мы рассказали Вадиму Николаевичу о представляющейся возможности спасения такой красоты. Ромащенко сразу понял, куда дует ветер, и спросил:

– Вы хотите, чтобы я профинансировал реставрацию фигур? Я, конечно, иногда склонен к авантурным шагам, но в данном случае сумма, надо полагать, будет довольно круглой?

– Речь не идет о том, чтобы вы дали деньги на восстановление всех скульптур, вы могли бы выбрать наиболее понравившуюся и...

– Но и одна фигура тоже стоит немалых денег. Я бизнесмен, а значит только тем и занимаюсь, что считаю деньги... я их умею считать.

– Знаете, пан директор, на Западе есть такая интересная и, на первый взгляд, странная традиция. Если кто-либо жертвует деньги на восстановление в храме окна, например, или скульптуры, то его имя гравировается на специальных табличках и крепится к восстановленному на его средства предмету...

В глазах директора «Стоика» зажегся огонь неподдельного интереса.

– И вы говорите...

– Да, Вадим Николаевич, если вы дадите деньги на реставрацию, то потом ваше имя будет всегда сопутствовать святому, как человека, спасшего его. А текст таблички и ее место на скульптуре мы определили бы совместно.

– Пожалуй, пан ксендз, я согласен. Мне, конечно, все равно, будет табличка или нет, но вот дети мои придут когда-нибудь в костел и им будет приятно.

– Разумеется, Вадим Николаевич, разумеется...

Ромащенко выбрал святого Казимира и дал задаток. А в Днепродзержинске уже побывали киевские реставраторы А. Поруцкий и Г. Дроздов. Они скрупулезно осматривали фигуры, переговаривались между собой, делали какие-то записи, обмеры и восторженно шелкали языком:

– Да, такие работы нечасто и в Киеве увидишь!

А потом завернули в одеяло святого Казимира и вечерним поездом уехали в Киев, положив святого на верхнюю полку.

Акт обследования четырех полихромных скульптур конца XIX века
из костела св. Николая г. Днепродзержинска

1. «Св. Казимир»

Высота скульптуры 145 см. вся поверхность скульптуры имеет плотное пылево-копотное загрязнение. Памятник имеет утраты деревянной основы в основании, а также отсутствует 1/3 часть манускрипта в правой руке фигуры. Нижняя треть скульптуры поражена жуком-точильщиком. Горностаевая мантия и ноги фигуры перекрашены в поздний период краской – «серебрянкой» и требуют открытия авторского слоя.

2. «Св. Антоний»

Высота скульптуры 145 см. Наблюдаются утраты деревянной основы на пальцах рук и ног младенца. В нижней трети скульптура поражена жуком-точильщиком. Вся поверхность скульптуры имеет плотное пылево-копотное загрязнение, а также «белесость» на отдельных участках, требующую специального анализа (возможно грибковое поражение). Связь грунта с основой и красочного слоя с грунтом нарушена. Утраты красочного слоя составляют около 25% общей площади.

3. «Св. Николай»

Высота скульптуры 175 см. Наблюдаются утраты деревянной основы – пальцев рук скульптуры, отсутствуют углы Библии, утрачена основа постамента под корзинкой с младенцами. Массив основы скульптуры состоит из двух основных частей. Вследствие высыхания дерева в верхней части массива наблюдается трещина между его частями со значительным смещением. Нижняя треть скульптуры поражена жуком-точильщиком. Вся поверхность памятника покрыта плотным слоем пылево-копотного загрязнения.

4. «Св. Варвара»

Высота скульптуры 170 см. Массив скульптуры состоит из трех частей, растрескавшихся со значительным смещением в верхней части скульптуры вследствие высыхания дерева. Утрачен значительный фрагмент – авторская дорезка фалды одежды, размером 65х15 см. Наблюдается позднее укрепление некоторых отставших фрагментов основы при помощи гвоздей. Нижняя треть скульптуры поражена жуком-точильщиком. Общее плотное пылево-копотное загрязнение памятника. Наблюдается кракелюр. Утраты красочного слоя 5% общей площади памятника.

Зав. Отделением реставрации произведений
прикладного искусства

А. Поруцкий

Художник-реставратор II категории

Г. Дроздов.

Реставраторы не задавались извечным нашим вопросом: кто виноват? Они констатировали факт и принялись реставрировать святого Казимира.

То, что произошло со скульптурой святого Казимира, нельзя назвать иначе, как чудом. Освободив королевича от стягивающего одеяла, реставраторы поставили королевича Казимира на огромный пень около часовни, и прекрасная фигура блестела и искрилась в лучах солнца.

– Сестра Нина! Сестра Малгожата! Сестра Самуэла! Посмотрите!

Сестры-монахини вышли из дверей монастыря и с тихой радостью смотрели на святого. Через несколько минут на «Мерседесе» прикатил Ромащенко. Он не ожидал такой ослепительной красоты и, кажется, немного растерялся. Он ходил вокруг скульптуры и восхищенно глядел на отливающую золотом и отороченную горностаем фигуру королевича-святого. Найдя глазами табличку со своим именем, Вадим Николаевич окончательно расстрогался, и чтобы не показать своей слабости, сел в «Мерседес» и уехал на фирму. Прошли годы, сошел со сцены Вадим Николаевич Ромащенко. Дела его пошли хуже, затем из рук вон плохо, исчезла некогда могучая фирма «Стоик», но стоит в днепродзержинской костеле прекрасная фигура святого Казимира и внимательный посетитель может разглядеть у основания скульптуры металлическую табличку с гравировкой: «Полихромная скульптура «Св. Казимир», конец XIX века, восстановлена в 1995 г. на средства фирмы «Стоик», директор Ромащенко В. Н.»

Постскриптум. Скульптура святой Варвары была возвращена к жизни на личные средства Нины Александровны Левченко, а ее сын, предприниматель Владимир Александрович Левченко, не без влияния матери, выделил средства на реставрацию фигуры святого Николая. На восстановление святого Антония деньги «нашел» ксендз Мартин, однако даже самый внимательный посетитель, как бы ни разглядывал фигуру, нигде не найдет таблички с именем настоятеля костела.

Глава 7

Линия жизни

Среди тех, кто сразу откликнулись на «Зов на встречу католиков» и с первых дней процесса возрождения костела вновь стали его верными прихожанами, были Анна Войцеховна Крживицкая, а также ее сестра Елена Войцеховна Барановская, в девичестве Крживицкая. Они происходили из семьи первых колонистов Каменского. Уже не так много осталось в Днепродзержинске семей, которые сохранили не только кровную связь со своей прародиной. Но через все эти долгие годы – годы расцвета и падения, счастья и кошмаров, застоя и перестроек – пронесли и сберегли в своей семье и язык отцов, и память поколений, и обычаи своей юности, и веру своего Костела.

Пятнадцатилетним пареньком приехал в 1902 году в Каменское из села Полихно под Кельцами Войцех Крживицкий. Здесь, на Верхней колонии в доме Лабунских уже прислуживала его старшая сестра Михалина. Войцех устроился на фабрику рассыльным, а, чуть повзрослев, стал работать грузчиком, а потом правильщиком проката в среднесортном отделении. Он обладал феноменальной физической силой, и о нем сложили поговорку: «идет Войцех – воет цех». Женившись на литвинке Анеле Роговской, старшей его на пять лет, Войцех Крживицкий обосновался на Полицейской улице Каменского. Зарабатывал он хорошо, и его дети – сплошь дочери – Анна, Броня, Хелена и Ядя любили играть золотыми рублями, которые «ойчец» приносил с работы. Они составляли золотые пирамидки, колбаски, а мама потом искала золото по квартире и, чтобы не пропало, уносила деньги на почту и клала их под процент.

Жили Крживицкие дружно и в достатке. По воскресеньям ходили в костел и одну за другой водили туда подрастающих дочерей. А иногда в теплые вечера Войцех позволял себе маленькие шалости. Он галантно предлагал гуляющим барышням покататься на качелях, которые сам привязал на высоком дереве во дворе своего дома. Барышни доверчиво соглашались и залазили на качели. Войцех мощно раскачивал качели, они взлетали все выше и выше, а затем стремительно неслись вниз, чтобы потом головокружительно подняться к синему небу.

Барышни отчаянно визжали, их длинные юбки задирались до самой головы, открывая восхищенному взору случайного прохожего и самого Войцеха запретные плоды, которые, согласно обычаям того времени, не заслонялись никакой дамской галантереей.

Тут в окно дома показывалась пани Анеля и кричала:

– Войцех! Войцех! Ты что делаешь?!

Широкоплечий Войцех послушно останавливал качели, барышни соскакивали на землю и, пунцовые, делая вид, что страшно рассержены на Крживицкого, убегали со двора. Но потом еще долго раздавался их хохот по всей Полицейской улице. Довольный Войцех заходил в дом и, добродушно посмеиваясь, выпивал кружку шипучей бузы, сваренной Анелей, а потом опять выходил на крылечко.

Все исчезло в огне революции. Пропали деньги, в течение многих лет относимые на по-

что, умерла младшенькая дочка Ядя, а самого Войцеха Крживицкого арестовали в 1919 году и отвезли в Екатеринослав. С товарищем по работе, гонористым Павлицей, Войцех Крживицкий обязан был ехать от завода по окрестным селам, чтобы реквизировать продукты и привезти их в Каменское. Но за несколько дней до поездки пан Войцех попал в неприятную историю. В длиннющей очереди за хлебом, в которой, кажется, стояло полгорода, творилась несправедливость. Милиционеры один за другим подходили к голове очереди, бесцеремонно вклинивались между стоящими и брали хлеб, не давая отовариться остальным.

– Пся крев! Холера ясна! – вскипел Войцех.

Он подошел к самоуверенным милиционерам и одного за другим стал выбрасывать их из очереди. Так он оказался за решеткой и на реквизицию не поехал. А Павлицу привезли из села на подводе с распоротым животом, набитым кукурузой. Селяне, хоть убей, не понимали политики военного коммунизма.

В костеле у ксендза Константина Томашевского старшая дочь Анна принимала первое причастие. Она родилась в 1912 году, еще до революции, немного помнила старое время, но по своему малолетству не понимала, что той жизни уже не вернешь. Анна колебалась, говорить ли на исповеди ксендзу Томашевскому, что она посадила младшую Гельку попой на горячую плиту. С одной стороны, Гелька, конечно, пострадала из-за нее, но с другой – она же не знала, что плита горячая. И, вообще, этот грех, если это грех, снимается тем, что она, Анна, в другой раз спасла свою младшую сестру. Анне тогда было пять лет, Броне – почти три, а Гелька – только родилась. Мама Анеля пошла на работу к Погоржельским, и Анна качала в люльке грудную сестричку. Вдруг в люльке отскочила верхняя рейка, и Гелька начала сползать эту сторону, грозя вывалиться на пол.

– Бронька! Беги скорей к соседям, позови кого-нибудь!

Пятилетняя Анна изо всех сил держала сестру, чтобы та не упала из люльки, пока не подросла соседка.

После гражданской войны и окончательной победы Советской власти по Каменскому прокатилась волна «золотых арестов». Большевики искали золото, заработанное каменчанами на Днепровском заводе, когда во времена царизма их эксплуатировали польско-бельгийские капиталисты. Было объявлено о добровольной сдаче золота в пользу Совдепа. Желających почему-то не оказалось, и тогда начались аресты, большевики занялись своим любимым делом – экспроприацией. В этом им помогали ведомости на получение жалованья рабочими и служащими Днепровского завода, а также добровольцы типа еврея Мандука. Антона Мандука за глаза называли махлером или шахраем, он брал деньги в рост, наживался на закладываемом имуществе и хорошо знал материальное положение многих каменчан. Он владел домами на улицах Церковной, 17 и Судейской, 5. После революции Мандук предложил свои услуги новым властям, и по его наводке те безошибочно выходили на «золотосодержащих» каменчан. Золото отбирали, а человека, скрывшего свои сбережения, отправляли в допр. Пришли и к Крживицким.

Войцех Крживицкий, на котором после той злополучной истории в очереди лежало пятно контрреволюционера, старался сдерживать эмоции. Семью спасла мама Анеля, она показала непрошеным гостям справку из почты, свидетельствующую, что рабочий Днепровского завода Войцех Крживицкий положил на свое имя в каменской почте 22 тысячи рублей.

Отцепились.

Английская пословица гласит: каждый, говорящий правду и только правду, о чем-нибудь да умолчит. Мама Анеля умолчала о некотором количестве золотых монет, хранящихся в доме «на черный день». Черные дни наступили во время голода 1921 года. Люди умирали, как мухи. Единственным утешением был костел. Правда, количество месс, по сравнению с дореволюционным, сократилось до одной в день, да еще проводились «нишпоры» – вечерние молитвы. Но хоть это! До самого закрытия костела Крживицкие оставались его верными прихожанами.

А потом наступил 1937 год. Вначале арестовали отца. В камеру, куда поместили Войцеха Крживицкого, натолкали столько народу, что нельзя было поднять руки, люди сидели по очереди, остальные стояли, прижавшись друг к другу. По очереди заключенных выводили на допрос. Обратно, зачастую, приносили окровавленное тело, имеющее мало общего с человеческим обликом.

ДЕЛО №20349

Начато 16.08.1937

Окончено 13.09.1937

Обвинение: Крживицкий В. М., поляк, подданный СССР. Дата рождения 20.03.1887, место рождения – д. Полихно, Келецкой губернии, Польша.

Арестован 13.08.1937.

Преступление ст. 54-10 ч.1 УК УССР, является участником контрреволюционной подпольной эсеровской организации и проводит контрреволюционную деятельность.

Уполномоченный 4 отдела УГБ Днепродзержинского НКВД УССР – Калужский нач. г/о НКВД – Паперман

Горпрокурор Соколян

СПРАВКА

На осужденного Крживицкого Войцеха Михайловича. 1887 г.р.

Проводил вербовочную работу по созданию диверсионных групп на заводе им. Дзержинского, проводил шпионскую работу. В инкриминируемом преступлении сознался. Осужден к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

14.09.1937 г. Протокол №22

Можно только представить, какие пытки перенес могучий Войцех Крживицкий, чтобы в его деле появилась запись: «в инкриминируемом преступлении сознался». «Воспаление легких» – диагноз кончины главы семьи, полученный детьми через много лет из архивов КГБ. Что за «воспаление» сразило пышущего здоровьем и силой Войцеха Крживицкого, долгие годы хранили в тайне архивы НКВД.

Через месяц после окончания дела Войцеха забрали и маму Анелю.

– Поедешь к мужу, – с мрачным юмором сказали ей при аресте.

ДЕЛО №22512

Крживицкая Анеля Онуфриевна

Ст. 54-10 ч.1 УК УССР.

Справка

на семью осужденного Крживицкого Войцеха Михайловича:

Семья состоит:

Крживицкая А. О. – жена, 1883 г.р., д. Степовичи, Ковенской губернии, Литва, здорова.

Арестована 10.10.37.

Крживицкая Елена Войцеховна – дочь, 1917 г.р., учится, здорова. Оставлена.

Брат – Франц Онуфриевич Роговский, проживает в Польше, сестра Анна проживает в Литве.

Начальник горотдела НКВД лейтенант государственной безопасности – Паперман

Начальник 3-го отдела УГБ ст. лейтенант госбезопасности Шнейдерман

Начальник УНКВД по Днепропетровской области майор госбезопасности – Кривец.

Заключение

Оперуполномоченный 3 отдела УГБ НКВД УССР мл. лейтенант госбезопасности Миллер

нашел:

Что обвиняемая Крживицкая А. О. является женой врага народа Крживицкого В. М. осужденного в порядке приказа НКВД СССР №00485 по 1-й категории, а, поэтому, руководствуясь оперативным приказом Народного Комиссара Внутренних Дел СССР Генерального Комиссара Государственной Безопасности тов. Ежова – от 15.08.1937 №00486 постановил:

Следственное дело №22512 по обвинению гр. Крживицкой А. О. – направить на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР.

Оперуполномоченный мл. лейтенант госбезопасности

Миллер

Согласен: пом. нач. 12 отделения 3 отдела ст. лейтенант госбезопасности Буркин

Утверждаю: пом. нач. 3 отд. УГБ НКВД УССР капитан госбезопасности Сапир

09.11.37

Заключение

Крживицкая А. О. 1883 г.р., деревня Синовичи Ковенской губернии, Литва.

Арестована 11.10.1937 Днепродзержинским горотделом УНКВД Днепропетровской области, как жена участника диверсионной группы. Обвинялась в совершении преступлений, предусмотренных ст. 54-10 часть 1 УК УССР. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 02.07.1938 г., как социально-опасный элемент сослана в Казахстан сроком на 5 лет.

Объективных доказательств проведения Крживицкой А. О. преступной деятельности в материалах дела не нашлось.

Эшелон с арестантами остановился посреди безбрежной казахской степи.

– Выходи! – пролаяли конвоиры.

Когда все вышли из телячьих вагонов, состав двинулся обратно.

– А нам куда? Нам куда?!

– А куда хотите, мать вашу!

В Днепродзержинск Анеля Крживицкая вернулась через десять лет в 1947 году.

В 1957 году у Хелены Крживицкой, ставшей к тому времени по мужу Барановской, родилась дочь Ольга. Хелена, или Елена Войцеховна Барановская и во время оккупации посещавшая каплицу у пани Стефанкевич, привела туда и дочь Ольгу. В каплицу ходили всей семьей, как на праздник, встречали здесь своих давних друзей и знакомых: Алину Селянскую, Сабину Пацановскую, Янину Шатецкую, Валю Барановскую и, конечно, Адельу Сенковскую и Теофилию Кузнецову. Людей собиралось много: молились, вспоминали старое время, мечтали, что власти отдадут костел, собирали подписи.

В 1957 году умерла мама Анеля. В ее изголовье стояло Распятие.

После закрытия каплицы потекли годы отчуждения от церкви. В доме говорили польски, отмечали католические праздники, здесь жила тоска по костелу, но все это было не то. Вот почему услышав зов на встречу католиков, Елена Войцеховна и Анна Войцеховна засобирались в костел. Вскоре с Еленой Войцеховной в костел притопал и младший внук Давид. И, наконец, замыкая круг, сюда пришли и остальные члены семьи: старший брат Давида Георгий и их мама Ольга Казимировна Гоциридзе.

На первых порах Ольга Казимировна как бы присматривалась к костелу, настоятелю, прихожанам. Она приходила на мессы, слушала проповеди, потом исчезала, но опять и опять возвращалась в костел. Работая врачом-терапевтом, она, обладая даром слушать и сострадать, умела заразительно смеяться и вселять в человека надежду на лучшее. Жизнерадостная, веселая, общительная и доверчивая, она одновременно отличалась глубиной личности и умением твердо отстаивать свое мнение. Кажется, ее ничего не стоило обмануть, но, по моему, эта мысль кроме меня, никому не приходила в голову. Ольга Казимировна распахнутыми глазами смотрела на ксендза Мартина и честно недоумевала: «так это и есть ваш

знаменитый ксендз?»

В свою очередь, такая семья не могла не привлечь внимания отца Мартина. Царящая здесь атмосфера любви, добра, глубокой привязанности друг к другу навевала воспоминания о далеких годах детства. Ксендз Мартин с удовольствием приходил сюда, чтобы почувствовать себя, как дома. Приветливость и гостеприимность семьи Ольги Казимировны, открытость для слова священника создавали чудесные условия для душевных бесед. Мальчишки не сводили восторженных глаз с отца Мартина, он очень быстро превратился в непререкаемого наставника. Гоги и Давид стали министрантами. Имея перед глазами такой прекрасный образец, Давид впоследствии решил связать свое будущее со священнической жизнью и поступил в Варшавскую духовную семинарию «Редемпторис Матер». Решение Давида и его выбор не стали легкими для матери. Ольга Казимировна металась в сомнениях, хорошо ли это для ее сына? Обречь себя на жизнь без семьи, жены, детей – служба «только» людям и Богу. Она иногда даже «подозревала» ксендза Мартина в том, что тот забрал у нее сына.

– Ольга! Я у тебя не забрал Давида, и с моей стороны не было никакого давления, ни агитации. И об этом знаешь. Также, надеюсь, понимаешь, что не себе «выращиваем» и воспитываем детей. И еще. Бог не ожидает от тебя одиночества, как печальной необходимости, но дает тебе великую благодать полнейшего служения Ему в Церкви, в приходе, в общине.

И Ольга Казимировна изменила свое отношение к настоятелю с недоверчивого на уважительно-доверительное. Она понемногу втягивалась в костельную жизнь и незаметно стала одной из самых ярких фигур новейшей истории днепродзержинского костела. И побежали годы незабываемой дружбы отца Мартина с этой замечательной семьей, без которой жизнеописание костела Святого Николая невозможно.

Глава 8

Будни ремонта душ

Как-то отец Мартин спросил на мессе у детей:

– Скажите, какое слово вы употребляете чаще всего?

Уже слегка отравленные взрослой жизнью, когда думают одно, говорят другое, а делают третье, дети меньше всего заинтересовались сутью вопроса. Они задумались над тем, что хотел услышать от них настоятель? И началось.

– Дева Мария! – сказала одна девочка

– Святой Николай! – сказала другая.

– Библия!

– Иисус Христос! – крикнули сразу несколько голосов.

Отец Мартин с изумлением, в котором сквозила нескрываемая грусть, воскликнул:

– Что я слышу! Да здесь такие набожные дети, которые заткнут за пояс любого священника. Я, например, не могу сказать о себе, что наиболее употребляемым мною словом является «Христос». Я думал, что чаще всего вы говорите слово «дай».

Да, здесь был непочатый край работы. Мы блуждали в потемках, может лишь интуитивно чувствуя, что где-то есть свет. Потемки души стали привычным состоянием жизни, мы всегда так жили. И когда вдруг рядом незатухающей горячей свечой проходил отец Мартин, было невозможно не обернуться ему вслед. Ремонта душ требовали все: и дети, и взрослые. И школьники, и их учителя.

Завороженные почтительным вниманием, тонким «несоветским» обращением ксендза Мартина, его обаятельнейшей улыбкой, женщины, населяющие приемные официальных кабинетов, непременно хотели что-нибудь выяснить о семье настоятеля костела – его жене и детях.

– Я старый, убежденный холостяк, – отвечал ксендз Мартин, еще более распаляя любопытство представительниц прекрасной половины человечества.

Узнав, что дело совсем не в том, что у ксендза Мартина «не сложилась личная жизнь», а что католические священники принимают обет безбрачия и девственности – или целибат – стрелка любопытства дочерей Евы начинала зашкаливать. У них округлялись глаза, в которых к тому же появлялся странный блеск. Женщины поправляли прически, на их лицах появлялось загадочное выражение «прекрасной незнакомки» и, казалось, они хоть сейчас готовы проверить крепость принятых обетов безбрачия и девственности.

Мужчины к вопросу о целибате отца Мартина относились гораздо спокойнее.

Мы не успевали поражаться масштабу личности ксендза Мартина, проявляемого им в самых разных ситуациях, и, одновременно, его доступностью и постоянной готовностью услужить ближнему: подвинуть стул, подать руку, поднести сумку, согреть чай, выслушивать наши бесконечные жалобы «на жизнь» и терпеливо объяснять непонятное, когда у него не было ни секунды свободного времени. Оставалось загадкой – когда же он ел? – ксендз Мартин что-то перехватывал на ходу и мчался лить бальзам на очередную израненную душу.

Ксендз Ян Собило из Запорожья накануне Богослужения в Великий Четверг перед Пасхой говорил нам:

– Дорогие мои, на этой мессе отец Мартин будет обмывать ноги двенадцати мужчинам, подобно тому, как Иисус Христос обмывал ноги своим апостолам. Но я думаю, что пусть эти мужчины предварительно сами немного помоют себе ноги дома, правда? Ведь вы должны беречь своего настоятеля.

И вот настал Великий Четверг. Я был одним из двенадцати. После Литургии Слова мы сели на отведенные места близ алтаря и начали разуваться. Министранты принесли медный таз и кувшин с теплой водой. Вышел ксендз Мартин, снявший верхние литургические одежды, опоясанный белым полотенцем. Опустившись на колени перед первым мужчиной, он приподнял его ступню и начал омыwać ее водой. Зал затаил дыхание. Замерев, люди наблюдали, как настоятель отер полотенцем ногу и... поцеловал ее. У меня перехватило горло, следующим был я. Я не знал, куда смотреть от смущения, куда девать руки и куда спастись от нахлынувших чувств. О, как близок стал мне апостол Петр, трепетавший в непонимании от происходящего на Последней Вечере и восклицавший:

– Господи! Тебе ли умывать мои ноги?

Отец Мартин! Вам ли умывать мои ноги? Вам ли опускаться передо мною на колени и целовать мне ступни, мне, недостойному развязать шнурки ваши! Как же я должен жить и поступать по отношению к другим людям, если мне, изгаженному грехами, вытирает полотенцем ноги этот Человек? Ловец человеков.

Придя как-то в дом Ольги Казимировны, ксендз Мартин увидел там рыдающую изящную, худенькую, привлекательную блондинку. Несмотря на светлый тон волос, в ней угадывалось что-то восточное. Чуть раскосые глаза, разлет бровей, тип лица и порывистые движения намекали на далекое монголо-татарское иго.

– Кто эта женщина, и почему она плачет? – тихонько спросил ксендз Мартин у хозяйки дома.

– Это моя подруга Альфия, у нее дочь провалилась на экзаменах в медицинский институт.

– Ясно, а почему она плачет?

– Я же говорю, дочь провалилась...

– Это я уже слышал. Можно, я с ней поговорю?

Оставив отца Мартина наедине с безутешной матерью, Ольга Казимировна вышла в другую комнату. Через десять минут из-за двери донесся хохот. Смеялась Альфия.

И спустя несколько лет Альфия Раильевна Баширова не смогла объяснить, что с ней сделал отец Мартин. Просто раздвинулись горизонты, и все случившееся потеряло трагедийный оттенок.

Под конец беседы ксендз Мартин предложил:

– Альфия, разрешите, я вас благословлю...

– Как! – ахнула Альфия. – Ведь я же татарка, я – мусульманка, у меня бабушка – внучка муллы, я...

Священник весело рассмеялся.

– Альфия, вы такая же мусульманка, как и католичка, поэтому никакого греха ни с моей, ни с вашей стороны не будет.

Посерьезнев, отец Мартин подошел к Альфии и возложил руки над ее головой. Большим пальцем правой руки ксендз начертал крест на ее лбу и, коротко помолившись, перекрестил голову Альфии своей ладонью.

– Во Имя Отца, Сына и Святого Духа!

У нее что-то то ли похолодело внутри, то ли в жар бросило. Через несколько дней Альфия впервые переступила порог католического храма вместе с дочерью Ларисой. А в институт Лариса поступила на следующий год.

Иногда у ксендза Мартина (скорее всего – в бессонные ночи) выдавались спокойные минуты, и тогда он старался выразить на бумаге волновавшие его мысли. Он писал.

«Я – христианин, а вы – католики», – нередко слышу высказывания такого рода, или еще более резко звучащий вопрос: разве католики тоже христиане?! Да, в нашем обществе все, что связано с католицизмом, вызывает весьма плохие ассоциации: крестовые походы, инквизиция, латинизация востока. Философский словарь 50-х годов говорит об иезуитах, как о самом кровавом и преступном ордене Католической Церкви. Похожие, не выдерживающие критики голоса, звучат и до сих пор.

С большим удивлением читаю порой статьи о современной экспансии или инвазии католицизма на Восточной Украине. Невежество? Аллергия? Незнание того, что в дореволюционные времена в Екатеринославской губернии проживало более 30 тысяч католиков?

Но нельзя не помнить слова апостола: «Различны дары, но Дух один и тот же, и служения различны, но Дух один и тот же, производящий все во всех» (1 Кор.12, 4-6).

И важнее различий – один Бог, одно крещение, одна (или почти одна) вера. В наших разговорах, диалогах стоит начинать с вопроса: а что общего имеет православный и католик, в чем согласны католики и баптисты?

Правда, горькая правда, что два великих раскола (1054 год и Реформация) нанесли большой удар единству Христовой Церкви. И доселе не зажиты эти раны в Теле Христовом, но не все пропало, не все пошло в руину. Я искренне благодарен отцу Александру Свидунovichу и духовенству Свято-Николаевского собора, пригласивших меня на юбилей столетия православного храма. Надеюсь, присутствие католического священника в православной церкви никого не возмутило и не принизило самого храма, а мне дало возможность испытать ценности восточных обрядов, веру православного народа, послушать великолепное литургическое пение. С музыкой такой – хоть на смерть иди...

Впрочем, я всегда рад, если могу с кем-то, по крайней мере, прочитать вместе «Отче наш». Ведь никто, таким образом, не отказываемся от собственной веры, но есть шанс чуть-чуть осознать, что мы – братья, у нас один Отец – Господь Бог.

Для лучшего изображения – маленький пример. На пике горы стоит Христос. С разных сторон по склонам холма идут к Нему люди. И все теряют время и энергию, призывая друг друга: «идите с нами, только у нас спасение, только наша вера истинна!» И Христос становится дальше. А что делать?

Пусть каждый христианин следует Христу так, как учит его Церковь, подсказывает его вера, и, направляясь к Христу, люди становятся ближе друг другу. А встретятся все на вершине.

кс. М. Янкевич

Одним из болезненных оставался для ксендза Мартина вопрос об исповеди и принятии Причастия старейшим прихожанином костела Генрихом Александровичем Кушковским.

Он очень любил прежний костел. Вспоминая его, Кушковский плакал. Обладая феноменальной памятью, он, глядя на возрождающийся храм, с огорчением качал головой:

– Эх, не такие были кресты на костеле! Они были из черного металла и словно плыли в небе над костелом. А вы их из нержавеющей стали сделали, не годится...

Невозможно представить, но трудовой стаж Генриха Кушковского составляет 79 лет – с 1916 по 1995 годы, – из которых 77 лет он отдал Дзержинке – металлургическому комбинату Каменского-Днепродзержинска! Много ли в мире подобных примеров трудового долголетия? Вся история Каменского, костела и Днепровского завода проходила на его глазах.

Он никогда не садился в костел, даже если свободных мест было с избытком.

– Благодарю вас, я привык стоять в костеле, – говорил он с непонятной интонацией.

Ксендз Мартин любил приходить в набитую древностями квартиру Генриха Кушковского. Перелистывая тома старинной польской библиотеки, рассматривая бумажные дензнаки времен гражданской войны или расспрашивая хозяина о прежней жизни, настоятель костела непременно возвращался к вопросу о необходимости принятия Причастия. Они оба хорошо знали, что причастие Тела и Крови Иисуса Христа возможно лишь при условии, что человек приступает к нему с чистым сердцем, свободным от греха и ненависти к ближним.

– Но я не могу простить коммунистам того, что они сделали с нашей жизнью и с нами. Боже, как я их ненавижу!

Сколько раз отец Мартин приезжал к Кушковскому, чтобы наделить того таинствами католической церкви. Но неизменно получал отказ:

– Вы не видели того, что видел я. Я не могу их простить, а обманывать себя, вас, Бога я не буду.

На столетие костела, собравшем, кажется, полгорода, ксендз Мартин приветствовал Генриха Александровича в числе самых почетных гостей торжества – епископа Каменец-Подольского, католического и православного духовенства, посла Польши в Украине, мэра города. А Кушковский был уже тяжело болен. За два месяца до смерти, почти слепой, он ухитрился починить свой любимый диванчик. Несмотря на приближающийся конец, он никак не мог переступить через незаживающие раны тяжелых воспоминаний, чтобы, очистив совесть, отдаться в руки вечности. Его совесть боролась с его памятью, и память не сдавалась.

Но однажды, придя в костел, я застал там ксендза Мартина с просветленным лицом.

– Он им все простил! – сказал отец Мартин.

– Кому? – не понял я.

– Пан Кушковский исповедался и принял Причастие!

Через несколько дней 97-летний Генрих Кушковский еще раз принял Причастие. Он ушел из жизни без ненависти в сердце, с миром. Как и подобает христианину, как и подобает человеку. Я так и не проведал его перед смертью. Уже не помню, какие важные дела помешали мне это сделать. Передавал ему приветы и говорил себе, что обязательно скоро приду. Кушковский казался бессмертным, он был всегда. Но он умер...

С ним ушла эпоха. Генриха Кушковского погребали в день его рождения. Круг замкнулся. Его хоронили по католическому обряду. Отец Александр Бондаренко, молодой священник, молился над телом усопшего.

– Ушедший от нас Генрих Кушковский был не просто человеком, металлургом, спортсменом, отцом. Он был верующим. Он был нашим братом, он верил в то, во что верим мы: смерти нет, есть только иная жизнь – вечная, проходящая в прекрасном мире. Наш брат Генрих уже достиг этой жизни, нам – еще предстоит.

А потом священник высоким чистым голосом запел католический гимн:

– О смерть! Где твоя победа?

Собравшиеся смотрели на неузнаваемые черты того, кто в этой жизни был Генрихом Кушковским, и несмело подпевали: «О смерть, где твоя победа?»

Глава 9

Последний аборт

– Это был мой последний аборт. Я шла на него, как и на все предыдущие, которые по числу сделанных давно переступили цифру (...) Но тогда я еще не знала, что этот – будет последний. Время – между 14.30 и 15.30. Я – под наркозом. Нахожусь в другом мире, совсем не похожем на тот, где родилась и выросла. Себя не осознаю, как нечто материальное. Мое тело было где-то внизу – тяжелое и чужое. Но мне хорошо, даже очень. Я ощущала себя легкой, светлой и чистой. Мною овладело такое спокойствие, что я даже подумала: «Все! Никогда не будет никаких волнений, больше никогда!» Рядом с собою я чувствовала детей. Они, вернее их души, казались мне ангелами. Только сейчас я понимаю, что это были за дети-ангелы: мои, не рожденные, которых я убила во время предыдущих аборт. В это же время мои земные дети стояли на коленях и молились, чтобы со мной все было благополучно. Единственный раз, идя на аборт, я просила их молиться о своем возвращении.

– Господи, я люблю тебя! – так искренне и с душой обращалась я к Богу, как никогда не могла произнести этих слов здесь, в своем мире. Эти слова я повторяла много раз и действительно я Его почувствовала. Он пришел ко мне, Он был рядом, я точно это знала. И в то же время не понимала, почему Он пришел ко мне, ведь я совершила большой грех... Он пришел и что-то мне дал, это «что-то» должно было о себе заявить там, куда мне предстояло возвращаться.

И вот я открыла глаза – это стоило больших усилий. Увидела дверь палаты. Мои ощущения были ужасны. Еще находясь под впечатлением прежнего состояния и окружающего меня света, этот мир показался мерзким, грязным, темным, хотя я видела белую дверь и светлую палату. Я не хотела возвращаться, хотя коротко и осознавала, что в той тьме остались мои дети.

И ушла обратно.

Мне стало снова хорошо, но Его уже не было. Где-то далеко, мысленно я знала, что давно не ела, но мне и не хотелось. Господь снял с меня бремя, которое могло меня волновать, и я думала, что так будет всегда.

– Почему же Он ко мне пришел? Ведь я убийца собственных детей!

Но в то же время я бесконечно была счастлива, что Он пришел ко мне, именно ко мне. Он действительно есть!

В начале 1994 года я была лишь поверхностно знакома с религией, костелом, Богом. Как таковой веры у меня просто не могло быть никак. О любви к Богу не было и речи. Но то, что произошло, меня поддерживает по сегодняшний день. И я этим горжусь.

Валентина Чистяк одна из прихожанок костела Святого Николая. Я поражаюсь мужеству этой женщины, рассказавшей «такое» о себе, и одновременно подозреваю, что расслышав слово «наркоз» в ее рассказе, кое-кто понимающе кивнет головой – все ясно! Чего не придется под наркозом? Не спешите с выводами, еще не конец нашей удивительной истории. Еще будут плоды!

Да, почти каждая наша женщина прошла через аборт. Многие – через несколько аборт. Некоторые прерывали беременность не менее двадцати раз. О «рекордсменках» известно мало, но они наверняка есть.

Сделать аборт несложно. Вся процедура занимает около 7-10 минут, примерно столько же, сколько и половой акт, приведший к нежелательной беременности. К искусственному аборту женщину толкают самые разные обстоятельства и соображения: плохие жилищные

условия, семейные неурядицы или отсутствие законного мужа, желание «погулять» еще и столь же глубокое нежелание иметь больше детей, чем уже есть. И вообще, что скажут мама и учительница, когда узнают?

Если беременность протекает с осложнениями, тут вопросов просто нет: какая нормальная женщина будет гробить свое здоровье или рожать больного ребенка, чтобы потом всю жизнь работать на аптеку?

Историческая справка: Искусственный аборт, как метод избавления от нежелательной беременности, был известен в глубокой древности и распространен во многих странах. По законодательству Древней Греции и Рима жизнь плода не охранялась, и искусственное прерывание беременности не каралось, но плодизгнание рассматривалось как безнравственный поступок.

Современное общество активно помогает беременной женщине в принятии решения лечь под нож, и вопрос о безнравственности аборта не возникает. Из школьного учебника по биологии последнему двоечнику известно, что зародыш проходит несколько стадий своего развития: икринка, головастик с жабрами, головастик без жабр и так далее, повторяя эволюцию животного мира аж до человека. Так о какой нравственности говорить, если дело касается головастика, да еще и с жабрами – к ногтю его! Женщина может самостоятельно распоряжаться собственным телом!

Мы зачастую смотрим на зародыш, как на потенциального агрессора, могущего разрушить хрупкое равновесие семейного бюджета, мешающего карьере, учебе, взаимоотношениям с любимым человеком. А к агрессору у нас отношение известное: от меча и погибнет.

С точки зрения официальной медицины аборт является операцией по преднамеренному прерыванию беременности в сроки до 28 недель. Вроде аппендицита. Для кого-то может показаться удивительным, но великий медик древности Гиппократ рассматривал аборт, как поступок, недостойный врача. В присяге, которую давали врачи школы Гиппократа, сказано: «...я не вручу никакой женщине абортивного пессария» (т.е. средства – авт.).

– Но ведь и наши медики принимают клятву Гиппократа! – воскликнет искушенный читатель и будет не прав. Потому что наши медики не принимают клятву Гиппократа. Клятва Гиппократа отменена в Советской России после 1917 года и не признается до сих пор.

Наши медики принимают клятву советского врача, в которой нет ни слова о необходимости защиты жизни не рожденного ребенка, а потому и «абортивный пессарий» женщине дадут с легкостью и своими руками помогут изгнать плод из лона. Кроме того, аборт – дело прибыльное.

Отбрасывая иронию, задумаемся в ужасные факты статистики. На каждого родившегося в Днепродзержинске ребенка приходится двое убитых во время аборта. Детям не дают родиться. Общество должно задуматься над страшными цифрами и что-то предпринять.

«Что-то», конечно, предпринимается. Предпринимаются попытки улучшить жизнь людей, но пока ничего путного не выходит, наоборот, становится все хуже. В женских консультациях говорят о вреде аборта, но потенциальные матери их мало слушают. Что простой женщине до статистики? Для женщины статистика не аргумент. Если беременность является позором, либо перспективой «плодить бедность», то вряд ли беременную женщину отвлечет от аборта благородная мысль, что она может подарить вымирающей Родине нового гражданина. Да и цель данных рассуждений не в том, чтобы повысить рождаемость в нашей стране или хотя бы в родном городе.

Цель в том, чтобы сказать правду, что такое аборт. Для тех, кто не знает.

С точки зрения современной биологии, жизнь человека начинается с момента слияния ядер мужской и женской половых клеток, то есть, с момента оплодотворения. А это значит, что преднамеренное уничтожение зародыша любого возраста равносильно убийству. Не более и не менее. Появление ребенка на свет из чрева матери, его первый вздох и первый крик – это далеко не первое мгновение его жизни. Жизнь младенца к этому времени насчитывает уже около девяти месяцев, и в его жизни происходила масса событий, неви-

димых миру, но известных ему самому и немного его маме. И никакой он не головастик с жабрами и никогда им не был. С первых секунд своего существования он был Человеком, маленьким еще человеком, со своими маленькими радостями и маленькими проблемами. Например, чтобы его не убила родная мама.

Как повезло всем читающим и отворачивающимся от этих строк! Нас не убила наша мама, она не сделала аборт, а дала нам возможность родиться. А вот те, не родившиеся, за что приговорили их к смерти? В чем они были лично виноваты? В том, что мама и папа были неосторожны в своей любви, страсти, похоти? А опомнившись, не нашли ничего лучшего, чем убить в больнице свое дитя?

Аборт никогда не был операцией, потому что зародыш не является частью тела беременной женщины. Он – самостоятельный организм. И лоно женщины есть тем волшебным местом, той составляющей частью удивительного Божественного таинства, дающего, дарующего новую жизнь из слияния мужского и женского начала.

Иногда у нас с гордостью пишут о снижении смертности женщин при абортах. И действительно прекрасно, что меньше умирает женщин. Но, прошу вас, подумайте, что смертность детей при абортах всегда одна и та же. Она равна 100%. Ее невозможно снизить. Аборт для ребенка всегда смерть, всегда приговор, вынесенный ему матерью и отцом и профессионально исполненный представителями самой гуманной в мире профессии.

Но о сущности аборта, как детоубийства, всегда неустанно говорила Церковь. Согласно христианским воззрениям, Господь вручает человеку душу, то есть, делает его Своим образом и подобием, в момент оплодотворения. Обратите внимание, как невероятно близки традиционная позиция Церкви и современной науки! Но Церковь смотрит дальше. Поскольку не родившийся человек, как и взрослый, имеет свою бессмертную душу, то после смерти произойдет встреча родителей с душами убитых ими детей.

Каждый человек, который участвует в ужасающем действии аборта, что бы он сам не думал, участвует в убийстве. Он участвует в убийстве и совершает преступление перед Господом, который заповедал: Не убий!

Но церковь не намеревается таким образом растоптать виновных и сузить область милосердия. Она не только обличает, открывает глаза и указывает родителям на тяжесть преступления и непоправимый ущерб, нанесенный невинно убитому ребенку.

«Особое внимание мы хотели бы уделить вам, женщины, которые решились на прерывание беременности. Церковь знает, сколько составляющих могло повлиять на такое решение, и уверена, что во многих случаях это было болезненное, а может и драматическое решение. Наверное, рана еще не зажила в ваших сердцах. Но все равно, то, что случилось, было и будет глубоко недостойным. Но не печальтесь и не теряйте надежду. Отец всего милосердия ожидает вас, чтобы подарить вам Свое прощение и мир. Вы сможете попросить прощения у своего ребенка, и сделать свой болезненный опыт может быть наиведительным аргументом в охране общечеловеческого права на жизнь».

Иоанн-Павел Второй.

Почти каждый мужчина – и я среди них – посылал свою женщину на аборт. Многие – на несколько аборт. Некоторые – заставляли или не противились прерыванию беременности не менее 20 раз. О «рекордсменах» известно мало, но они наверняка есть. Сделать аборт несложно.

Через четыре года Валентина забеременела вновь.

– Узнав о беременности, я решительно шла на вынашивание ребенка. То, что произошло в девяносто четвертом году, стояло в моем сознании, как «код». Я была уверена, даже чувствовала, что если пойду на аборт – назад не возвращусь. Но вот я узнаю о патологии плода – отсутствии кости черепа (экзенцефалия). О дальнейшем вынашивании ребенка, казалось, не могло быть и речи, и когда в гинекологии мне дали направление на аборт, я согласилась на это. Срок был 15-16 недель, я уже чувствовала слабенькое шевеление плода,

и мне было жалко этого ребеночка. Пойти просто в больницу и сделать аборт меня удержало неведение ксендза Мартина. Он уже знал, что я беременна, поэтому я считала своим долгом сообщить о намерении прервать беременность, считая это необходимой формальностью. Каково же было мое удивление, когда он сказал: «Ни в коем случае! Пока ребенок жив, он должен жить». Я пыталась объяснить ему, какой это ребенок: женщина вынашивает дитя, чтобы родить и видеть его живым, а у меня совсем было все иначе. Ребенок, не успев родиться, должен умереть, или вообще родиться мертвым. Кроме всего, — и это было ужасным, — какой вид он должен иметь! Но Мартин ответил: «Страшный? Это что, не человеческий ребенок? На кого же он тогда похож? Этот ребенок уже наказан за наши ошибки — экологические, социальные, нравственные — и мы не то, чтобы дать ему пожить столько, сколько отводит ему Бог, убиваем его, мешаем его маленькой возможности узнать, что такое жизнь. Если мы знаем, что наши мать или отец обречены, почему-то не ускоряем их смерть. Почему же считаем, что вправе распоряжаться жизнью этого ребенка?»

Все эти убедительные слова на меня очень сильно подействовали, но стоило только пройти несколькими днями, моя решимость падала, я снова сомневалась и опять не знала, что делать. Тут я решила обратиться к Ольге Казимировне, чтобы она переговорила с ксендзом, мы с ней оправдывали решение врачей. И вот мы вдвоем пришли к ксендзу. Перед этим Ольга Казимировна говорит: «У меня с ним был такой разговор, что мы даже поругались». Ксендз Мартин повторял нам то, что говорил недавно мне, и наша настойчивость не шла ни в какое сравнение с его убежденностью. Когда мы вышли от него, то сказали друг другу:

— Будем рожать!

Это было вызовом всем. Всем, кто хоть как-то пытался нам помешать. Мартин не заставлял меня, и одновременно не считал, что если я прерву все же беременность — это изменит напрочь его отношение ко мне. Нет! Просто он хотел, чтобы я своим сознанием поняла значение человеческой жизни. Благодаря этому человеку и большой поддержке Ольги Казимировны, как врача и как женщины, ребенок мой прожил 36 недель. Это была его жизнь, он чувствовал ее, чувствовал меня, его маму, и ему было хорошо.

Постоянно ксендз Мартин «подпитывал» меня своей любовью к жизни и к Богу. Меня не нужно было уже в чем-то убеждать или уговаривать, просто я нуждалась в присутствии этого человека, в его слове, взгляде, улыбке.

Любовь и привязанность к ребеночку росла с каждым днем, ежедневно в молитвах благодарила Бога за прошедший день, который прожил мой малыш, просила для него нового дня. С Олей у меня завязались такие отношения, которые были больше дружбы, нас связывала маленькая жизнь и Божье знамение, которое имело место в ней. Мы всеми силами боролись за жизнь ребенка.

Жаль, что в этой борьбе нам не помогали врачи. Меня называли «бичом женской консультации» и любыми уловками пытались отправить в стационар. Уверяли, что произошло замирание плода, и ребенок начнет разлагаться внутри меня. Мне становилось страшно, и я бежала за советом и поддержкой к Ольге Казимировне. Я чувствовала, слышала ребенка, но врачи меня не слушали, я не обижалась на них, но хотелось бы, чтобы они хотя бы щадили меня просто как женщину, которая беременна.

Ольга Казимировна также наткнулась на глубокое непонимание и скрытую неприязнь врачей женской консультации. Гинекологи считали, что Ольга Казимировна вместе с ксендзом Мартином вводят в заблуждение бедную женщину из чувства, близкого к религиозному фанатизму. Их подозревали в «экспериментах» над беременной и не желали слушать ни о каком праве человека на жизнь, и ни о какой защите не родившегося ребенка.

— А если он выживет? — приводили они наиболее убийственный аргумент, — И потом всю жизнь будет мучаться в непрерывных ужасных болях и проклинать всех вас за подарен-

ную ему жизнь? А если в нем не будет ничего человеческого, вы что – будете радоваться тому, что ребенок даже не понимает, кому он обязан своими страданиями? А если он при родах убьет мать? Ваша совесть будет чиста?

От этих вопросов мог дрогнуть и неслабый противник абортот.

Но были и другие гинекологи. Такие, как американский врач Бернард Натансон, который задумался над тем, насколько безобидны его действия. Натансон прибег к ультразвуковой киносъемке аборта трехмесячного эмбриона. На экране до ужаса четко виден трехмесячный ребенок, мечущийся в матке с раскрытым ртом в немом крике, понимая, что его убивают. Но не удрать... медицинская кюретка (инструмент, которым делают аборты) отрывает то ручку, то ножку, дробит головку человека, который уже все чувствует.

Ряд украинских гинекологов, понявших, что аборт – это убийство, начали свидетельствовать о переменах своих взглядов. На семинарах, устраиваемых международной организацией «Pro Life» («За жизнь»). Побывав на таком семинаре, Ольга Казимировна вернулась убежденным сторонником защиты жизни не рожденного ребенка.

Отец Мартин не устал повторять:

– Случай с Валентиной, как пример возрастающей веры нашей сестры, знак Бога для нас всех, испытание нас, как христиан. Легко сочувствовать погибающим от голода детям Африки. Ты своего ребенка полюби таким, какой он есть, и не убей его. Доверься Богу, только Господь имеет право распоряжаться жизнью человека и больше никто. Может также и врачи наши впервые задумались, что движет матерью, охраняющей до последнего жизнь своего ребенка. Я думаю, совесть уже действует в них, скребет души, и они чувствуют внутренний дискомфорт. Почему врачи так настойчиво предлагают Вале пойти на аборт? Чтобы успокоить самих себя.

Ксендз Мартин проводил домашние Литургии на квартире Вали Чистяк, сюда же приходили братья и сестры из общины, поддерживая Валентину и одновременно черпая от ее мужества и ее Веры.

В отделение патологии родильного отделения 9-й горбольницы Валентина Чистяк поступила 9 июля 1998 года. В 10.25 она родила мертвую девочку с аномалией головы. Валя не убила своего ребенка, и ожесточенные споры по поводу ее поступка продолжались еще долго.

Окончание этой истории носило детективный характер.

К ослабленной после родов Валентине подошла старшая акушерка.

– Вы заберете ребенка?

– Как только меня выпишут, то заберу...

– У вас ребенок – урод, мы таких детей не выдаем. Вам нужно сдать двадцать гривен.

Здесь было что-то не так. В костельной столярной мастерской ребята изготовили гробик, чтобы по-человечески похоронить ребенка. К тому же патологоанатом, как и заведующая отделением роддома, не возражали против выдачи тела девочки. Но, когда мы пришли в морг после выписки Валентины из роддома, нам сказали, что тело ребенка... исчезло. Как в пьесе театра абсурда все перевернулось с ног на голову. Белое превратилось в черное, никто ничего не знал, но все вроде было в порядке: самое страшное позади, роженица осталась жить, а что нет ребенка, так, может, его и не было? Аплодисменты!!!

После разговора «костельной» делегации с начмедом больницы, та призвала старшую акушерку, которая быстро вспомнила, что еще четыре дня назад отвезла тело ребенка на кладбище и захоронила его в отдельной могиле в картонном ящике.

Посткоммунистическое общество содержит своих граждан в таких условиях, что возможность получить несколько гривен от захоронения чужого ребенка воспринимается как некая привилегия, как собственный маленький бизнес, могущий чуть облегчить ярмо повседневности.

По суровому указанию начмеда старшая акушерка родильного отделения и патологоанатом морга оказались в салоне микроавтобуса, едущего на кладбище Соцгорода. Кроме них, в микроавтобусе находились Валентина Чистяк и прихожане костела Виктория Ма-

лик, Ольга Жидкова, Стас Шевчик, Александр Слоневский. На полу салона стоял маленький гроб с латинским крестом на крышке.

Стоял изнуряющий зной середины лета. Удушающие волны горячего воздуха накрыли кладбище, где мы под руководством старшей акушерки безуспешно искали нужную могилу. Акушерка путалась и не могла точно указать место захоронения. И не мудрено. Кладбище – этот Город Мертвых – казалось огромнымместилищем Смерти, застывшим конвейером, готовым принимать новые и новые тела, и только ждущим нажатия на кнопку «пуск», чтобы, заскрежетавав лопатами, поглотить в свое чрево очередную порцию покойников. Необозримое безжизненное пространство с заполненными и пустыми могилами никак не располагало к размышлениям о вечности, здесь хотелось только одного – уйти отсюда. И поскорее.

Наконец было сказано: «Здесь». Мы начали копать. Лопаты вгрызались в желтую глину и выбрасывали ее окрест углубляющейся ямы. Все происходящее казалось мне противоречивым, ненужным, надуманным и в чем-то даже кощунственным. Зачем заниматься гробокопательством, проверять, здесь ли на самом деле покоится ребенок, если в этом клятвенно уверяла похоронившая (или закопавшая?) его женщина. Но Стас, как заведенный, копал и копал. Девчонки отгребали глину, и все напряженно вглядывались в могилу.

Наконец – или это только почудилось? – лопата наткнулась на что-то твердое. Показался край картонной коробки. Стас Шевчик начал осторожно освобождать ее из-под глины и подал на поверхность. Патологоанатом надела резиновые перчатки и попросила всех, кроме матери и акушерки, отойти в сторону. После опознания ребенка, его завернули в чистую пеленку и положили в гробик. В сотне метров от глиняной ямы, чуть не ставшей последним прибежищем малютки, произошло ее перезахоронение. Девочку, освобожденную от картонной упаковки, опустили в гробу в могилу. Сверх свежего холмика положили цветы. А Стас прочитал молитву: «Радуйся, Мария, благодати полная! Господь с тобою... Молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей». В этот момент мне показалось, что Дух Господень сошел к нам и освятил происходящее. Все обрело глубокий смысл, и я почувствовал себя человеком, у которого наконец-то открылись глаза.

Обратно ехали в молчании. Почти при выезде с кладбища дорогу преградила очередная траурная процессия. Наш водитель деликатно просигналил, прося дать возможность проехать.

– Вы что, не видите? Здесь похороны! – укоризненно бросили ему из процессии.

Не знаю, оценили ли мои спутники своеобразный юмор ситуации, когда сидевшая рядом старшая акушерка вдруг решительно выкрикнула:

– А у нас что, не похороны? У нас тоже похороны! Точно такие же!

Глава 10

И такое было...

Конечно, жизнь общины Святого Николая состояла не из одних будней ремонта души и праздников восстановления костела.

Между краеугольными камнями возрождающегося храма не было пустоты. Цемент человеческих отношений, замешанный на укрепляющейся вере, соединял камни в блоки, и здание костела – духовное и физическое – росло от фундамента ввысь. Глядящему со стороны и не видящему сути, судящему об Украине по ее козацким шароварам, а о религии – по числу отбитых поклонов, может показаться, что внутренняя жизнь Церкви – это беспрерывное стояние на коленях, бесконечное шептание непонятных молитв, замаливание бесчисленных грехов, ну и крестный ход на Пасху. «Светскому» человеку свойственно постоянно ошибаться по поводу того, что же на самом деле происходит за дверьми храма. Фантазия не рисует ничего, кроме свечей в полутьме церкви, запаха ладана и бабушек-

богомолот с поджатыми губами, осуждающе глядящих на зашедших без платка. А внутри храма – жизнь. Здесь песни и радость не связаны с употреблением алкоголя. Здесь можно увидеть свет в конце бесконечного тоннеля. Здесь в избытке высокое, чистое, настоящее. И смешное.

На одной из месс, проводящейся на польском языке, во время всеобщей молитвы, пани Валерия Скорик начала молиться о ксендзе Мартине и сестрах-монахинях и окончила свою мысль словами:

– Добрый Езу а наш Пане, дай им вечно спочиване!

В переводе на русский это означало: «Добрый Иисус – наш Господь, дай им вечный покой!» Что-то у пани Валерии перепуталось в голове и вместо того, чтобы произнести молитву за здоровье, она высказалась за скорейший упокой души и ксендза и сестер. В зале бездымным порохом пронесся огонь еле сдерживаемого смеха, покашливания, кто-то не удержался и прыснул. Ксендз Мартин, стоящий за амвоном, сквозь запотевшие очки пытался невозмутимо смотреть на пани Валерию и очевидно размышлял – произнести ли ему «аминь!». Стоявшая рядом с Валерией молоденькая монашенка Мария-Эстелла покраснела от натуги, не сдержалась и начала кашлять, ее душил внутренний смех.

Пани Валерия, до которой постепенно доходил смысл ее молитвы, присела в извинительном книксене перед ксендзом Мартином и начала толкать сестру Марию-Эстеллу, чтобы та успокоилась. Затем пани Валерия перекрестилась – «Прости меня, Господи!» – и что-то пыталась объяснить, но ее никто не слушал. Обстановка в костеле грозила превратиться в карнавальную. Ксендз Мартин взял инициативу в свои руки и, успокаивая расшалившихся прихожан, вознес канонически молитву за здоровье пани Валерии.

.....

В католической мессе есть момент, когда перед евхаристической молитвой – словами священника, повторяющего слова Христа на Последней Вечере – «Это есть Тело мое, которое за вас будет предано» – верующие становятся на колени. Сигналом к этому служит звон колокольчика мальчика-министранта.

В тот день министрантом был Кирилл Шатик. Милое лицо Кирилла, обрамленное белокурыми, волнистыми от природы волосами, напоминало ангельское с картин Рафаэля. На этом сходство Кирилла Шатика с ангелом кончалось. Живой, непоседливый, постоянно готовый к проказам, Кирилл доставлял всем – и ксендзу Мартину в первую очередь – массу хлопот и требовал непрерывного внимания.

И вот, когда до указанного выше момента оставалось еще предостаточно времени, Кирилл взял в руки колокольчик и, ангельски улыбнувшись, зазвонил что есть силы. Рефлекс сработал, и зал упал на колени. Понимание того, что случившееся несколько противоречит чину мессы, произошло через мгновение. Кирилл кротко излучал неземную невинность. Отец Мартин, блеснув очками в сторону министранта, сделал вид, что ничего не происходит. И, правда: почему бы и не постоять лишних пять минут на коленях? Может это послужит для нашего религиозного обращения...

.....

На Страстную Пятницу 1993 года мы взяли в музей истории города гипсовую фигуру Иисуса Христа в гробу. До реставрации этой скульптуры дело пока не доходило, но фигура Христа, снятого с креста и укрытого пеленами, находилась в относительно приличном состоянии, таком, что ее можно было выставлять в предпасхальные дни. Когда пришло время возвращать скульптуру в музей, два наших Сергея – Федоров и Никитин – обернули фигуру целлофаном, положили ее на носилки и понесли из костела в музей. Выполненная в натуральную величину фигура – да еще под целлофаном – была неотличима от реального человека. Спаситель, бессильно вытянувшийся на своем ложе, покрытый кажущимися прозрачными пеленами, с тонкими чертами заострившегося лица и мертвенно-бледным телом лежал на носилках. Кровь, проступающая на боку и на сложенной на груди руке и

видная сквозь полупрозрачный целлофан, усиливала впечатление того, что несут тяжело раненного, а может даже и покойника.

При каждом переходе дороги машины уважительно притормаживали и пропускали ребят с носилками, прохожие с любопытством поглядывали на ношу и говорили:

– Отмучался, бедняга!

Что ж, они были недалеко от истины. Сергей Никитин пытался еще и псалом подходящий запеть, но, по мнению другого Сергея – Федорова – это было уже слишком.

.....

Сергей Федоров стал практически от начала служения ксендза Мартина «и швецом, и жнецом» костела Святого Николая. Сергей не был верующим человеком, может даже наоборот. Его, выражаясь словами отца Мартина, можно назвать «симпатиком» костела. Но преданность и любовь к костелу и настоятелю со стороны Федорова не имели себе равных. Сергей приходил на костельные руины и весь в пыли, копоти, грязи, но счастливый и окрыленный, разбирал завалы прежних времен. Частенько он задерживался до самой ночи, потом оставался на дежурства до утра, и отче Мартин сказал как-то ему:

– Сережа, берите в холодильнике все, что видите, не стесняйтесь.

Заглянув субботним вечером в «холодильник», Сергей обнаружил там колбасу, масло, сыр и... полбутылки «Кагора».

– Неплохо! – сказал сам себе Сергей и налил полстаканчика.

После трудового дня, под колбасу и сыр, вино шло очень хорошо.

В воскресенье утром, за несколько минут до мессы, ксендз Мартин открыл «холодильник» и побледнел.

– Сережа! А где вино? Здесь было вино!

– Отче, я его выпил. Вы же сами сказали, брать все, что есть, и не стесняться.

– Сережа, ведь это вино для Причастия, через пять минут месса...

Ксендз Мартин, в чем был, выскочил на улицу за вином. Месса без Причастия не может состояться!

.....

Лето. Июль. Жара. Вторник. В костеле пусто. Все разъехались, разбежались или расползлись. На лавочке перед монастырем сестер-назаретанок в черном хабите сидит сестра Малгожата. Она читает breviарий. Как ей удастся сидеть на солнцепеке и при этом читать breviарий – загадка. Я, высунув язык, кисну в офисе и делаю вид, что работаю на благо костела. Ничего не хочется. Разве что холодного пива. Вижу, как в окне промелькнули две женские фигуры. Стук в дверь. Встряхнувшись от дремоты, по возможности энергичным голосом, прошу входить.

Одна из вошедших была невысокой, очень смуглой черноволосой женщиной, другая – повыше, с русыми волосами и простыми «русскими» чертами лица.

– Здравствуйте вам, – дрожащими голосами сказали женщины, и я понял, что сейчас они начнут плакать.

Так и случилось. Сквозь всхлипы и причитания выяснилось, что передо мною беженки из Чечни. Спасаясь от войны, они добирались в Польшу, где у черноволосой, которая по отцу или деду была полькой, находились какие-то дальние родственники. Поезд на Варшаву уходил вечером из Днепропетровска, и женщины, узнав, что в Днепродзержинске есть костел, приехали к нам.

– Я знаю, что в костелах – честные люди, – сказала черноволосая. – И, уезжая в Польшу, в память о своем отце я хочу пожертвовать старинную икону.

– Икону?! – поразился я. – Здорово!

– Да, икону. И еще персидский ковер. Нет, два ковра.

– А зачем нам два персидских ковра? – растерялся я, и, тем не менее, мысленно прикидывая, как неплохо бы смотрелись персидские ковры у алтаря. – Нет-нет, мы не можем брать

от беженков такие подарки, разве эти ковры не пригодятся вам самим?

– Вы не думайте, – вступила в разговор другая женщина, – в Чечне мы жили очень богато и вещей взяли много – всю жизнь наживали. Везти все это через границу очень хлопотно. А если таможенники отберут ковры на границе? Так не лучше ли пожертвовать их добрым людям?

«Логично, – подумал я, – чем оставлять таможенникам ковры, так лучше уж пусть они у нас полежат».

– Ладно! Несите икону и ковры, мы вам за них будем очень благодарны, но помните, если вы вернетесь обратно, то ковры сможете всегда у нас забрать.

Женщины так обрадовались и стали так горячо меня благодарить, что я уже не понимал: это они нам дарят ковры, или я – им?

– Через три часа мы вам все привезем, а сейчас у нас к вам еще одна просьба.

– Какая?

– Мы везем с собой золото и боимся, что на границе его у нас отберут...

– Ну и?..

– Купите его у нас вполцены... Вы потом на этом очень выиграете.

С этими словами черноволосая извлекла откуда-то пригоршню золотых колец и рассыпала из на столе передо мною. Кольца были самые разные – массивные печатки и тоненькие обручалки, но все с белыми бумажными бирочками на шелковых нитках.

– Если вы у нас купите кольца, то мы вам одно просто подарим, выбирайте, какое хотите.

– Но почему бы вам не отнести кольца в пункт приема золота, вы получите гораздо больше, чем полцены.

– Мы всего боимся... Такая преступность! И времени уже совсем мало, чтобы ходить по пунктам приема золота в незнакомом городе. Какое вы выбрали кольцо?

Глядя на кольца, я начал прислушиваться к себе: шевелится ли во мне алчность? А смотри ж ты – зашевелилась!

– Значит, давайте сделаем так. Через три часа вы привозите икону и, если хотите, ковры. Золото брать мы не будем.

– Молодой человек! Здесь без обмана, купите кольца! Очень просим!

– Нет, они ведь стоят кучи денег!

– Купите, просим вас! Возьмите себе два кольца – одно жене подарите.

– Извините, не можем. Приходите через три часа.

Когда они удалились, я подошел к сестре Малгожате и передал ей содержание разговора.

– Золото? – сестру даже передернуло. – Золото – это соблазн. Зачем нам золото?

Прошло несколько дней. Проходя мимо городского рынка, я увидел толпу цыганок.

– Угости сигареткой, красивый!

– Хочешь, правду скажу?! – задевали они прохожих.

Среди цыганок я узнал недавнюю «чеченскую беженку». Чуть поодаль, в другой группе, стояла женщина с простыми «русскими» чертами лица и выкрикивала:

– Рабочее! Куплю рабочее! Ботинки, спецовки, рукавицы! Куплю рабочее!

.....

Ксендз Мартин довольно регулярно встречался с настоятелем Свято-Николаевского православного Собора отцом Александром Свидуневичем – пастырем самой крупной и влиятельной христианской общины в Днепродзержинске. Они обменивались поздравительными открытками на главные праздники, обоюдно посещали костел и церковь и, кажется, между ними установились отношения личного уважения, некоего христианского паритета, основанного на взаимном признании равносестринской сущности Православной и Католической Церквей. Но внутренний дух первенства, присущий каждой церкви, претендующей на роль Вселенской, бродил в умах настоятелей, и при личном общении они не могли удержаться от легкого обмена словесными уколами, хотя и не пробивающих панцирь благочестия сестры-церкви, но, тем не менее, приятно щекочущих нервы самой возможностью нанести укол. Наблюдать за словесной дуэлью настоятелей было одно удо-

вольствие.

Как-то на большой православный праздник Крещения Господня отец Мартин пришел в Свято-Николаевский Собор. В качестве подарка он взял с собой около десяти бутылочек с освященной водой из реки Иордана, в которой принимал водное крещение сам Христос. Бутылочки были прекрасно упакованы и с точки зрения христианина представляли собой замечательный сувенир.

Отец Александр троекратно расцеловал ксендза Мартина.

– Благодарю сердечно. Но как разделить сию иорданскую воду среди православных братьев нашего прихода? Поглядите, сколько их!

Действительно, зрелище было сильным. Большой и красивый собор окружала плотная толпа прихожан. Они стояли в очереди за освященной водой, щедро выдаваемой из большой бочки, в которой обычно развозят молоко или квас.

– А хотите, отец Мартин, мы вам тоже отольем освященной воды – хоть ведро! – для ваших прихожан и безо всякой очереди?

– Спасибо большое! – со скромным достоинством отвечал отец Мартин, – Но у нас нет дефицита в освященной воде, освятить воду я могу и сам...

Выдержав паузу, ксендз Мартин продолжил:

– Однако рад был выслушать ваши слова, досточтимый отец Александр, они еще раз напомнили мне о единстве корней наших церквей, и я думаю об экуменичности вашего предложения поделиться с нами освященной водой.

– Да, экуменизм – дело хорошее, но очень опасное. Помните, как наш Патриарх приехал к вашему Папе с экуменическим визитом? Он умер прямо в папских покоях, о каком после этого безопасном экуменизме можно говорить?

– Вы совершенно правы, благочинный отец Александр, умереть на руках самого Папы – великая честь, о такой смерти можно только мечтать.

.....

Благодаря отцу Мартину, его личным связям, большому авторитету и уважению, которые он имел, кажется во всех концах земли, группа костельных и «околокостельных» детей выехала на летний отдых-95 в Польшу. Путь из Днепродзержинска до Жешува лежал через Львов, где у нас была пересадка.

Имея дело с Министерством путей сообщения, трудно что-нибудь просчитать наперед. Тот запас времени, который мы давали на возможное опоздание, был многократно перекрыт, и во Львов поезд довез нас на восемь часов позже. Электричка до Жешува отправлялась теперь только завтра, и мы получили приют в Львовском кафедральном костеле. Руководители поездки нервничали, а дети воспринимали происходящее как веселое приключение и были совершенно всем довольны. Ночь мы провели одетыми, уложившись покатом на каких-то коврах, а утром, имея еще достаточно времени, собрались идти на мессу.

Но вот беда – мы заблудились в бесчисленных коридорах и переходах кафедрального костела и никак не могли найти выход в литургический зал. Наконец, наткнувшись на приоткрытую дверь и открыв ее, увидели комнату, доверху набитую стеллажами с книгами. За столом, спиной к нам, сидел какой-то священник в красной шапочке и что-то писал. Обернувшись на скрип двери, он вопросительно посмотрел на нас.

– Извините, мы тут заблудились и не знаем, как отсюда выйти.

– Точно так же, как и заходили – через дверь, – пошутил священник, но, видя наши растерянные лица, указал направление выхода.

Указанная дверь была закрыта на щеколду, и, открыв ее и выйдя на свободу, мы решили, что дверь таки надо для порядка снова закрыть, и сделали это уже снаружи.

В литургический зал мы попали за несколько минут до начала мессы и, слегка ошеломленные, любовались красотой кафедрального костела. Да, это вам не днепродзержинские руины! А месса почему-то не начиналась.

Богослужение должен был отправлять сам епископ, но он неприлично долго задерживал-

ся.

– Это на него непохоже, – слышали мы шепот вокруг себя.

Минуты бежали одна за другой, а служба все не начиналась. Наконец зазвенел колокольчик, и в окружении министрантов и священников к алтарю вышел епископ. К своему удивлению, мы узнали в нем того человека, который помог нам выбраться из костельного лабиринта. Не успев переварить увиденное, мы услышали за спиной сердитый шепот.

– Что вы наделали! Вы зачем закрыли епископа? Что это за шутки с его преосвященством? Оглянувшись, мы поняли, что к нам обращается служительница костела. Краска стыда залила лицо: перед глазами фотографически отчетливо всплыла дверь, которую я закрываю снаружи на щеколду, оставляя епископа взаперти. Боже правый! Дай нам вечно спочиване!

Глава 11

Ксендз-строитель

Когда заходит речь о реставрации костела, редкий собеседник удерживается от соблазна предложить католикам обратиться за помощью к Папе Римскому. Разумеется, делается это из лучших побуждений. Товарищу кажется, что он дает прекрасный совет, заметив свежим взглядом выход, мимо которого слепо проходят непрактичные католики.

На самом деле все обстоит не так просто. На территории бывшего СССР трудно найти костел, который оставался бы не оскверненным, и никаких папских средств не хватит, чтобы в одночасье восстановить все разрушенные Советской властью католические храмы. Поруганный костел Святого Николая в Днепродзержинске, при всех его архитектурных достоинствах, не являлся никаким исключением в бесконечном ряду нуждающихся в немедленном восстановлении католических храмов Украины. Поэтому выход надо было искать на месте.

Благодарение Богу, нашлось немало людей, кто словом, делом или молитвой способствовал возрождению духовной святыни и архитектурного шедевра.

Восстановление костела начиналось... с разрушения. Разрушение многочисленных внутренних перегородок, простенков, стен, лестниц и эстакад, потолка второго этажа, барельефа с классиками марксизма и печально известной трехэтажной пристройки – символа «хозяйского» подхода к костелу советской власти – являлось необходимым условием и плацдармом для продвижения вперед. Более чем ветхая электропроводка, водоснабжение и система отопления с безмолвным ехидством вопрошали решившегося привести это хозяйство в порядок: «А ты случайно не пациент соседней психиатрической больницы? Нет? Значит, будешь!» Все проржавело, протекало, протыкалось пальцем и продувалось насквозь.

Увидев впервые костел и оценив объем разрушения и соответственно объем предстоящих работ, ксендз Владимир Дзидух из Донецка сказал отцу Мартину:

– Да, ойченька, я вам не завидую. Легче построить новый костел, чем восстановить то, что вам тут досталось в наследство.

«Наследник» спорить не стал. Что тут спорить?

Не знаю, есть ли какие-то каноны в подходах католических священников перед восстановлением очередного храма, но ксендз Мартин начал с того, что «обаял» всех. И как дополнение к сему обаянию появилась строка-воззвание в местных «Ведомостях»:

– Не все мы являемся католиками, но как патриоты своего города, многие из нас могли бы внести свой вклад в возрождение одного из красивейших сооружений – единственного в Днепродзержинске здания неоготического стиля, костела св. Николая. А потом – гордиться этим всю жизнь.

Первая половина девяностых годов уходящего в историю двадцатого века ознаменовалась для Днепродзержинска резким спадом в экономике и лавинообразным ростом городских проблем. Предприятия одно за другим валились набок и оказывались на грани выживания, бюджет трещал по швам, начались массовые задержки с выплатой зарплат и пенсий. И если в условиях «великой украинской депрессии» руководители организаций и предприятий находили возможность и мужество помочь возрождающемуся костелу, то тем большей благодарности и уважения заслуживают эти люди, как и сам настоятель костела, которому удалось достучаться до сердца каждого из них.

Чувство признательности и долга перед делавшими для костела добро, заставляет перечислить их поименно. Чтобы о них знали сейчас, а не вспомнили через сто лет, когда какой-нибудь энтузиаст-краевед, роющийся в пыльных архивах, вытянет папку, где старомодным слогом будет сказано о личном бескорыстном вкладе днепродзержинских руководителей в дело возрождения костела Святого Николая:

С. Шершневу, председателю горсовета: передача костела римско-католической общине, выделение средств на восстановление костела, отселение организаций с территории двора костела.

О. Плахотник, зам. председателя горисполкома: регистрация общины, передача костела католикам, отселение «неродственных» организаций.

Ю. Борисов, генеральный директор Днепровского металлургического комбината (ДМК): уборка территории двора костела, безвозмездное выделение оцинкованного листа, балки, швеллера, уголка, труб, запорной арматуры, чугунных радиаторов, стального листа, электродов, стекла, мела, бензина, керосина, стального прута, а также денежных средств на восстановление костела.

Н. Подберезный, главный инженер, впоследствии генеральный директор ДМК: медь, лес, кирпич, трубы, дизтопливо, известковый раствор, стальной уголок, асфальтирование дорожек, техника и рабочие бригады для уборки территории двора костела.

А. Карась, генеральный директор транспортно-фрахтового центра «Континент»: полвагона обрезной доски, средства на восстановление костела.

И. Локтионов, зам. председателя горисполкома: электрокабель, стальной уголок, алебастр, рубероид, кокс, электроплита, средства на восстановление храма.

Л. Тарасенко, главврач психиатрической больницы: обеды для костельных рабочих и настоятеля, временно – инвентарь, мебель, холодильник для делающей первые шаги общины, субботники в костеле силами больницы.

Н. Жидко, И. Коробский, трест «Дзержинскстрой»: известковый раствор, бетон, гравий, песок, ступени центрального входа в костел, стальная полоса.

Н. Вращук, начальник управления ЭЛУА: планировка территории двора костела, асфальтирование, песок, гравий, вывоз строительного мусора.

Ю. Торохтий, председатель заводского райисполкома: уборка территории, выделение средств на восстановление костела.

Л. Полякова, секретарь Заводского райисполкома: ходатайствовала за костел перед организациями, которые потом оказывали помощь, помогала советом в различных сложных ситуациях.

В. Михайлец, зам. директора «Днепровагонмаша»: стальной уголок, трубы, транспорт.

А. Овсиенко, директор завода «Метиз»: гвозди, сетка-рабица, проволока.

Н. Левченко, предприниматель: слесарный инструмент, стройматериалы, денежные средства.

В. Добрынин, зам. председателя горисполкома по капитальному строительству: способствовал решению технических вопросов, ходатайствовал перед строительными организациями о помощи костелу.

А. Кульчиковский, зам. председателя Заводского райисполкома: уборка строительного мусора.

В. Ромашенко, директор НПО «Стоик»: бензин.

В. Шалуев, директор мебельной фабрики: изготовление креста, скамеек для прихожан.
В. Товкевич, начальник отдела сырья и топлива ДМК: активно помогал реализации решений директора ДМК о помощи костелу, зная ситуацию на комбинате, подсказывал, что можно просить для восстановления костела.
Н. Березовский, директор цементного завода: выделение и доставка в костел цемента.
В. Скирда, директор завода железобетонных изделий: пенопласт для утепления.
А. Сокуренок, директор организации «Интермонтаж»: стальной квадрат.
П. Подгородецкий, начальник управления «Зеленстроя»: спиливание старых деревьев на территории двора костела и вывоз стволов.
В. Сичкарь, директор МП «Спектр»: краска, олифа, лак-олифа.
Л. Демченко, завотделом райкоммунхоза: организация вывоза строительного мусора.
А. Кучер, зам. председателя горисполкома: «советник» костела по многим важным вопросам, его открытая симпатия процессу возрождения костела помогала решению «не решаемых» проблем.
В. Базарянинов, редактор газеты «Знамя Дзержинки»: информационная поддержка, способствовавшая установлению благоприятного общественного мнения. Постоянно предоставлял страницы газеты для статей и материалов о ходе восстановления костела.

В этом списке нет имени одного человека. Это Владимир Федорович Котляр, заместитель генерального директора ДМК по общим вопросам. Владимир Федорович не принимал кардинальных решений по оказанию помощи костелу, но именно на его плечи выпадало практическое осуществление того, что было узаконено в самых верхах. Столько, сколько сделал этот человек для восстановления костела, сравнимо практически с любой позицией вышеприведенного списка. Котляр порой ворчал на нашу настырность, но если у него была малейшая возможность помочь костелу – он помогал «за спасибо». Спасибо вам, Владимир Федорович!

Однажды, когда мы совсем уже «достали» замдиректора, он сказал:

– Вы неправильно работаете с предприятиями. Кто же так просит? Придумайте большой праздник – Пасху или Рождество, создайте общественное мнение и под него просите у города помощь.

Слова Владимира Федоровича упали на благодатную почву, хотя «придумывать» ничего не пришлось: приближался 1997 год – год столетия костела Святого Николая.

Конечно, нам помогали не только директора. Не забудется, как операторы и вальцовщики сортопрокатного цеха ДМК, доменщики отдавали свои рукавицы-вачеги «на костел», как помогали служащие заводоуправления правильно оформить документы на получение безвозмездной помощи костелу.

Какой замечательный пример переплетения судеб дала нам история, о котором не стоит забывать: католики строили завод – завод построил для них костел, а потом активно участвовал в его возрождении.

При всем многообразии помощи, оказываемой городом костелу, потребности восстанавливаемого храма значительно превышали безвозмездно получаемое от исполкомов, предприятий, организаций и частных лиц. Подводная часть айсберга всегда многократно превосходит то, что возвышается на поверхности.

Ксендз Мартин неустанно обращался в различные церковные фонды Германии, Австрии, Польши, использовал свои связи и авторитет, поддерживаемый авторитетом Епископа Каменец-Подольского. Когда средства, отпущенные благотворительными фондами, иссякали, в ход шли личные сбережения отца Мартина и его сестры Беаты Теллер, проживающей на другом конце земли – в Соединенных Штатах Америки. А когда кончались и эти деньги, ксендз Мартин уезжал в Польшу на заработки. Служа мессы и читая лекции в богатых польских приходах, он зарабатывал на Днепродзержинск.

В свое время настоятель костела Святого Николая, бывший тогда просто Мартином Янкевичем, стремился поступить на архитектурное отделение политехнического института.

Знания, полученные когда-то, плюс природные качества и пришедший с годами опыт сполна проявились при восстановлении днепродзержинского костела. Ксендз Мартин любил пофантазировать на бумаге, предлагая различные варианты какой-нибудь технической идеи – будь это эскиз планировки будущего помещения либо дизайн шестиметрового окна или парадных входных дверей.

Не все получалось сразу. Не привыкший к обману или работе спустя рукава, ксендз нет-нет да попадался на удочку местных «специалистов». И тогда происходили следующие диалоги:

– А вот смотрите, у вас, прошу прощения, кладка получается неровная.

– Ничего, отец Мартин, кривизну уберем при штукатурке!

– Ах, что-то штукатуркой мало убралось.

– Не переживайте, отче, мы это дело обоями скроем.

Когда и обои не скрывали кривизны, ксендз нервничал и говорил:

– Вот это, прошу прощения, настоящий Советский Союз. Потерян вкус к профессиональной работе!

Восстановление костела требовало классных специалистов. И если при перестройке часовни и комнат для жилья с недостатком квалификации рабочих можно было как-то мирились, то костел изначально предполагал к себе совсем другой подход. Ксендз Мартин все мечтал вызвать из Польши архитектора по интерьеру, чтобы в едином стиле по единой концепции вести реставрационные работы.

– Понимаете, – говорил он, – мы здесь сделаем так, и будем думать, что сделали хорошо, в другом месте – эдак, и тоже вроде хорошо, в третьем месте – еще по-другому, и в результате получится эклектика или бардак. Пан Саша, вы понимаете значение слова «бардак»?

– О, да! – отвечал я.

Первыми такими специалистами, которых привез отец Мартин, стала бригада кровельщиков Иосифа Ивановича Цихоцкого из городка Мостиска Львовской области. Бригада, на восемьдесят процентов состоящая из сыновей «пана Юзефа», в бешеном темпе работала весь световой день. «Западенцы» перебрасывались отрывистыми, совершенно непонятными фразами, непрерывно стучали, пилили, строгают, резали, прибавали – и костел на глазах преображался под их умелыми руками. Всем недовольный Иосиф Иванович постоянно брюзжал, держал в бригаде железную дисциплину, признавал только «немецкий порядок» и немного ксендза Мартина. По воскресеньям пан Юзеф приходил на польскую мессу и громче всех пел псалмы. Мы выбивались из сил, чтобы угодить пану Юзефу по обеспечению фронта работ, а прихожанка Ольга Волошина – чтобы ежедневно кормить обедами ораву сборной команды «Восток-Запад» численностью до двадцати человек. И, кажется, Иван Иосифович слегка оттаял.

Затем в костеле работали штукатуры из Хмельницкой области, электрик Анджей Рослань из Варшавы; сквозные трещины в стенах костела заделывала бригада из Киева, а из городка Гнивань Винницкой области приезжал каменщик экстра-класса Петр Кухарский с напарником Виктором Алексютенко. Ксендз Мартин давно «охотился» за этой парочкой, а в особенности за Петром Кухарским, поднимавшим из руин Гниваньский костел. Тамошний настоятель долго противился – жаль отдавать такого специалиста! – но, в конце концов, сдался, и Кухарский с Алексютенко приехали в Днепродзержинск.

Петр Кухарский себе цену знал. Он критически относился ко всем специалистам – качество, кажется, всеобщее для мастеровых людей. Петя находил ошибки даже в столетней давности кладке Каменского костела. В рвении и профессионализме не уступал бригаде Иосифа Цихоцкого, а по человеческим качествам был, что называется, своим парнем.

Через сито костела прошло немало людей, желающих поучаствовать в настоящем деле, попробовать себя в настоящей работе или просто перекантоваться до лучших времен.

Многие из них довольно долго задерживались в костеле, делая самую трудоемкую, невидную, неблагодарную работу, расчищая место для будущих истинно восстановительных работ.

Всех, наверное, уже не вспомнишь, но все-таки...

С. Федоров, Г. Пожарницкий, Н. Бадун, А. Малик, В. Шеховцов, В. Галинский, С. Великодный, В. Дубинин, В. Довгаль, С. Шевчик, М. Ломакин, А. Шинкин, И. Касмынин, А. Савенков, И. Мовчан, Н. Гонта, В. Юркин, В. Георгиев, Г. Решетняк, В. Кожемякин, Л. Сиверов, Э. Антонюк, С. Сташук, В. Сташук, О. Васильев, О. Маринеску, Л. Володюшина. Каждый из них внес что-то свое, неповторимое в дело восстановления днепродзержинского костела Святого Николая.

Костельное сито, пропуская через себя золотосодержащую породу возрождающих храм, отделяло и настоящие самородки, достойные Петра Кухарского или Иосифа Цихоцкого. Специалисты, как выяснилось, живут не только к западу от Днепродзержинска.

Игорь Демченко – один из таких настоящих мастеров, которому костел обязан частью своей обновленной красоты. Игорь учился искусству реставратора в Харькове, там же работал на многих объектах, в том числе в костеле Успения Пресвятой Девы Марии. После переезда в Днепродзержинск предложил свои услуги в костеле св. Николая, став впоследствии активным прихожанином костела. Игорь Демченко вместе с Петром Кухарским и бригадой столяров во главе с Эдуардом Антонюком, вдохновляемые ксендзом Мартином, явились авторами возрождения прекрасного фасада костела Святого Николая.

Но прежде чем приступить к восстановлению фасада, его нужно было освободить, наконец, от каменных объятий пристройки, прижавшейся к костелу еще со сталинских времен. При Сталине воровали все-таки меньше, и кирпичная гадина «отца народов» отдавала синовой настоящего цемента. Идея отдать пристройку, как шедевр архитектуры соцреализма, под разборку предприимчивым частникам не увенчалась успехом. Лом и кувалда отскакивали от силикатной стены. Пришлось заказывать технику покруче.

День, когда приехал трактор-экскаватор и начал крушить пристройку, выдался празднично ярким и солнечным. Все, кто был на парафии, собрались у ворот костела и наблюдали, как экскаватор доисторическим исполином вгрызался в тело силикатного монстра и рвал его на части. Ксендз Мартин говорил в кинокамеру:

– Вот мы видим какое-то разрушение. Это единственное разрушение, которое мы приветствуем. Как сказал великий польский поэт Адам Мицкевич: дело разрушения – святое, как дело возрождения, если служит благой цели.

Через два часа все было кончено. Пристройка поверженным змием лежала у наших ног. Виват! Можно двигаться дальше. В белом венчике из роз – впереди Иисус Христос.

Глава 12

Милосердная любовь

Ксендз Мартин фонтанировал идеями. Озаренный в очередной раз, он полувопросительно предложил:

– Пан староста, а что если нам организовать «Каритас»?

Я не знал, что это такое – «Каритас», но ударять в грязь лицом перед ксендзом не хотелось. Кроме того, уверенность, что настоятель плохого не предложит, придала мне наглости, и я ответил:

– «Каритас?» Что ж, это было бы очень неплохо.

Отец Мартин внимательно посмотрел в мою сторону, и в меня малиновой краской стыда вошло чувство, часто приходящее на мессе во время его проповедей, когда мне казалось, что ксендз знает обо мне все. Говоря для всего зала, он обращался лично ко мне, щадя меня, не тыча пальцем, но, заглядывая в душу, указывал на тщательно скрываемый грех. Общество нуждается в милосердии. Ему позарез нужен ксендз Мартин – человек, умеющий сострадать, для которого чужая боль становится своей. Увлеченная перестроечными идеями, расчетливо – по западному образцу! – стремящаяся изменить жизнь к лучшему,

экономическая мысль занята народом и массами, забывая о человеке. Капитализм убивает точно также, как убивал социализм. Трудно легко жить! И хорошо, если у человека остается вера, помогающая с надеждой переносить отсутствие любви государства к своим гражданам, к себе самому.

Увы, очень часто уже нет ни веры, ни надежды. И утопающего в житейском море отчаяния надо подпитывать делами милосердия не потому, что утопающий имеет бессмертную душу, но просто потому, что ему есть нечего, потому что ему нельзя болеть, да и жить, похоже, тоже нельзя. Не по карману.

В 1994 году в Днепропетровске была зарегистрирована благотворительная католическая организация «Каритас». Латинское слово «Caritas» означает любовь милосердную. Чувство милосердной любви переполняло отца Мартина и наряду с глубочайшим уважением к личности другого человека и светлой религиозностью составляло фундамент мировосприятия настоятеля костела.

Каритас в Украине делал свои первые шаги и более развивался в Греко-Католической Церкви. Попав на семинар работников «Каритас» в Ивано-Франковске, я был поражен теми возможностями, которые открывались через сотрудничество с европейскими организациями «Каритас». Здесь функционировала народная больница для неимущих с аптечным пунктом, а сестры-монахини бесплатно выдавали лекарства по рецепту врача. Здесь открыли столовую и кормили обедами стариков и обездоленных, а за городом расположили первый в Украине реабилитационный центр для наркоманов, где пораженные страшной зависимостью люди под наблюдением врачей, священников и монахов проходили трудотерапию и врачебно-психологическую реабилитацию. Здесь было чему поучиться, чему позавидовать. Действенная поддержка не превращалась в узаконенное иждивенчество, о чем напоминал плакат в офисе Ивано-Франковского «Каритас», смысл которого сводился к следующему: мы искренне хотим помочь всем нуждающимся, но не обязаны это делать.

Сколько бы веков в костелах не занимались благотворительностью – материальной или духовной – она никогда не была и не будет сутью костела. Но общество больно и ему надо помогать. В меру своих возможностей костел через организации типа «Каритас» или самостоятельно берет на себя часть забот, которые должны были бы исполнять государственные инструменты. Одновременно он показывает пример того, как и в ненормальных условиях посткоммунизма можно не давать погаснуть надеждам людей на помощь. Люди должны почувствовать: они не одни, о них кто-то думает, сострадает и заботится.

Золотым приобретением днепродзержинского Каритас, дополнив его до триумvirата, стала Ольга Казимировна Гоциридзе, врач-терапевт, всеобщая любимица и выручалочка прихода. К ней за помощью хоть раз да обратился едва ли не каждый прихожанин костела, и всем она старалась помочь, и всех она старалась успокоить, ободрить, вылечить. Казалось, обезболивает уже одно ее присутствие и теплая улыбка. Призвание души, человеческие качества, перемноженные на долг врача, поднимали Ольгу Казимировну до высот личности ксендза Мартина. Кроме того, она с юмором и без обиды воспринимала дружеские подковырки с моей стороны, чем нравилась мне еще больше.

Вскоре мы стали свидетелями первого чуда. В костел зарулили два микроавтобуса, доверху набитые лекарствами. Пятьдесят тысяч долларов в виде сердечных и болеутоляющих средств, витамины для детей и взрослых, перевязки и многое другое сложили в читальном зале. Друг ксендза Мартина пан Юзеф Солух из Красного Става и настоятель парафии Пресвятой Троицы Ричард Винярски здорово потрудились, собирая по красновостовским, люблинским, хелмским и замостьским аптекам гуманитарную помощь для Днепропетровска, агонизирующего за тысячу километров на востоке.

Потом приходили еще грузы – большие и поменьше: лекарства, одежда, продукты питания, моющие средства, медицинское оборудование. Таможенные правила оформления гуманитарной помощи были относительно просты, и стремление церковных и гражданских кругов Европы еще не наткнулось на противодействие украинского правительства.

А однажды сам Господь подписал разрешение на растаможивание гуманитарной помощи. Получив сигнал из Отвоцка о том, что для днепродзержинского «Каритас» приготовлено медицинское оборудование, Ольга Казимировна на грузовом автомобиле, предоставленном вагоностроительным заводом, выехала в Польшу. Я подробно инструктировал Ольгу по поводу того, как должны быть оформлены документы, и просил не брать ничего, кроме указанного в товарно-транспортной накладной. Ольга громко хлопала ресницами, счастливо улыбалась, со всем соглашалась и обещала не брать ничего лишнего.

Через две недели фургон грузовика, доверху набитый чем-то тяжелым, вползал во двор костела. Ольга Казимировна выглядела уставшей победительницей, довольной и чуть виноватой.

– Саша, ты только не сердись! – сказала она. – Я столько всего привезла!

Вступление было интересным. Я чуть похолодел и попросил сопроводительные документы. Беглый осмотр бумаг и содержимого фургона оказалось достаточным, чтобы повергнуть меня в шок. Периодически взгляд с медицинского металлолома на активиста «Каритас» и обратно, я подумал, что государство не так уж не право, запрещая свободное ношение огнестрельного оружия.

Ольга Казимировна привезла «бывшее в употреблении и просроченное медоборудование», растаможить которое в принципе невозможно. Единственно действительно ценная вещь в перечне «просроченного оборудования» – ультрасонограф универсальный – отсутствовал! Его, очевидно, забыли погрузить, но записали, и это была катастрофа. Катастрофа в смысле растаможивания: нельзя растаможить то, чего нет.

– Ну, ничего, Саша! Зато я привезла рентгенаппарат.

– Что?? – уже не похолодел, а помертвел я.

– Да, очень хороший шведский рентгенаппарат. Вот увидишь, все будет хорошо!

– Но как ты могла, Ольга?

– Как-как... Они грузили в машину все. От чистого сердца! Что я скажу, не надо нам?

О, женская логика!

Без сомнения, Ольга Гоциридзе совершила невозможное. Машина почему-то не имела сертификата на проезд через границу. Ольга пробилась к начальнику погранпоста и убедилась того пропустить грузовик, следующий за грузом гуманитарной помощи. Начальник долго смотрел на стоящую перед ним то ли святую, то ли сумасшедшую женщину и, в конце концов, сказал:

– Езжайте. Но учтите, поляки вас не пропустят.

– Пропустят-пропустят! Я знаю, как говорить с поляками!

На польской стороне «пан пограничник», окруженный конфискованной водкой, мутно смотрел на документы и жестикулирующую пани с Украины.

– Прошу пани предъявить сертификат. У пани его нет? Поворачивайте обратно.

Машина вернулась. Ну что, домой? Ольга Казимировна оставила водителей с машиной на границе, а сама поездом поехала в Киев и где-то в недрах соответствующего министерства с помощью В. Михайлеца, представителя вагоностроительного завода, получила необходимый сертификат.

Начальник погранпоста, увидев снова Ольгу Казимировну, ошеломленно произнес:

– Вы привезли сертификат? Мадам, я преклоняюсь перед вами! – и поцеловал руку.

И вот она стоит передо мною, а меня бьет нервная дрожь: что делать?

На таможенном посту меня давно знали. Я протянул пакет документов и обреченно стал ждать. Начальник поста доброжелательно посмотрел в мою сторону и спросил:

– Все в порядке?

Мне показалось, что его глазами на меня лукаво и добродушно брызнул улыбкой Христос. Не дожидаясь ответа, не осматривая машину, он наложил резолюцию: «снять с таможенного контроля». И поставил печать.

.....

Чем более мы окунались в дела милосердной помощи, тем шире открывалась нам скрытая сторона жизни: бедность, болезни, одиночество, отчаяние. Казалось, страдает весь мир.

Настоятель костела говорил:

– Мы не накормим и не вылечим всех. Излечивает лишь Христос, лишь Он дает надежду в самом отчаянном положении. Но Христос может действовать через нас, ничего не стоящих слуг Его.

Ксендз Мартин вместе с Ольгой Казимировной стали практиковать совместные поездки к страдающим и больным людям. Доктор врачевала тело, а священник – душу. Выкроив время в своем и без того до предела насыщенном графике, врач «Каритас» начала по воскресеньям принимать больных в костеле: измеряла давление, выдавала лекарства, советовала.

Люди благодарны за доброе слово не меньше, чем за пачку аспирина, рубашку или продуктовый набор. Разговоры о «костельном враче» распространялись по городу, как и о том, что в костеле помогают одеждой или продуктами. И сюда начали присылать больных из горздравотдела, Красный Крест направлял голодных, детский приют просил одежду. Бомжи приходили самостоятельно. Мы стали бояться своей растущей популярности и невозможности обогреть и успокоить всех нуждающихся и обремененных. В орбиту Каритас включались добровольные помощники: И. Яценко, Т. Татаренко, М. Скидан, А. Горбас, О. Волошина, А. Баширова, а где-то на киевском верху образовалось центральное бюро «Каритас-Спес» римско-католической церкви в Украине, президентом которого стал епископ Станислав Широководюк. Это был выход на европейские структуры Каритас. Впрочем, окно в Европу уже до этого прорубил ксендз Мартин, организуя помощь для Днепродзержинска в Польше, Австрии и даже Америке. Он же организовал и первые выезды днепродзержинских детей на летний отдых в Польшу.

Несмотря на бесплатность пребывания, за проезд в Польшу надо все-таки платить. И билеты до Варшавы и обратно могли стать непреодолимым препятствием для живущих у черты бедности родителей. Дважды выручал первый заместитель председателя горисполкома Игорь Локтионов. В дальнейшем, когда исполком исчерпал возможности для помощи, пришла идея включать в группу детей состоятельных родителей, чтобы они, оплатив полностью стоимость пребывания и проезда, тем самым окупили билеты для остальных. После каждой поездки руководители группы торжественно клялись друг другу, что ноги их не будет больше на таком «отдыхе» – уж очень велика ответственность перед родителями, доверившими своих детей, и очень уж выматывают нервы эти детки – «надежда и будущее костела». Но проходил год, и все повторялось снова: организация тура, сопровождение детей и клятва, что это было в последний раз.

Перед глазами мелькает калейдоскоп картинок из разных поездок в разные годы в разные места: картинки веселые, грустные, поучительные.

Поезд «Днепропетровск-Варшава». Звучит «Прощание славянки». Отъезжаем. Переругавшись, переплавав и успокоившись по поводу того, кому с кем ехать, девчоночьи купе наполняются удушливым запахом дезодорантов. Одиннадцатилетние красотки мажут ногти ядовито-зеленым лаком и подводят глаза. Пацаны, сорвавшимися с цепи обезьянами, скачут по полкам вверх-вниз, стучат ногами в стенки купе и непрерывно хлопают дверями. Руководители поездки, высунув языки, бегают по вагону, успокаивают крикунов, разбирают дерущихся, отбирают карты, выдворяют нахальных чужаков на свою территорию и пытаются собрать ребят на чтение Розария. Раздается истошный крик. Дверью купе прибили палец рыжему Стасу Ковалю. Доигрались. На мгновение становится тихо. Ольга Казимировна перевязывает пострадавшего и на его примере убедительно объясняет всем, как не надо себя вести в поезде. Стас заплаканным кротким ягненком возвращается в купе. Через пять минут еще более дикий вопль несется по вагону. Это Стасу прибили второй палец.

.....

Тихий, уютный, состоящий из красивых коттеджей городок Юзефов. Сосны. Воздух. Костел. Директор санатория пани Эва окружила нас заботой и вниманием. Настоятель костела через день показывает строящееся плебане (дом священника – авт.) на двадцать одну комнату. Отец Александр, греко-католический священник, получивший от Папы Римского разрешение отправлять мессу и в латинском обряде, участвует в Литургии в местном костеле. Мы влюблены в своего молодого священника и с не меньшим, чем дети, удовольствием ходим на уроки религии – катехезы, которые о. Александр проводит в санатории. Отец Александр, выпускник Харьковской консерватории, в свою очередь влюблен в Аллу Пугачеву и сам прекрасно играет на пианино и поет ее песни. Мы уже побывали в Варшаве, и впечатление от польской столицы характеризуется чувством непрерывного восторга. Старый Город, Лазенки, зоопарк, музеи, костелы, памятники, магазины, цветы на балконах, русскоязычный рынок – неизгладимым отпечатком откладываются в памяти. В Юзефове мы уже все осмотрели и везде побывали: в костеле, на речке, в лесу, в магазинчиках, а также в соседней Фале, на школьной спортплощадке. И когда нам пришло в голову предложить детям совершить экскурсию на местное кладбище – наткнулись на активное неприятие этой идеи. Дети предпочитали целый день провести за оградой санатория, но на кладбище не идти. Вспоминая наш Ждановский погост, бесконечными рядами могил не навевающий ничего, кроме жути, ребят можно было понять. Не найдя консенсуса, мы построили детей по двое и повели на кладбище. «Цментаж» поразил и детей и взрослых. Здесь не было страшно. Тихая грусть, покой и умиротворение исходили отовсюду. Шумели сосны. Христос и Мария парили над полированным гранитом могил и давали надежду на будущую встречу в лучшем мире, где нет страдания и слез. Чувствовалось необыкновенное уважение живущих к тем, кто отошел к Отцу Предвечному, и смерть не господствовала над покоящимися под могильными плитами. Ребята разбрелись по дорожкам кладбища, пытаясь прочесть надписи на памятниках, рассматривали скульптуры и о чем-то вполголоса говорили между собой. На польских кладбищах можно учить детей любви к Родине.

.....

Городок Карчев знаменит на всю Польшу празднованиями Тела Господня. Здесь, прямо на улицах, возводят – на один день! – грандиозные алтари, к которым широкой плавной рекой устремляется многолюдная процессия. Кругом хоругви, знамена, штандарты, орлы. На специальных, украшенных цветами, плечевых носилках, в золоченной монстранции-дароносице торжественно проносится Тело Христово. Наиболее уважаемые прихожане, часто в национальных одеждах, девочки в прелестных белых платьях Христовых невест и, конечно же, многочисленные священники и монахи возглавляют шествие. Не смолкает пение. Перед очередным алтарем Тело Христово в монстранции устанавливается на специально отведенное место, тысячная толпа преклоняет колени и поет гимны. Священник читает Слово и, беря в руки монстранцию, поворачивает ее во все стороны, чтобы католики увидели Тело Христово и осенили себя крестным знаменем. Зрелище фантастическое, одухотворяющее, незабываемое.

Мы – сестра Илона, Ольга Казимировна и я – с восторгом наблюдаем за происходящим. Сестра Илона – монахиня ордена Пресвятой Семьи из Назарета, приехала вместе с нами из Днепродзержинска и занимается религиозным воспитанием детей в санатории Юзефова. Кроме того, она азартно играет в шашки и настольный теннис. При этом ее велон – головной убор монахинь – слезает набок, сестра лихо его поправляет, но он опять сползает после очередной тушевки монахини. Сейчас обе женщины увлечены зрелищем, которое можно в полной мере пережить лишь в Карчеве и только раз в году, если повезет. Внезапно, повернув ко мне прекрасное, не знающее косметики лицо, сестра Илона, указывая рукой на запруженные улицы, произнесла:

– Пан Саша, я никого не осуждаю, но на Украине уже половина гуляющих была бы нетрезвой.

Пока я соображал, как мне отреагировать на слова сестры Илоны – с юмором или как на нечаянную попытку уязвить мои патриотические чувства, Ольга Казимировна «подставила вторую щеку».

– Да что там половина! Три четверти уже бы напились!

При этих словах я в очередной раз убедился, что христианин из меня пока никудышный. Кровь прилила к голове, и что-то резкое уже было готово сорваться с языка... но Господь не оставил меня. В нескольких метрах от нас, в тени одинокого дерева, расселся на траве в стельку пьяный «пан Пшепендовский». Он бессмысленно тарасился на пустую бутылку, надувал щеки, пускал слюни и бессильно опускал голову на грудь. Я был готов его расцеловать!

– Сестра Илона! – кротко начал я. – Это ваш знакомый?

– Где? – не поняла сестра.

– Да вот, под дубом! Видите?

– Ну, вижу, вижу, – кисло улыбнулась монахиня.

– Что с ним? Может, он перегрелся на солнце?

– Да нет же... вы же видите, он...

– Что?

– Ой, Саша! Ну, какой ты, в самом деле! – вмешалась Ольга Казимировна.

– Какой? А может, он с Украины сюда приехал, правда, сестра Илона? Давайте, поговорим с ним! Может, он совсем и не поляк!

– Я не пойду! – расстроилась сестра Илона.

У меня хватило ума не перегибать палку. И удовлетворенный, я воскликнул:

– Смотрите, какой алтарь! В виде земного шара! Идемте к нему!

Паритет был восстановлен.

.....

Находясь в Юзефове, наши дети волей-неволей общались с польскими сверстниками: играли с ними в футбол и теннис, танцевали на дискотеках, влюблялись. Местные ребята здорово играли в футбол и на «международных» встречах Польша-Украина разделявали нас под орех. После десятого забитого гола они просто катали мяч по асфальтному полю школьной спортплощадки, демонстрировали технику и финты и доводили молодежную сборную Украины до слез. Но каждый мяч, забитый в польские ворота, воспринимался днепродзержинскими девчонками, как победа. Они отчаянно визжали, свистели, обнимались, топали ногами и поднимали вверх «жовто-блакитный» флаг, раскрашенный на листах, вырванных из ученической тетради. Поляки не понимали, чему радуются украинские девочки при счете 13:2 и втаскивали в наши ворота еще пару мячей. После игры измученные, чумазные форварды – Вовка Скидан, Андрей Издепский, Иван Лазарев – мрачно сплевывали и цедили сквозь зубы, что в следующий раз они «сделают» поляков. Но...

Поляков «сделали» девочки. Они вскружили голову игрокам футбольной команды Юзефова, отчего те непрерывно вились у ограды санатория, но играть хуже все же не стали. Они полным составом приходили на дискотеки и терпеливо ожидали, когда накрашенные украинские красуни томно выплывут на танцплощадку. Потом начинались бесконечные медленные, «белые» и иные танцы при погашенном освещении, и посреди плача гитар и стонов исполнителей, чуткое ухо руководителей поездки улавливало звуки, напоминающие поцелуи.

– Ира! Коровина! Немедленно в палату!

– Дядя Саша! Тетя Оля! Я еще немножечко!

– Нет!! – топала ногами «тетя Оля», – Я вот матери расскажу!

– Тетя Оля! Дядя Саша! Но он завтра уезжает! Навсегда-а-а!!

И в слезах бросалась на шею своего отъезжающего Ромео.

Наученные таким опытом, на следующий год мы привезли в Юзефов детей не старше 13

лет. И что же?

«Стас! Извини, но между нами все кончено. Вика».

Записка такого шекспировского содержания от 12-летней Вики Завгородней к своему ровеснику Стасу Кологривому попала в наши руки через год. Ну что, Альфия Раильевна, идем принимать меры? Ах, молодежь!

Иногда долгожданным другом заезжал ксендз Мартин: поддержать дух и посмотреть, как мы тут. Надо было видеть, с каким восторгом его окружали дети, что-то рассказывали, смеялись счастливо и обнимали его.

Время летело незаметно. Дискотеки, пионербол, сломанные скамейки, конкурсы красоты, экскурсии уходили в прошлое. Наступал прощальный концерт, который ребята с воспитателями давали для персонала санатория и бургомистра Юзефова. Среди детей выявлялась масса талантов, а руководители поездки выступали с неизменным хитом «Гей, соколы!»

Потом – зеленая ночь, когда все – и дети, и взрослые – мажут спящих сотоварищей зубной пастой. Традиция! Священник отец Александр с паном Александром занимались диверсией с не меньшим азартом, чем их юные подопечные.

Вот и все. Вечером следующего дня к санаторию подходит автобус. Отъезжаем. За окном пани Эва, директор санатория. Кажется, она плачет. На перекрестке стоят местные футболисты, машут руками. Девчонки прилипли к стеклам и начинают реветь. Польские ребята бегут за автобусом и что-то кричат.

Вокзал. Одно из наших купе занято: забито доверху ящиками с сосисками. Хозяин сосисок, украинский «бизнесмен», кричит, что он уплатил проводнику «зелеными» и перетаскивать груз не собирается. Идем за вокзальной полицией. Наконец поезд трогается. Домой! Границу пересекаем ночью.

Наутро проезжаем по Львовской области. Глядя через окно на неухоженные поля, кучи мусора при дороге, неказистые хатынки, Сережа Филоненко сказал стоящему рядом мальчику:

– Да, сразу видно – Украина.

Сжалось сердце. Как учить детей любви к Родине? И на каких примерах развивать в них патриотизм?

Глава 13

Дела Господни очень просты

Прожив, продышав, проработав бок о бок с ксендзом Мартином несколько прекрасных лет, мы все более понимали, что судьба подарила нам встречу с выдающимся человеком. Его потенциал казался неисчерпаемым, внутренний мир – глубоким и чистым, а высочайший накал души мог согреть и воспламенить самое оледеневшее сердце.

Отец Мартин находился в состоянии непрерывного полета, увлекая нас за собой, и мы парили вместе с ним на головокружительной высоте. Он приглашал к решению сложнейших задач возрождения костела, поощрял фантазию, внимательно и серьезно выслушивая самые завиральные идеи, и рядом с ним не было ничего невозможного.

Актер музыкально-драматического театра и прихожанин костела Виктор Георгиев с удовольствием возился с детьми, осуществляя постановки евангельских сценок. Однажды он так увлекся тем, чтобы «все было по правде», что, играя свою роль в Рождественском представлении, вышел на бетонный пол не отапливаемого костела в тунике и босиком.

Изо рта актера шел пар, босые пальцы ног сжимались на холодном полу, а он, не ощущая дискомфорта, с ясным лицом говорил о Рождении Младенца.

– Bravo, Виктор! – воскликнул ксендз Мартин. Актер благодарно блеснул глазами.

Однажды судьба в лице настоятеля костела забросила меня в Польшу. Крохотный городок Спала принимал какой-то миссионерский съезд, на котором отцу Мартину – кровь из носу

– нужно было присутствовать. Мы, конечно же, опоздали и входили в большой полуосвещенный зал, когда все уже давно расселись. По мере того, как мы проходили к свободным местам, зал все больше приходил в возбуждение.

– Мартин!

– Мартин приехал!

– Привет, Мартин! Как дела? – раздавалось со всех сторон.

Мы переглянулись с Сергеем Федоровым – да кто он такой, наш настоятель, что его везде знают и так встречают? Имя ксендза Мартина было визитной карточкой, волшебной палочкой, открывавшей все двери и сердца. Стоило где-то сказать, что мы от ксендза Мартина, как все само собой решалось, и все нам старались помочь. А священник совершенно спокойно относился к своей популярности. Точнее, он ее не замечал. И продолжал поражать.

Наталья Буланова, научный сотрудник музея истории города Днепропетровска долго не могла забыть слов отца Мартина, когда тот, глядя на отреставрированную фигуру Спасителя, пригвожденного к кресту, вдруг сказал:

– Знаете, в этих пальцах нет трагизма.

Наталья Николаевна совсем другими глазами начала смотреть на «пана ксендза»: такую фразу мог произнести только незаурядный человек.

Вдруг оказалось, что ксендз Мартин лично знаком с папой Иоанном-Павлом Вторым, вот только воспоминания об этом приходилось буквально вытягивать из нашего настоятеля.

– Я знал Иоанна-Павла Второго задолго до того, как он стал Папой. Будучи священником люблинской епархии, мне приходилось участвовать в различных церковных мероприятиях. В то время Кароль Войтыла был архиепископом Кракова. Запомнилось, что он постоянно что-то записывал на семинарах, реколекциях, дискуссиях. Со стороны могло показаться, что он невнимательно следит за происходящим. Но архиепископ обладал удивительным даром раздвигать или даже растревать сознание и заниматься одновременно несколькими делами: слушать, писать, анализировать. Мы скоро поняли, что он иной раз лучше других присутствующих может быстро включиться в дискуссию, творчески направить ее, а в конце все обобщить, не упустив из виду ничего, что говорилось до него. И еще. Он очень убедительно говорит! Немного словно, но так, что каждый чувствует – Кароль Войтыла обращается именно к нему. А однажды в Закопане, центре горного туризма, я вышел из мотеля, направляясь в горы. В этот момент неподалеку остановился автомобиль, в мотель приехал кардинал Войтыла. Он еще не успел переодеться и был в сутане. Увидев меня, кардинал подошел, обнял за плечи, заглянул в глаза и спросил: «Ну, по какому маршруту идем сегодня?» И столько в его облике, глазах, улыбке было доброжелательности, искреннего интереса ко мне, что эти несколько минут общения надолго отложились в моей памяти.

Потом, когда Кароль Войтыла уже стал Папой, я участвовал в 1979 году в комиссии по организации приезда Иоанна-Павла Второго в Польшу. От него исходит – и это не только мое личное мнение – какое-то особое тепло, обаяние, магнетическая сила, благотворно действующая на людей. Были даже случаи исцеления больных, общавшихся с Папой.

Правда, в отличие от Лурдских чудес, они нигде не фиксируются.

– В 1986 году в составе делегации польских священников я был в Ватикане на приеме у Папы, – продолжает рассказ ксендз Мартин. – Встреча, а нас было человек около сорока, происходила в клементийском зале собора Святого Петра. Делегация очень тонко и незаметно подверглась проверке службы безопасности. Ведь в 1981 году произошло покушение на Папу. Встреча продолжалась около двух часов и отличалась необыкновенной теплотой. Папа узнал – вот память! – одного священника, у которого он лет за пятнадцать до этого останавливался на ночлег. А при прощании Иоанн-Павел Второй сказал несколько слов каждому из присутствующих и сфотографировался на память.

Личность ксендза Мартина Янкевича выпирала из его скупых рассказов о себе, из почтительного уважения и одновременно братского отношения к нему священников, приезжающих на реколекции в днепродзержинский костел, из его необычайно точных и тонких замечаний по вопросам всемирной истории, живописи, этикета, средневековой музыки, сервировки стола, техники, или умения собраться в дорогу, чтобы не упустить никакой мелочи. Костел Святого Николая становился одним из центров духовного возрождения католицизма центральной и восточной Украины, и во всех разительных переменах, происходящих в жизни костела и его прихожан, действительно присутствовал отец Мартин. Но однажды Господь напомнил мне кое о чем. Это была рядовая воскресная месса. Много людей, сестры-назаретанки, одухотворенное пение, доброжелательность. Все как всегда. Из захристия вышел ксендз Мартин и, вознеся руки, произнес:

– Господь с вами!

– И с духом твоим! – дружно ответили прихожане.

А для меня начался кошмар длиной в одну мессу. Я смотрел на ксендза Мартина и вдруг почувствовал, что не верю ни одному его слову. Это видел лишь я: с ксендза ключьями сползала позолота, обнажая нутро человека, который бессовестно обманывает всех людей и меня вместе с ними. Я ощущал беспричинное неприятие священника, еще полчаса назад бывшего моим кумиром, и мне стало страшно. Признав крушение идеала, я не смог пере-силить себя и не подал ксендзу знак мира, хотя он, улыбаясь, проходил в нескольких шагах, пожимая руки прихожанам костела.

Что это было? Короткое замыкание рассудка, иной мир, шизофренической эволюентой задевший способность к объективной оценке, или Господь напомнил мне свою заповедь: да не будет у тебя других богов пред лицом Моим?

Иоанн-Павел Второй как-то сказал: «Дела Господни очень просты, не требуют каких-либо новых программ, главное – следовать вечной Божьей программе и исполнять ее в соответствии с требованиями нашего времени».

Именно в потоке новых веяний времени, раздувающих паруса Католической Церкви, днепродзержинская парафия открылась для неокатехуменальной дороги. Здесь уже существовала молитвенная группа Живого Розария, душой которой стали прихожане Валерия Домбровская и Сергей Веселов. Вместе с Галиной Хейлик, Марией Иваненко, Анелей Кондратюк, Леокадией Мельдюк, Леокадией Остринской, Гонораткой Яворской и другими, они находили истинную радость и умиротворение в молитве, через которую заступничество и покровительство Девы Марии становились осязаемыми. В воскресную школу, руководимую супругами Натальей и Александром Шинкиными, ходили дети. Они постигали здесь азы христианства и начинали готовиться к принятию первого Причастия. Как и любой приход, костел Святого Николая имел свою библиотеку и читальный зал, где юная «библиотекарь» Юлия Савенкова выдавала литературу, могущую прояснить возникающие вопросы.

Неокатехуменат был чем-то иным. Это – дорога, ведущая к Христу, на которую осознанно вступал человек и шел по ней, как по жизни: спотыкаясь и ускоряя шаг, разочаровываясь и захлебываясь от восторга, натирая мозоли и поднимаясь к вершинам – опираясь на Слово Божие и плечо идущего рядом.

Первый цикл катехез, после которых слушатель мог войти в создаваемую общину, проводил ксендз Гжегож Павлячек. Непревзойденный оратор, он доходил до ума и сердец людей даже случайно забредших на костельный огонек его проповедей. Ксендз Гжегож говорил не просто красиво, он открывал глаза на великие истины и одновременно помогал человеку увидеть себя таким, какой он есть на самом деле. Без масок, без брони, без красочного слоя, скрывающего черноту души, грязь помыслов, подлость поступков, низость неисполнения долга. Потрясение от осознания правды о себе было подобно удару в солнечное сплетение: очень нелегко признать, что ты вовсе не так безупречен, как о тебе думают люди, как ты преподносишь себя другим, как ты сам думал о себе. Попад на дно собственной души, куда никогда не проникал луч света, ужаснувшись и захотев что-то

изменить в своей жизни, можно начинать дорогу наверх – к солнцу.

Смысл неокатехуменальной дороги заключается еще и в том, что здесь, возвращаясь к ценностям раннехристианских общин, дается последовательное изложение учения Католической Церкви и предлагается ставшим на дорогу следовать Христу.

Образовавшаяся община избрала из своей среды главных ответственных – Егора и Ольгу Жидковых, главного кантора, то есть ведущего исполнителя неокатехуменальных песен – Александра Шинкина и начала делать первые шаги по дороге. Через год свое «аминь» сказали слушатели нового цикла катехез, и родилась вторая община. Процесс пошел. Слава Богу!

В 1995 году в Днепродзержинск из Варшавы перебралась семья Пентков: муж и жена – Владислав и Ева – и их дети Паулина, Анна, Тобиаш, Матеуш, Вероника, Кинга и Кася. В качестве примера христианской семьи, они приехали для евангелизационной работы и продолжения неокатехуменального движения. Владислав Пёнтек, социолог по образованию, получил разрешение и благословение на миссионерскую деятельность от самого Папы Римского. При жребии страны пребывания им досталась Украина, и вот они цыганским табором поселились в сельско-одноэтажном районе города – Романково.

Владислав Пёнтек – невысокий, шумный, общительный, улыбающийся и несобранный – представлялся как Макарий. И все, начиная от ксендза Мартина и до кузнеца Валентина, его так и называли. Большинство так, по-моему, и не узнали, что Макарий – это юношеское прозвище, которое намертво закрепилось на социологе из Варшавы. Макарий плохо говорил по-русски, но компенсировал незнание языка выразительной жестикуляцией и располагающей улыбкой. Он то и дело попадал в какой-нибудь впросак, картинно хватался за голову и кричал:

– Оей-ку!

Но катехист он был классный. Макарий, как и его жена Ева, великолепно владел вниманием аудитории. Он заставлял работать на себя даже свое незнание языка. В начале Макария обычно переводил Георгий Гоциридзе, а позже – стремительно подрастающий его младший брат Давид. Давид обладал удивительными способностями к языкам и с листа – литературно! – переводил польскоязычных катехистов.

Почувствовав надвигающуюся усталость слушателей, Макарий начинал говорить по-русски. При этом он составлял совершенно уморительные словесные конструкции и, разрядив обстановку, переходил к серьезным вещам.

– Пройдет время, и община станет для вас, как семья. На примере своей общины в Варшаве я могу свидетельствовать, что ее члены, находящиеся на разных ступенях социальной лестницы, например, дворник и профессор, становятся ближе друг другу, чем просто два профессора. Им есть о чем поговорить и чем поделиться, потому что между ними присутствует Христос. Сердца соединяет Христос, а не профессия, положение или успех.

Мы – кто скептически, кто с надеждой – слушали Макария. Заливает? Или так оно и есть? Ева с поражающей откровенностью говорила о себе:

– Раньше я не умела любить. Я никого не любила, разве что себя. Как я могла любить своего отца – деспота, человека с упрямым, невыносимым характером, алкоголика? Как я могла любить свою первую дочь Паулину, когда мне хотелось только одного – бросить ее, надеть короткую юбку и побежать к подружкам? Дорога изменила мою жизнь, я принимаю людей такими, какие они есть. Когда Бог входит в твое сердце, трудности перестают приносить страдания. Разве я могла себе представить, что у меня будет семеро детей? Как их кормить, одевать, воспитывать? А младшенькая наша – Кася – больна детским церебральным параличом. У меня иногда спрашивают, почему не сделала аборт, ведь вы знали, что она неизлечимо больна? Я смотрю на свою Касю, которая не умеет ходить, отстаёт в развитии, совершенно беспомощна, и думаю: что мне предлагают? Убить Касю? Убить?? Да я люблю ее больше всех остальных моих детей! Кася для нас – источник не-

прерывной радости и любви. Я желаю, чтобы Христос вошел в ваши сердца, как он вошел в мое сердце!

По воскресеньям семья Пентков в полном составе приходила в костел. Старшие дочери катехистов – Паулина и Анна – начинали слегка кружить головы костельным ребятам: блестели глазами, вскидывали брови, загадочно улыбались, беспричинно хохотали, пожимали плечами, прекрасно пели и научились употреблять слово «блин». В парафии подрастала собственная молодежь. Юлия Савенкова, Марина Журавель, Володя Шатик, Давид Гоциридзе, Дима Савенков и другие могли уже осознанно сказать о себе: я – католик. Молодежи хочется общаться со сверстниками, и ксендз Мартин начал устраивать Дни молодежи.

Видеорепортаж журналистки Ирины Кондратьевой с места событий, показанный по Днепрпетровскому телевидению, начинался так:

– Когда я впервые услышала о том, что в Днепродзержинском костеле будет проводиться День молодежи, в памяти всплыли комсомольские мероприятия под таким же названием, устраивавшиеся у нас в недалеком прошлом: сплошная пьянка, наносившая колоссальный ущерб здоровью, природе и самой идее молодежных встреч.

Действительно, День молодежи в костеле св. Николая, проходивший 10-11 мая 1997 года, коренным образом отличался от комсомольских встреч. И даже не тем, что за все время не было выпито ни одной бутылки вина, но той атмосферой духовности и сердечного общения католической молодежи из разных приходов восточной Украины, съехавшейся в Днепродзержинск вместе со своими священниками, братьями-монахами и сестрами-монахинями. Всего на Дне молодежи присутствовало 123 юноши и девушки, а за духовную часть встречи отвечал брат Петр, монах-капуцин из Красилова Хмельницкой области. «И в те дни Петр, став посреди учеников, сказал – было же собрание человек около ста двадцати: мужи, братия!» (Деяния 1.15).

Встреча, что называется, удалась. Общие молитвы перемежались вдохновенным пением под сопровождение гитар и трубы, а Слово Божие и проповеди-катехезы, читаемые с необыкновенной силой, впитывались молодыми душами. А в перерывах между сессиями, во время совместных трапез, в любую свободную минуту устраивались юмористические сценки, читались стихи, звучали песни – молодость бурлила под знаком заразительного веселья и непринужденности, выплескиваясь на окружающих и на саму себя.

Неизвестно, все ли молодые люди, собравшиеся в те дни в костеле св. Николая, пройдут по жизни католиками, но наверняка им надолго запомнятся эти встречи, завершением которых стало ночное бдение в каплице Пресвятой Троицы. Атмосфера покаяния, глубокие переживания и чистые слезы, прекрасная литургия будили столь высокие чувства, что в стенах каплицы отчетливо ощущалось присутствие Святого Духа. Необыкновенное чувство...

Костел, как и любая другая христианская церковь, призван нести людям свет Евангелия. В костеле может не быть пенициллина, не плакать скрипка, не организовываться поездки детей на отдых. И без всего этого костел останется костелом. Но он никогда не будет костелом, если в нем размещать военкоматы или университеты марксизма-ленинизма, если на него смотреть как на благотворительную организацию или клуб встреч с интересными людьми.

Здесь люди ищут и находят живого Бога, здесь стены пропитаны молитвами поколений верующих, здесь, в дарохранительнице, находится Евхаристическое Тело Иисуса Христа, здесь получают не блага, но благодать. И верят в вечную жизнь.

Костел идет к людям, чтобы они увидели во Христе своего личного спасителя. Об этом трудно говорить в практически атеистическом обществе. При самом благоприятном отношении к христианству, многим гораздо проще понять, что в костеле раздают вещи и лекарства, чем поверить, что здесь принимают Причастие – Тело и Кровь Иисуса Христа.

Но людей, приходящих в костел к Богу, становится больше. Для них костел является желанным местом встречи с Христом, ведь это правда, что не хлебом единым жив человек. Но всяким словом, исходящим из уст Божиих.

Глава 14

Сто лет – это еще не возраст

6 декабря 1997 года, в день святого Николая, отмечаемого по католическому календарю, днепродзержинскому костелу должно было исполниться 100 лет. В то, уже кажущееся героическим время, когда в городе начиналось движение по возрождению костела, одним из самых сильных аргументов в пользу восстановления храма считался тезис о его исключительности. Ибо костел – единственное в Днепродзержинске сооружение неоготического стиля.

Сама эта мысль будоражила воображение и казалась достаточным поводом для пролития над костелом золотого дождя, должного возродить поруганную святыню. Когда же по прошествии лет доподлинно стало известно, что он является единственным сооружением подобного класса не только в городе и даже не только в Днепропетровской области, я перестал поражаться тому, что большинству людей абсолютно наплевать на всю его уникальность и исключительность. Хотя, конечно, не всем.

Мы очень уважаем круглые даты и стараемся подогнать под них окончание всяких мероприятий, хотя, казалось бы, важнее просто сделать дело и сделать его хорошо, а уж на какую дату оно припадет, не суть важно. Но есть традиция. И хорошо, что она есть. Возможно, что одна из них – почтение к круглым датам – помогла в восстановлении костела, подтолкнув городские власти к мысли, что костелу надо еще раз помочь. Сто лет все-таки! В Днепродзержинске прошли очередные выборы. Новым первым лицом города стал Василий Шве́ц. Слово «мэр» становилось обычным в лексиконе горожан.

– Александр Юльевич, вы знакомы со Шве́цом? – спросил меня ксендз.

– Раньше – да, по исполкому.

– И каким он был?

– Каким? Нормальным.

– Я тоже хочу с ним познакомиться и поздравить с победой на выборах. Скажите, это были честные выборы? Тогда напишите, пожалуйста, мэру письмо.

Нам ответили неожиданно быстро. Приемная мэра уже ничем не напоминала ту приемную, из которой я когда-то, по-партизански, проникал в кабинет первого секретаря горкома партии. Строгая девушка из нового поколения секретарей пригласила войти.

Василий Яковлевич – высокий, статный, энергичный, – встал из-за стола и, направившись к нам, крепко пожал руки.

– Пан Мартин, вы первый из пастырей христианских конфессий города, кто пришел поздравить меня с избранием. Я это очень ценю.

– Вы правы, Василий Яковлевич! Мы надеемся, что в вашем лице город будет иметь сильную и справедливую власть, с пониманием относящуюся к духовным запросам людей. В нашем обществе скопилось столько проблем, что даже не знаю, поздравлять ли вас с избранием на пост мэра, говорить ли слова гратуляции или выразить свое сочувствие. Мэр улыбнулся. Похоже, эти двое таких разных людей сразу признали друг друга. Ксендз Мартин передал мэру презент – цветной портрет Папы Римского, в раздумье и молитве опирающегося на посох.

– Спасибо, пан Мартин, я буду хранить ваш подарок. Надеюсь, вы примете меня с ответным визитом? Я хочу побывать в костеле.

– В любое время, Василий Яковлевич. Чай и кофе мы вам всегда гарантируем, ну и что-нибудь к чаю.

Выходя из приемной и спускаясь по лестнице, ксендз Мартин спросил:

– Как вы думаете, пан староста, он приедет?

Меньше, чем через месяц, Василий Шве́ц приехал в костел. Мэр ходил по храму, внимательно слушал объяснения, смотрел на следы разрушения и созидательной работы и, когда дошел черед до обещанного чая, сказал:

– Я вижу, как много вы уже сделали. Давайте дальше идти вместе. У вас есть предложения?

– Нам кажется, что в год столетия костела мы могли бы рассчитывать на более существенную помощь от городских властей. Это, в свою очередь, не вызвало бы ни у кого удивления.

– Сделаем так. Я дам указание исполкому подготовить решение по подготовке к столетию костела, а вы будете помогать наполнять эти решения конкретикой. Кто лучше вас знает, что нужно костелу?

– И еще один больной вопрос, Василий Яковлевич.

– Да, я слушаю, ксендз Мартин.

– Много лет мы соседствуем на одной территории с секциями картингистов. У меня уже всякое терпение кончается от их шума, от всяких сомнительных личностей, которые толкуются здесь, и, прошу прощения, от их мата и пьянок.

– Хорошо, я беру это на себя. Дайте мне немного времени... Как мне нравятся ваши пирожные, кто их готовит?

Ксендз неопределенно развел руками и улыбнулся. Такой мэр и нам нравился. Он энергично сжал пружину, которая должна была разогнуться к столетию возрожденного храма. К июню 1997 года, когда Василий Шве́ц стал первым в Украине городским головой, было готово распоряжение «О подготовке к 100-летию костела св. Николая». В нем городской голова задействовал крупнейшие организации и предприятия города, должны помочь костелу выглядеть достойно в свой вековой юбилей. А ксендз Мартин уже прикидывал саму программу юбилея: время летит быстро.

– Александр Юльевич, как вы считаете, не устроить ли нам в канун столетия просмотр видеофильма о костеле? Я думаю, это будет интересно для всех.

– Хорошо бы, а о каком фильме вы говорите?

– О том, который вы сделаете с Ириной и Олегом Кондратьевыми.

– Сделаем... но вы понимаете, ксендз Мартин...

– И еще я считаю нелишним провести научный семинар на темы истории религиозной жизни в нашем регионе.

– Хорошо, а кто будет его готовить?

– Мы с вами. Музей, греко-католиков подключим, кого-то из других конфессий. И надо уже думать, кого из гостей мы пригласим на день святого Николая, и позаботиться об их размещении. Бестактно присылать открытку ответственному человеку за неделю до столетия. В ближайшее время я встречаюсь в Днепропетровске с Павлом Лазаренко по вопросу передачи костела Святого Иосифа, может, и его пригласим?

До столетия костела оставалось почти полгода, и я с легкостью соглашался со всем, что говорил настоятель, еще все можно было забыть.

Но с каждым днем температура вокруг костела повышалась, а напряжение увеличивалось. Исполком начал проводить выездные оперативные совещания по подготовке к столетию. Оперативки проходили в литургическом зале часовни. Около алтаря устанавливался стол для председательствующего и тот, чувствуя за спиной присутствие Распятого Христа, начинал работу.

Приглашенные руководители городских предприятий и организаций получали задания на проведение соответствующих работ или поставку материалов, и они, кто с пониманием, а кто скрипя зубами, принимались за дело. Скрип зубов прекращался, когда на оперативках присутствовал городской голова. У Шве́ца все получалось быстро. С ним все соглашались. Всего с интервалом в одну-две недели было проведено одиннадцать таких операти-

вок. Костел все более превращался в строительную площадку городского масштаба, но не прекращал оставаться костелом.

Во дворе храма рычал грейдер, «Сталева Воля» грузила выбранный грунт в самосвалы, бригада рабочих, присланных металлургическим заводом, срезала металлическую эстакаду – исторический момент! – по которой в свое время в костел въезжали автомобили через окно. Завозился песок, гравий, металл, краска, гвозди, бетон. Вывозились спиленные акации, мусор, останки эстакады и что-то еще. Иногда на пять минут появлялся внезапно городской голова. Он заходил в костел, смотрел, как идут штукатурные работы, что-то спрашивал и уезжал. Мы писали бесчисленные письма и заявки на поставку необходимых материалов и выполнение работ, посылали телефонограммы и появлялись одновременно в разных кабинетах. Зашевелились картингисты и, с еще большим ожесточением держась за остающиеся в их распоряжении гаражи, освободили очередной бокс: городской голова слов на ветер не бросал. Полным ходом шло восстановление фасада костела и началось изготовление двух дубовых парадных дверей. Диссонируя с общим порывом, в костел заскочил деятель районного масштаба.

– Ограда шатается! – крикнул он, уцепившись за решетку столетнего забора.

– Мусор во дворе! А ленинский субботник организовать – слабо? Я вам помогу!

А ксендз Мартин оставался самим собой: понятным и непредсказуемым. Проходя по двору костела, он вдруг нагнулся и начал что-то внимательно рассматривать.

– Пан староста, – обратился он ко мне, выковыривая из земли замок от строительных лесов, – что это такое?

– Замок, – честно ответил я.

– Гм-гм... но почему он лежит в земле?

– Ну, наверное, его кто-то обронил...

– Прошу прощения, я не хочу вас обидеть, но вы каждый день проходили по этому месту. Вы не замечали, что здесь, в земле, лежит замок?

– Может, и замечал... но ведь вы же знаете, ксендз Мартин, что я то в исполкоме, то в студии фильм монтирую, то еще где-то, такие масштабы... И если кто-то обронил замок, то почему я должен...

– Пан Саша, у меня сердце обрывается, когда я вижу то, что можно использовать, за что мы платили деньги, лежит в земле. Разве вас это не задевает? Не касается?

– Разумеется... Как и все, что происходит в костеле...

– Я хочу, чтобы вы поняли, костел не принадлежит ксендзу Мартину. Он ваш, он... Я снимаю с вас премию в размере одной гривны, пусть это заставит вас по-иному смотреть на некоторые вещи.

Я позеленел, обиделся и побежал к Сергею Федорову жаловаться на ксендза Мартина. Сергей, у которого уже «ехала крыша» от навалившихся обязанностей и забот, слушал как-то невнимательно и без должного сочувствия. Я махнул рукой и помчался в отдел культуры.

А жизнь костела Святого Николая шла своим чередом: свершались мессы, происходили встречи молодежи и подготовки к принятию таинств, работала библиотека и воскресная школа. Вот только ксендз Мартин стал больше уставать. Он находился в постоянном движении, разрывался между тремя приходами – Днепродзержинском, Днепропетровском и Павлоградом. Его можно было увидеть в Киеве, Харькове, Запорожье, Каменец-Подольске, Люблине, Варшаве, Вене и мало ли еще где. Отец Мартин готовил свою лепту для приближающегося торжества. Он жил движением, а если останавливался – засыпал. Неокатекуменальные литургии проходили в каплице Пресвятой Троицы или, в бывшем по названию, Нижнем костеле – обширном готическом подвальном помещении храма. На стене, облицованной под кирпич – большая копия триптиха Кико Аргуэлло, выполненная Анатолием Петренко, «почти прихожанином костела», как с улыбкой называл художника ксендз Мартин. Его кисти принадлежит и замечательная копия иконы «Христос Милосердный», украшающая другую каплицу – Божьего Милосердия.

После короткого введения к литургии и песни на вход священника, отец Мартин усаживался на место пресвитера. Начинаются чтения Слова, комментарии, песни. И снова Слово, и комментарии, и песни. Обведя взглядом собрание, отец Мартин вытирает платком очки, водружает их на нос и в задумчивости закрывает глаза, чтобы ничего не мешало слушать. Но нас не проведешь, мы знаем «военные хитрости» настоятеля: через минуту, если не удастся перебороть усталость или ксендз не услышит оригинального комментария к чтениям или песни, он уснет. Мы не обижаемся – ксендз работает на износ.

Предъюбилейное напряжение превращалось в угар, а угар переходил в истерию. Все надо было делать одновременно и «на вчера». Дорожная служба присылала грейдер, но не давала рабочих, и Игорь Демченко со Стасом Шевчиком спускались с лесов и руководили агрегатом. Военные давали солдат, и из-под земли требовалось найти самосвалы, во двор въезжал грузовик с цементом, который немедленно разгружался. Телефон трещал не переставая, а из-под печатной машинки вылетали новые и новые письма, прошения, заявки, благодарности.

Однажды мне потребовалось два часа, чтобы пройти пятьдесят метров и проверить – забрали ли мусор из контейнеров: сделав шаг, меня возвращал на место телефонный звонок, потом второй, тут же по очереди меня перехватывали с неотложными разговорами Сергей Федоров и Игорь Демченко, а столяра срочно требовали какие-то металлические пластины, и я звонил Котляру на ДМК, и пластины везли в костел.

Когда же мы заходили в абсолютный тупик, помогал Господь.

Во двор костела въехала «Сталева Воля», и водитель сказал:

– У меня нет солярки для работы, только на обратную дорогу.

– А сколько вам надо?

– Литров восемьдесят.

Кошмар! Топлива под рукой нет, денег тоже. Мы смотрим с Сергеем Федоровым друг на друга и не можем решить, кто из нас пойдет к водителю и скажет, чтобы тот уезжал. Пауза затягивалась и, не чувствуя в себе никакого мужества, я сказал Федорову:

– Серега, сходи к водителю, пусть уезжает...

Тут в мой кабинет, гордо именовавшийся «офисом», вошел знакомый гаишник.

– Я вам соляры привез, восемьдесят литров. Надо?

Я обалдел.

– Надо, конечно! Но у меня сейчас нет денег...

– Какие деньги? Я добро не забываю, а от моей мамы вам привет.

– Серега!! А ты говорил – Бога нет. Коля солярку привез!

– Я говорил? Это когда же?

Через несколько дней Эдик Антонюк с тревогой сообщил, что не хватает дубовых досок на изготовление филенок входных дверей. Новая катастрофа. Полдвери – это вообще не двери.

– Сергей, давай машину, поедem дуб искать.

Объездив все известные нам столярки и не найдя нигде ничего, мы в трансе возвращались обратно. Во дворе костела стоял грузовик.

– Вам, случайно, сухой дуб не нужен?

.....

Приближалось шестое декабря – финиш марафонского забега длиной в сто лет. А к ступеням главного входа в костел все еще не приступали. Наконец-то все срослось, и трест «Дзержинскстрой» начал работы. Последние дни ноября. На улице пять-семь градусов тепла.

– Молитесь, чтобы не ударили морозы, – сказал Петя Кухарский, – бетонировать при минусовой температуре нельзя.

В тот год до самого дня Святого Николая над Днепродзержинском держалась теплая погода.

До столетия оставались считанные дни. Работа кипела во всех направлениях: столяра колдовали над входными дверьми, репетировал хор, шел монтаж фильма, заливались бетон-

ные ступени главного входа, костел очищался от лесов и мусора, картингисты освобождали еще одно помещение. Лидер картингистов, талантливый механик и непереносимый человек, Володя Вечер, шипел, истекая ядом:

– Василий Яковлевич весь исполком раком поставил. Если б не он – хрен бы мы отсюда ушли.

В этом Вечер был, наверное, прав. Если б не городской голова, долго еще картингисты сидели бы в костеле. Фонд коммунального имущества присылал в костел своих представителей и печатывал гаражи бывшего ДОСААФа. Вечер плевать хотел на все печатывания, срывал бумажки и продолжал ремонтировать крутые иномарки и трещать картингами под окнами храма. Против Швеца Вечер не сдюжил, но делал все, чтобы оттянуть свой уход из костела и осложнить до предела передачу боксов в руки католической общины. Накануне торжественного дня в костел пришла заведующая отделом культуры Светлана Дробышева. Завтра ей предстояло сопровождать городского голову на юбилейной мессе и Светлана Петровна хотела на месте определиться по некоторым вопросам.

Завтрашний юбиляр предстал перед заведующей отделом культуры в расхристанном и непрезентабельном виде. Проемы входных дверей, занавешенные какими-то тряпками, ничем не оправдывали название «парадных». Дробышева с опаской проникла вовнутрь храма. И вовремя. На то место, где она стояла секунду назад, упал сверху кизяк известкового раствора, и я на мгновение представил себе, что было бы, если бы Светлана Петровна еще разглядывала этот занавес. Боже, только не это!

Внутри порядком и не пахло. Мусор, трубы на полу, никакой благодати, гудение нагревательной установки, выпрошенной на авторемзаводе, и карабкающийся по высоченной лестнице Виктор Георгиев, драпирующий пустые глазницы шестиметровых окон.

Светлана Петровна в полной растерянности посмотрела на ксендза Мартина.

– Вы считаете, что завтра здесь можно что-нибудь проводить?

С непонятной интонацией, разводя руками, настоятель костела ответил:

– Бог даст – проведем.

И по-детски улыбнулся.

Завотделом культуры вскинула брови, пожала плечами и пошла к выходу. Она не видела того, что слева от выхода из костела полным ходом приводится в порядок уже бывшая мастерская ДОСААФ, где завтра должно быть накормлено триста человек. Но это ее и не интересовало. Главным вопросом для руководителя отдела культуры была готовность костела к принятию высоких гостей. Готовность оставляла желать лучшего. Но уже из столярной мастерской восемь крепких парней выносили дубовую створку дверей главного входа. Установка двери – дело тонкое. Надо добиться, чтобы створка весом в триста килограмм открывалась рукой ребенка. На две двери, как ни крути, таких створок оказывалось четыре штуки, и их требовалось установить именно сегодня. Отступать некуда.

Установка продолжалась до глубокой ночи. Все самодеятельное мужское население костела – столяры и кузнецы, реставраторы и прихожане, и, конечно, ксендз Мартин, «навалились» на двери.

А из каплицы в костел переносились деревянные полихромные скульптуры и Распятие. Макарий, семинарист Франческо, вице-консул пан Кшиштоф Яблонка, кузнец Гена представляли по местам в алтарной части храма святых Николая, Варвару, Антония, Казимира. Выпускник Варшавской семинарии «Редemptoris Mater» Франческо Фарацци говорил на всех языках и на всех одинаково плохо. Родом с Сицилии, он, естественно, получил прозвище «мафиозо». Франческо был толстым, неуклюжим, небритым, доверчивым и удивительно добрым. Хорошего человека должно быть много!

Проснувшись однажды ночью и выйдя во двор, он в ужасе схватился за голову и начал кричать:

– Пожар! Пожар!!

Небо пылало огнем. На крик выбежал ксендз Мартин.

– Что случилось, Франческо?

– Пожар! Катастрофф! – кричал «мафиозо», указывая пальцем в небо.
– Пошли спать, Франческо. Это на комбинате разливают плавку.
Сейчас Франческо, посапывая, перетаскивал фигуру за фигурой и чему-то добродушно улыбался.
Подошло время начала семинара и премьеры видеофильма, посвященного 100-летию костела. В большой подвальный зал принесли телевизор и видеоманитофон. Собрались выступающие и слушатели, члены инициативной группы по спасению костела, жаль не в полном составе – не смогла приехать Елена Фесун.
Семинар открыл ксендз Мартин. Потом, сменяя друг друга, выходили докладчики, рассказывая о развитии религиозной жизни в этом регионе на протяжении столетий. Докладчиков сменяли желающие поучаствовать в прениях, и, наконец – премьера фильма «Жизнь. Смерть. Воскресение». И вновь выступления и обмен мнениями по поводу увиденного.

Наверху в костеле шла репетиция хора. Освещенный костел манил прохожих, и они, несмотря на позднее время, заходили в храм, садились на расставленные стулья и слушали, как по пустому залу разносится «Laudate Dominum».
После репетиции, практически под утро, Стас Шевчик убирал зал. У него всегда находились силы, когда другие уже не могли пошевелить рукой.
Окончили установку дверей столяра и в радостном возбуждении собрались в своей мастерской. Расходиться не хотелось. Пришел отец Мартин.
– А знаете, ребята, у меня есть домашнее вино, и, кажется, совсем неплохое. Предлагаю поднять тост за вашу работу.
Смеясь, дурачась и перебивая друг друга, обращаясь одновременно ко всем, но чтобы обязательно слышал отец Мартин, столяра перебирали уходящую в историю эпопею с изготовлением и установкой дверей – может быть главного творения в их жизни.
Вино разлито в «бокалы».
– За вас, ребята!
– С наступающим, отец Мартин!
Убаюканный усталостью и луной, постепенно затихает костел. Завтра, вернее уже сегодня, большой день. А в ушах все звучит голос журналистки Ирины Кондратьевой, вдохновенно читающей текст финальных кадров видеофильма «Жизнь. Смерть. Воскресение»:
– Днепродзержинскому костелу сто лет. Для Бога – это ничто. Для Вселенской церкви – мгновение. Для костела – еще не возраст, для человека – почти вечность. И как хочется верить, что остаток наших дней и время детей наших будут незамутненно связаны с рожденным костелом святого Николая.

Глава 15

Автобус для троих

Шестое декабря 1997 года. Утро дня Святого Николая теплое, как и прежние дни.
На башнях костела – полотнища флагов: национальный украинский и папский. Между ними – над аркой фасада – огромные буквы: «100 лет».
Начало праздника нескоро, и в костеле почти никого нет. Убран зал, расставлены стулья, отведены места для почетных гостей, украшен алтарь.
Съезжаются священники и сестры. Сколько знакомых лиц... Хорошо! Все будет хорошо!
По двору костела прогуливается ксендз Николай Гуцал – чуть не ставший в свое время настоятелем нашего прихода. Он все такой же, может чуть больше грусти в глазах. Как здорово, что сегодня он здесь!
Ксендз Ярослав Гижицкий, высоченный, черноволосый ксендз-монах, любимец днепро-

дзержинской парафии. Это он раскопал в архивах монастыря иезуитов под Варшавой «Каталог духовенства и церквей Тираспольской епархии» за 1913 год и привез его нам. Потрясающий подарок!

Прошел, содрогая землю, огромный священник Здислав Заенц. Длинные волосы, короткая черная кожаная куртка и черная шляпа с широкими полями делают его похожим на рейнджера из американского боевика. При всех своих внушительных габаритах, ксендз Здислав остается человеком нерешительным и несмелым в мирских делах. Но колоссальные размеры спасают его от необходимости вступать в дискуссию с кем-либо.

Промчался ксендз Ян Собило, настоятель Запорожского прихода – невысокий, коротко остриженный, улыбчивый священник, могущий рассмешить кого угодно. Негласный конкурент отца Мартина на восточных землях Украины по своей популярности и влиянию на умы.

Здесь же отец Александр Бондаренко, греко-католический священник, днепродзержинец, великолепный проповедник, которому ксендз Мартин, может, неосознанно ревнуя, прочит большое будущее.

Там и сям мелькают хабиты сестер-монахинь и сутаны незнакомых священников. Ожидается приезд представителя папского нунция. Появляются прихожане, занимающие места в зале костела, постепенно людей становится больше, и исчезают последние опасения – костел будет полон. К местным прихожанам все более густеющей массой добавляются гости из Днепрпетровска, Запорожья, Донецка, других городов, а также просто любопытные, зашедшие в костел «на огонек». Прибыл посол Польши в Украине господин Ежи Барр, он хорошо и мягко говорит по-русски и совершенно не выглядит большой дипломатической шишкой. Также прост и доступен епископ Станислав Падевский, который сегодня повторно освятит храм святого Николая. Переместившись от православной церкви, заняли места у калитки двое нищих с протянутыми руками. Увидев их, ксендз Александр Бондаренко с юмором, на дне которого крылась грусть, воскликнул:

– Ну, все! Теперь и наш костел похож на настоящий христианский храм!

Съезжаются официальные гости, многие из них принимали живое участие в восстановлении костела. Заведующая отделом культуры кажется приятно удивлена переменами, происшедшими в храме со времени ее вчерашнего визита. Ощущение надвигающегося праздника увеличивается, да впрочем – праздник уже начался.

Энергичным, радушным, гостеприимным хозяином выглядит ксендз Мартин. Он появляется во всех точках костела, нигде не задерживается, перебегает от одной группы людей к другой, улыбается, отвечает на приветствия и поздравления, дает указания. Сегодня – его день!

Католические священники во главе с епископом Станиславом направляются в часовню помолиться и переодеться к мессе. За несколько минут до начала торжества подъезжает Василий Швец. Поднявшись на ступени главного входа, он коротко обратился к окружившим его прихожанам.

– Долгие годы власть в нашей стране была очень далека от Бога, преследовала людей за их убеждения, закрывала и разрушала храмы. Я рад тому, что времена меняются, и как городской голова буду всегда занимать принципиальную позицию в вопросах помощи христианским конфессиям города, в том числе и костелу Святого Николая.

Зал забит до отказа, а люди все идут. Во главе с благочинным отцом Александром в костел входит православное духовенство. А из часовни в костел, ведомые ксендзом-епископом, в праздничных литургических одеждах, числом около пятнадцати, вышли католические отцы. Внушительное, торжественное, волнующее зрелище.

Ксендз Александр подходит к микрофону и, в ожидании начала литургии, начинает объяснять собравшимся, среди которых достаточное количество не католиков, суть того, что будет происходить сегодня: в костеле, на мессе, на алтаре.

С хоров, где между труб строительных лесов расположились певчие, тонко и серебристо зазвучала скрипка.

– Ave Maria, gracia plena...

Зал замер. Бессмертное творение Баха настраивало костел на высокую волну.

Епископ, священники, министранты вошли в алтарную часть храма. Литургия началась. Отдавая дань истории, дню сегодняшнему и присутствию на мессе высоких польских гостей, хор поет:

– Chwala na wysokosci Bogu!

В костеле уже яблоку негде упасть, люди плотно стоят во всех проходах, боковых нефях, подпирают от входных дверей. И когда епископ Станислав Падевский после Литургии Слова начал обряд освящения стен костела, ему пришлось с помощью ксендза Яна протискиваться между прихожанами, чтобы начертать елеем кресты на стене и воскурить в сих местах дым ладана из кадила. Свершилось! Освященный в далеком 1905 году епископом Кесслером, закрытый и поруганный в 1929 году, костел Святого Николая вновь получил благодать освящения через руки и молитву епископа Падевского в 1997 году от Рождества Христова. Торжественно звучит хор, торжественно бьются сердца, но осознание значимости происходящего придет позже. Большое видится на расстоянии. Месса течет дальше. Что-то содрогается внутри и заливают жаром, когда пятнадцать ксендзов, окружив алтарь, держа в руках евхаристическое Тело Христа, одновременно повторяют:

– Ибо Он Сам в ту ночь, когда был предан, взял хлеб... Берите и ешьте от него все!

Пятьсот или более человек преклоняет колени, а затем с воодушевлением поют «Отче наш».

– Передайте друг другу знак мира!

Священники обнимают друг друга, прислоняются щекой к щеке и с улыбкой сходят к гостям и пастве. «Гости» еще не вполне понимают, что их ожидает, но, видя, как отец Мартин передал знак мира Василию Швецу, потом какому-то пацану, очутившемуся рядом, перестают стесняться и с удовольствием участвуют во взаимном приветствии. А цепная реакция знака мира бушует по всему костелу. Ксендзы и монахи, греко-католические священники и православные батюшки, прихожане, гостижимают друг другу руки, обнимаются, что-то говорят, улыбаются, желают мира. Все бурлит, искрится дружелюбием, радостными взглядами и возгласами. И где-то из-под купола – или это только послышалось? – доносятся еще одни слова, еще один голос:

– Да будут все едино!

Наступает момент причащения. Сразу несколько ксендзов становятся с Причастием и начинают окормлять паству Телом и Кровью Христа. Представители светской власти, сохраняя невозмутимость на лицах, глядят, как представители власти духовной наделяют своих чад Хлебом Живым. О чем думают городские руководители, когда бесконечным потоком проходят мимо них люди и направляются к священникам? У кого она – власть истинная? А, скорее всего они не забивают голову нештатными мыслями, припомнив, что Богу – богово, а кесарю – кесарево и просто любуются необыкновенным зрелищем – обрядом католического причастия.

Ксендз Мартин предоставляет мне слово. Сразу пересыхает горло, и я мельком думаю: только бы не опозориться! Как эти священники, ораторы, трибуны так естественно и непринужденно держат себя на людях? Рассуждают, импровизируют, шутят. Тут думаешь об одном – не перецепиться бы через провод.

Но вот подхожу к амвону. Слава Богу – не упал. Гляжу в зал. Он отвечает доброжелательно и ободряюще, все свои. Достаяю из кармана листки с текстом. Боже, помогай! Главное – публично, при всем народе, при епископе, после и городском голове назвать тех, кто помогал костелу за эти семь лет. Всех, конечно, не перечислишь, и кто-то будет обижаться – простите меня! Еще раз гляжу в зал, надо начинать.

– Когда я готовился к выступлению и окидывал взглядом прошедшее время, я поразился,

* Радуйся Мария, благодати полная (лат.)

** Слава в вышних Богу! (польск.)

как много людей принимало участие в процессе восстановления костела. Верующие и неверующие, руководители предприятий и простые люди. Как хорошо, что нас было много, что костел соединил нас. И сейчас от имени римско-католической общины святого Николая мне хочется выразить глубокую благодарность и признательность тем, кто внес наиболее весомый вклад в дело возрождения костела.

Начинаю перечислять. Дома этот текст казался значительно короче. Зал, притихнув, таким и остается – значит, слушают. Но все равно, хорошо, что мое выступление кончается – вслед за мной будут говорить большие личности.

К микрофону выходит городской голова. Строгий, подтянутый, серьезный и располагающий к себе. Интересно, он волнуется или нет? Швеца принимают хорошо. Радует, что его авторитет не кончается стенами исполкома. Городской голова обратился к собравшимся. – Ваше высокопреосвященство, высокочтимое священство, господин посол, дорогие парafiaне, гости Днепродзержинска! Всем Днепродзержинском мы восстанавливали этот великий храм. Я всех вас поздравляю с этим великим праздником, праздником Днепродзержинска, праздником католиков Днепродзержинска. Крепкого всем здоровья, благополучия и мира!

Поднялся ксендз Мартин. И следующими словами Василий Яковлевич окончательно покориł собравшихся.

– Дорогое духовенство костела! От имени наших побратимов города Кельце разрешите вручить вам эту монстранцию. Спасибо отцу Мартину! Пусть он всегда знает, что днепродзержинцы всегда будут считать и считают: это наш земляк, это днепродзержинец! Зал взорвался аплодисментами, а городской голова вручил настоятелю прекрасную монстранцию-дароносицу и расцеловался с ним.

Не успели утихнуть овации, как люди были готовы рукоплескать вновь. У микрофона Ежи Барр, посол Польши в Украине.

– Здравствуйте! – сказал посол. – Слава Иисусу Христу! Я здесь в двойном характере. Можно сказать, как официальный гость и просто как верующий. Я знаю точно, что это, что официальное, в таком месте не имеет значения, самое главное, что я – верующий. Я хочу поблагодарить тех, которые помогали здесь, которые разрешили передать храм. Я знаю, что за этим огромная работа; очень, очень благодарю. Когда я смотрю на это, что здесь происходит, когда думаю про свою дипломатию, думаю, как ничтожна эта профессия, в которой все не так легко, чтобы любить. А здесь неважно, кто ты по национальности, важно, что ты зашел в эти чудесные стены. Здесь еще не все готово, но самая важная, самая чудесная роспись – это молитва человека. И я уверен, что этой росписи здесь будет очень много. Цените это, что после страшного времени вернулась человеческая работа и, прежде всего, любовь и вера.

Господина посла у амвона заменил настоятель Свято-Николаевского Собора отец Александр Свидунувич. У него в руках икона.

– С уважением и в связи со столетием! Это икона Святителя и Чудотворца Николая Мир-Ликийского, которая нас объединяет. Объединяет наш собор и костел, как общий наш молитвенник. Мы дарим ее вам, чтобы выразить вам искреннюю нашу любовь и уважение.

Отец Александр поцеловал икону и передал ее ксендзу Мартину. Ксендз взял икону в руки и также ее поцеловал. Зал аплодировал стоя.

Кончается торжественная месса, но не кончается торжество. Люди праздничной массой выходят из храма и покрывают двор костела. Уйти за пределы ограды просто невозможно, хочется улыбаться и передавать радость праздника другому и самому получать непрерывное подтверждение, что сегодня великий день, настоящий юбилей любимого храма. Но разъезжаются гости. Мы их еще увидим сегодня. Отец Мартин приглашает на праздничный обед городского голову с командой и, конечно же, православное, греко-католическое, римско-католическое духовенство, сестер-монахинь, миссионеров, наиболее активных прихожан и сотрудников костела.

– Во сколько нам подъехать? – спрашивает городской голова.

Находясь в совершенной прострации и эйфории праздника, потеряв чувство времени, но точно помня, что с метрдотелем «Голубой волны» мы договорились на два часа, я, не глядя на руку, уверенно отвечаю.

– Приезжайте к двум, Василий Яковлевич, мы будем вас ожидать.

– Хорошо, буду в два, – сказал городской голова, – а пока не прощаемся, у меня еще есть неотложная работа в исполкоме.

Не успел растаять выхлопной дым отъезжающих автомобилей, как благодатная улыбка сползла с моего лица. Это я взглянул на часы. О, Боже!! Они показывали без двадцати минут два. Это означало, что нам прямо сейчас, ну еще минут через десять, надо садиться в автобус и ехать в «Голубую волну».

– Ксендз Мартин! – заорал я. – Ксендз Мартин!

Но настоятеля нигде не было видно. Меня охватила самая настоящая паника. Я представил, как через пятнадцать минут городской голова подъезжает к «Голубой волне», а там никого нет. Скандал!! Я схватился за голову. Пробиваясь сквозь толпы прихожан, с отчаяньем спрашивал:

– Где ксендз Мартин? Вы не видели ксендза Мартина?

– Да был вот только. Может, он в костеле?

Ксендз Мартин нашелся в часовне, где он беседовал с епископом и послом. Вмешиваться в беседу я не осмелился, и поэтому только издали посылал ксендзу сигналы SOS. Наконец он меня запеленговал.

– Что случилось, пан Саша?

– Через пять минут Швец будет в «Голубой волне», а там никого...

– Хорошо, не волнуйтесь так. Я еду вперед на машине, а вы набирайте людей и приезжайте автобусом.

Ксендз Мартин умчался, а я столкнулся с новой проблемой. Никто не хотел ехать в ресторан. Я бегал по двору костела и упрашивал, умолял людей садиться в автобус. Бесполезно! Священники и монахи согласно кивали головами, улыбались и говорили, что подъедут позже. Прихожане непонимающе смотрели на меня и просто отмахивались. Мимо проходил Стас Шевчик.

– Стас! Стой! – окликнул я его.

– Да, в чем дело?

– Стас, садись в автобус, поедem в ресторан.

– В какой ресторан? Я не хочу ни в какой ресторан. Мне и здесь хорошо.

– Стас! Я тебе приказываю, поехали в ресторан.

Стас захлопал белесыми ресницами.

– Я не поеду... Не порть мне праздник своим рестораном.

Тут я заметил ксендза Александра Бондаренко с Ольгой Казимировной.

– Отец Александр, Ольга! Садитесь в автобус, я вас умоляю.

Увидев, что я начинаю косить ногами, они зашли в автобус.

– Поехали! – крикнул я водителю, заскочив следом.

– Куда поехали?

– В ресторан!

– А люди где? Я что, троих буду везти?

– Они потом подойдут, поехали!!

Водитель недоуменно пожал плечами и завел двигатель.

– Так что, едем?

– Едем-едем! Опаздываем.

Подъехав к «Голубой волне», мы увидели еще более недоуменное выражение, написанное на лице настоятеля.

– Пан Саша! Вас что, всего трое?

– Трое, – подтвердил я.

– А где же остальные?
– Никто не хочет ехать.
– Гм-гм, прошу прощения, но как можно использовать автобус для троих? Я вас не понимаю.
– Ксендзы меня не слушают...
– Хорошо. Оставайтесь здесь, а я вернусь в костел. Пан водитель! Я вас прошу еще раз поехать в костел.
«Пан водитель» хмыкнул, скептически посмотрел в мою сторону и закрутил баранку. Через некоторое время автобус подъехал к ресторану, наполненный священниками и прихожанами.
В красной сутане, окруженный ксендзами, появился епископ Станислав Падевский, и почти сразу же – будто соблюдался некий протокол – вошел Василий Шве́ц и сопровождающие его лица. После короткой молитвы и взаимных приветственных тостов растаяла последняя официальность, и атмосфера дружеской беседы воцарилась в зале.
Ксендз Станислав, бородатый священник, друг отца Мартина, более двадцати лет провел на миссии в Африке. Он поднимает бокал и, долго и энергично жестикулируя, о чем-то говорит по-польски, не обращая внимания, что половина зала его совершенно не понимает. Дмитрий Соколов, староста днепропетровской католической общины, уже спорит с православным отцом Геннадием по вопросу Символа Веры. Спорщики строго держат себя в рамках взаимного уважения и остаются при своем мнении, но довольные друг другом и собой.
Фото на память. Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!
Ксендз Мартин и тут остается верен себе. Он не может усидеть на месте и то и дело отлучается из-за стола, чтобы поехать в костел и посмотреть, как там дела. Кое-кто из присутствующих пытается воспользоваться уникальной возможностью столь близкого присутствия городского головы, чтобы решить свои проблемы.
Швец поднимается для прощального слова. Все следуют его примеру, а сопровождающие городского голову официальные лица кажется с некоторым сожалением покидают зал за своим руководителем. Все было хорошо!
После некоторой паузы мы также оставляем гостеприимную «Голубую волну».

Уже вечер. А в костеле по-прежнему бурлит праздник. Что за день сегодня потрясающий! Прихожане, строители, священники смешались в кучу. Радость на всех одна! Сто лет!! Виват, святой Николай!!!

Глава 16

Влюбленные в музыку

Я никогда не встречал такой красивой пары. У них все тонко, изысканно и гармонично – даже имена: Генриетта и Альберт. Они так приковывают взгляд, что становится неловко за себя – нельзя же так откровенно любоваться людьми.

Чета Роже появилась в костеле году в девяносто втором, приехав в Днепродзержинск из Прибалтики. Кажется, у них там было все, что нужно для счастья: вера, любовь, работа, дом. Коренной литовец, Альберт работал директором клайпедской специализированной музыкальной школы-интерната для одаренных детей. В своей школе он построил орган и руководил хором мальчиков. Как одному из лучших литовских дирижеров, ему доверяли руководить хорами в десять тысяч (!) человек на грандиозных фестивалях, проводимых в Вильнюсе на «Певческом поле». Имя Альберта Роже занесено в литовскую энциклопедическую

дию.

Генриетта всегда немного завидовала литовцам: такой немногочисленный, но какой сплоченный народ. Прибалты никогда не считали себя частью Советского Союза, их так и не удалось русифицировать. Литва сохранила свою культуру, свои обычаи и колорит. И здесь не разрушали костелы. Но после распада СССР и обретения столь желанной независимости, волна неприязни к Москве перекатилась и на выходцев из союзных республик, осевших в Литве. Внезапно Генриетта, сама прекрасный музыкант-педагог, с обидой почувствовала, что ее, прожившую в Литве более тридцати пяти лет, сторонятся и считают чужой.

– Вот как! – подумала она. И собрав свои вещи, уехала на историческую родину.

– Вот так-так! – подумал Альберт и уехал за Генриеттой.

Днепродзержинск разочаровал.

Одним из первых светлых пятен стала для четы Роже газетная заметка о восстановлении костела. Что-то потеплело внутри – может, вправду восстановят? Они отчего-то переволновались, собираясь в костел, где встретились с удивительным отцом Мартином, настоятелем храма. Этой встрече интеллигентных и деятельных людей суждено было высечь искру добрых отношений, результатом которых стало рождение хора римско-католического прихода Святого Николая. Впоследствии, с подачи отца Мартина, хор выбрал себе название – «Кантикум Новум», что в переводе с латыни означает «Новая песнь». Как богата жизнь поразительными моментами. В наше время вдруг расцветет посреди запустения и серости яркий и благоуханный бутон духовности, питающийся чистой росой христианской любви и высокой гармонии, о чем и говорить вслух не всегда решишься – не нарушить бы эту гармонию неуклюжестью слога. И ничего к цветку сему не прилипает грязного, но он сам тонким ароматом литургических мелодий заставляет вспомнить, что у человека есть душа, которой свойственно стремиться к небу.

Дебют хора состоялся 6 декабря 1997 года на торжественной мессе, посвященной 100-летию костела Святого Николая. Это было лихорадочное, нервное, сумасшедшее, прекрасное время. Посреди гвалта, лязга и скрежета подготовки к юбилею хор репетировал программу. Никто ничего уже не понимал. Было ясно только одно: шестого декабря этот дурдом, наконец, кончится.

Пятого декабря в первом часу ночи хор, под аккомпанемент устанавливаемых входных дверей, проводил генеральную репетицию. Альберт Роже выходил на разные точки зала и сосредоточенно слушал. Потом внезапно срывался с места, хлопал в ладоши и кричал:

– Стоп! Как вы открываете рот? Представьте, вы глотаете горячую картошку. На таком вдохе и пойте! Что? Поехали еще раз!

И хористы, послушно представляя у себя во рту горячую картошку, изо всех сил тянули по латыни:

– Лаудате Доминум! Лаудате Доминум!

Восстановленная, а, вернее, излеченная акустика храма, сработанного мастерами девятнадцатого века, мощно и сочно разносила звуки по полупустому костелу.

Наутро, будто внемля молитвам настоятеля, Господь дал праздник. Все, кто был тогда в костеле, наверное, помнят этот день до сих пор. Народу собралось столько, что вместить больше уже было просто невозможно. Царила атмосфера приподнятости и полета, все стали участниками и свидетелями торжественной мессы и повторного освящения храма. И над всем собранием, завораживая, проникая глубоко в душу и увлекая ее вверх, звучал хор. В один день хор стал знаменитым, а его рождение – событием в духовной жизни костела.

Удивительно, но, по словам многих хористов – а это сплошь молодые прихожане костела – они не волновались перед своим первым выступлением. Возможно, они просто не понимали значимости происходящего.

Строго говоря, присутствие или отсутствие хора на мессе не добавляет святости происходящему на алтаре. Но и не уменьшает. С точки зрения Церкви, рассматривающей мессу

как акт соединения человека с Богом, совершенно не имеет значения, совершается ли богослужение в Ватикане, в Днепродзержинске или где-то в тюремной камере. Не играет роли и то, блистательна ли была проповедь или священник заикается, одет ли он в золото и парчу или отправляет походную мессу в альпинистском снаряжении. Во всех случаях происходит одно и то же: хлеб и вино преосуществляются в Тело и Кровь Иисуса Христа, которыми Церковь причащает своих верных. Христос одинаково присутствует для всех верующих в него: для праведника и для грешника, для Папы Римского и папуаса Новой Гвинеи.

Безусловно подтверждая истину о несомненном присутствии Иисуса Христа на любой мессе, Церкви, разумеется, не все равно, как совершается богослужение. Идея божественности происходящего должна подкрепляться и подтверждаться красотой, красотой храма, красотой обряда, красотой хорового пения.

Хор сразу заметили в епархии. Последовали приглашения в Кировоград, Павлоград, Таврийск. Позже, как дополнение к сопровождению богослужений, возникла идея совместного выступления в стенах костела с камерным оркестром, но уже вне рамок мессы. Как Альберту и Генриетте Роже удастся достичь такой красоты пения от непрофессиональных исполнителей – загадка. Лично зная всех хористов, я никогда не понимал критериев отбора в коллектив. Кажется, из человека ноты не вытянешь, а его записывают в хор. Как я ни пытал Альберта и как он ни объяснял мне свою систему «музыкально-человеческого подбора кадров», я все равно ничего не понимаю: совершенно обыкновенные парни и девушки, соединяясь вместе, поют так, что замирает сердце. Что забываешь обо всем на свете. На них идет искушенный слушатель, и хор не перестает удивлять. Почти никто из хористов не знает нотной грамоты, но хор (без нот! читая лишь текст на нотном стане) исполняет сложнейшие произведения Моцарта.

Кто поет, тот молится дважды – говорят учителя Церкви. Для того чтобы хор запел, а вместе с ним и души прихожан, Альберт и Генриетта, не замечая трудностей, без устали ваяют, подобно Пигмалиону, свою Галатею-хор. И под их руками повторяется мифологическое чудо пятитысячелетней давности: прекрасная Галатея оживает, и в нее невозможно не влюбиться.

Альберт Роже: «Мне очень нравится работать с нашим хором. С верующими вообще интересней работать, для них – это настоящее дело, которому они отдаются самозабвенно и очень ответственно».

Генриетта Роже: «Костельный хор – это почти единственная наша отдушина. Ребята прибегают на репетиции с замасленными после работы руками, жертвуют временем учебы, чтобы потом наверстать его ночью. Они нас ждут так, как нас нигде не ждут. Я очень им благодарна. И одновременно, зная, что их объединяет не просто музыка, но вера и костел, я думаю, что без этой объединяющей и возвышающей идеи хор никогда бы не состоялся».

Виктор Корытько, дирижер оркестра музыкального училища, после совместного выступления с хором, сказал:

– Мои ребята были поражены тем серьезным отношением к своему делу и своему костелу со стороны хористов и всех, кого они могли наблюдать в костеле. Здесь нет халтуры, здесь все настоящее. И для моих ребят было очень важно это увидеть и почувствовать.

Отец Мартин: «Мы все признательны нашему хору за прекрасное пение и возрастающее мастерство. Но более всего мы признательны за ваше бескорыстное служение. Служение костелу и всем тем, кто приходит сюда».

А сами хористы, возбужденные и сияющие после выступления, чувствуют себя настоящими артистами. Они счастливы, как будто пели в Карнеги-холл, пусть большинство из них и не знает, что это такое.

Как истинные педагоги, Генриетта и Альберт никогда не ограничивали свое общение с молодыми певчими рамками репетиций, изучением нотной грамоты и выступлениями на мессах или концертах. Хотя сами по себе репетиции в исполнении четы Роже являются непревзойденными уроками пения и прекрасным полигоном для раскрытия внутреннего

потенциала молодых людей, потенциала, который вне костела возможно нигде и никогда не был бы востребован и реализован.

Руководители костельного хора на правах лидеров и старших друзей организуют коллективные вылазки на природу. На живописных берегах Днепра молодежь шумной и веселой ватагой готовит шашлыки, играет в волейбол и, конечно, поет. Генриетта придумывает всевозможные шарады и заморочки, каждый должен выступить со своим, заранее подготовленным номером. И хористы с жаром и удовольствием проявляя таланты, исполняют собственные песни, разыгрывают миниатюры, показывают пантомиму.

Когда все наигрались, надурчились, насмеялись и напелись вволю, Роже приглашают молодежь к себе домой. О, это совсем не обычный дом! Дом подстать Генриетте и Альберту. Его охраняет огромный добродушный пес, скучающий по своим хозяевам. Во дворе между деревьями висит большой гамак, а в погребе хранится необыкновенно вкусное домашнее вино из винограда и шелковицы. В гостиной комнате, стены которой затянуты шелком, стоят пианино и рояль!

Генриетта подходит к инструменту и начинает играть. И все исчезает. Последнее, что растворяется в божественных звуках, это мысль – неужели так действительно бывает?

– В нашем доме есть две очень ценные вещи, – говорит Генриетта, – это рояль и свеча. Но вряд ли вор, пробравшийся к нам, позарится на них. Рояль большой, его не вытащишь, а свеча... Кому она нужна, кроме нас?

Но, тем не менее, свеча действительно замечательная. Это – Свеча Друзей Дома Роже.

От толстой и высокой свечи-матки, которая выносится на середину стола, зажигаются по очереди маленькие свечки. Держа в руках свой трепещущий огонек, можно обратиться к хозяевам дома, к окружающим тебя друзьям, к себе самому. Но только один раз! Будь искренен, не говори пустых слов. А потом, растопив обратный конец своей свечи, прикрепи ее к центральной. Очень трогательное, глубокое, запоминающееся действо.

За несколько лет центральная свеча обросла множеством красных, синих, белых, оранжевых свечечек. Она стала толстым, разноцветным сталагмитом, растущим от сердец прошедших через этот дом друзей. Я горжусь, что среди прочих, там есть и моя свеча.

Ксендз Мартин любил этот гостеприимный дом и его хозяев. Однажды, вырвавшись «на природу», он долго лежал на пригорке в мягкой траве, покусывал стебелек и все глядел-глядел в небо. Альберт и Генриетта тактично не тревожили настоятеля, не нарушали его покой.

Потом он словно очнулся, поднялся с теплой земли и подошел к костру.

– Дорогие мои, я очень вам благодарен, что вытащили меня сюда. За всеми не проходящими делами, вечной суетой просто забываешь, что можно вот так послушать свист птиц, посмотреть на облака, подумать – а как там дальше облаков, как там выше?

Вечером, после чаепития, ксендз Мартин взволновано зажигал свою свечу.

– Вот находясь рядом с вами, с людьми, которых я бесконечно уважаю, я хочу высказать вам свою мечту. Я хочу, чтобы вы всегда шли по жизни такой прекрасной парой, и чтобы между вами присутствовал Христос. Я хочу, чтобы жажда Христа привела бы вас к жажде церковного брака. И я очень надеюсь, пусть это далеко и не самое главное, соединить вас лично этими узами Церкви.

Настал день, и мечта ксендза Мартина сбылась.

Против всяких правил книгописания, я не могу не повторить слов, сказанных в начале главы: я никогда не встречал такой красивой пары! Красивой внешне, красивой внутренне, пары, глядя на которую не просто завидуешь чисто, но думаешь и мечтаешь: ах, мне бы так! Ах, мне бы...

Венчание Альберта и Генриетты происходило вечером. Оранжевый свет струился из окон костела. В храме только свои: хористы и кто-то из прихожан. Невеста необыкновенно хороша. Видел ли костел более изумительную женщину?

Длинное темное платье, облегающее прекрасную фигуру, черные, как ночь, волосы, уложенные в дивную прическу, искрящиеся радостью глаза и розы на груди. Такой предстала

Генриетта. Если кто и мог составить достойную пару этой удивительной женщине, так это ее муж – Альберт Роже. Он был рядом.

Какие акценты расставляет жизнь на своих перекрестках! Католик Альберт венчается с православной Генриеттой, свидетелем чему является их зять, протестантский пастор Юрий. Это ли не прообраз Нового Иерусалима, единства детей Божиих?

Отец Мартин соединяет руки Генриетты и Альберта. Альберт смотрит в бездонные глаза своей Прекрасной Дамы, своей любимой Генриетты и с чувством произносит слова брачной клятвы.

– Я, Альберт, беру тебя, Генриетта, в жены и обещаю тебе хранить верность в счастье и несчастье, во здравии и болезни, а также любить и уважать тебя во все дни жизни моей. Генриетта ответила Альберту долгим, полным любви и желания, взглядом и проникающим под кожу голосом ответила.

– Я, Генриетта, беру тебя, Альберт, в мужья и обещаю тебе хранить верность в счастье и несчастье, во здравии и болезни, а также любить и уважать тебя во все дни жизни моей. Костел замер, любуясь прекрасной парой и бьющей через край любовью.

Ксендз Мартин взял венчающихся за руки и, волнуясь и радуясь вместе с ними, провозгласил:

– Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает. И заключенный вами союз я подтверждаю и благословляю властью Вселенской Церкви во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Аминь!

Глава 17

Lacrimosa

Когда-то это должно было случиться.

Он уехал. Навсегда. В это не хочется верить.

Здесь все пропитано его присутствием, наполнено его личностью, его осуществленными идеями. Он оставил все и уехал. И его вещи, книги, картины, его костел, оставшиеся на своих местах, создают иллюзию, что он просто вышел на минутку и скоро вернется. Мы еще не осознаем случившегося, лишь беспомощно смотрим друг на друга: может, произойдет чудо, епископ передумает и поймет, как плохо нам без нашего настоятеля...

Я помню его первый приезд в костел... Как он мне не понравился тогда, этот ксендз Мартин! Как мне хочется быть сейчас оттого, что он уехал...

Я помню, как шло время, и этот не самого крепкого здоровья священник все более раскрывался перед нами, поражая, удивляя и радуя тех, кто попадал под влияние его личности. Он одинаково мог расположить к себе и уверенных, сытых директоров заводов и отчаявшихся, разуверившихся во всем людей, которые потом зачастую становились прихожанами костела. Под его влиянием безнадежное дело восстановления костела приобретало черты духовного возрождения, а сам он стал гарантом чистоты этого нелегкого процесса.

Ксендз Мартин не обошел вниманием ни одного из обратившихся к нему за духовной, моральной или материальной поддержкой. Сколько он возился с нами со всеми! Рассказывал, слушал, убеждал, ободрял, молился, сочувствовал, просто помогал деньгами.

Иногда возникала мысль: для чего ему, иностранцу, нужно так заботиться о нашей культуре и истории, или ему мало проблем, связанных с восстановлением костела? Два года подряд в костеле с нарастающим успехом проходили классические концерты струнного квартета. Ксендз Мартин устроил коллективу гастрологи в Польше, где музыканты даже стали лауреатами премии имени Венявского.

В музей истории города ксендз Мартин привез выставку «Адам Мицкевич», по его инициативе в костеле проводились резонансные семинары-диспуты по вопросам защиты жизни

и истории религиозных конфессий края.

В костел за помощью и душевной теплотой шли отовсюду. Все знали: если есть возможность помочь человеку – отец Мартин поможет. Но главным делом его жизни было, безусловно, возрождение католической общины и костела Святого Николая. Невозможно подсчитать, сколько тысяч километров исколесил ксендз Мартин в поисках средств и специалистов для восстановления костела.

Кто-то назвал его апостолом... Кто-то – Моисеем, за которым пойдешь через любую пустыню. По приходскому двору за ксендзом Мартином всегда бегали кошки и собаки, он их гладил, кормил, лечил. Мы все бегали за своим настоятелем, как собачата, и каждый из нас мог бы рассказать свою историю, как его пригласил, обласкал, излечил отец Мартин. Двадцать пятого июля 1999 года, на своей последней воскресной мессе ксендз Мартин прощался с прихожанами и костелом.

Костельный хор, детище ксендза Мартина, запел на вход священника:

Ты не печалься, ты не страшись,

Если Бог с нами, кто против нас?

Ксендз Мартин, настоятель костела Святого Николая, в окружении министрантов, шел через весь костел от входных дверей к алтарю. По сторонам от прохода стояли прихожане. Те, с кем он начинал здесь семь лет назад. Те, кто пришел в костел, услышав от него Слово Божье.

Сергей Веселов, продолжая музыкальную тему, пел с высоты хоров:

И не жалея о прошлом ничуть,

Вижу, как катится мир к катастрофе

Голос Сергея прекрасным тенором разносился по храму, проникая во всякий уголок и всякую душу, находящуюся здесь.

Каждое слово песни казалось не случайным и относящимся к этому моменту прощания.

Отец Мартин взошел на амвон.

– Все идет во благо, – почти бесстрастно сказал он. – Лучше и лучше. Я очень рад в такой торжественной обстановке совершить, так сказать, последнюю службу мою в Днепродзержинске. Вспомним, дорогие мои, наши прегрешения. Осознаем, что мы приходим сюда не за наградой, но как слабые грешники, которые нуждаются в поддержке Господа, Его помощи и любви.

Паства глухо повторяет за ксендзом:

– Исповедую перед Богом всемогущим и перед вами, братья и сестры, что я много согрешил: мыслью, словом, делом и неисполнением долга...

На верху одиноко стоят хористы. В боковом алтаре желто-коричневой горой лежит в штабеле дуб. Когда-то ксендз Мартин привез его в костел. Из него уже сработаны входные двери, фасад и два больших боковых окна. Но лучше, чтобы не зареветь, не смотреть никуда – ни на людей, ни на предметы: во всем проступает отец Мартин.

– Чтение Евангелия от Матфея, – провозглашает настоятель. И мы отвечаем:

– Слава тебе, Господи!

Ксендз берет в руки Священное Писание.

– Иисус сказал народу: Подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет, и продает все, что имеет, и покупает поле то... И спросил их Иисус: поняли ли вы это?

Ксендз Мартин окинул взглядом костел.

– По поводу нашего расставанья стоит передать какое-то завещание, слово на прощание наше. Но разве может быть что-то лучше, выше Божьего Слова, начиная с вопроса: поняли ли вы это? Какое это? Не только притчу. Поняли ли вы, что случилось на протяжении прошлых семи лет? Понял ли я? Если мы в состоянии все события нашей жизни, в том числе события последних семи лет, относить к Богу и увидеть в этом руку Господню, значит, поняли. Но если остается либо роптание, недовольствие, разочарование сильное, а может только радость тихонькая – уже давно надо было так разойтись! – значит, не поня-

ли. Если бы я привязывался только к одним людям, хотел быть здесь всегда и не представлял себя в другом месте – значит, ничего я не понял. В сравнении с Господом нашим, этой прекрасной жемчужиной, все остальное – ерунда, вздор. Ищите Царства Божьего, ищите его в своей жизни, оно недалеко от вас!

В состоянии ли мы расставаться с людьми, с вещами спокойно? Без ропота, уверенные в том, что Бог заботится о нас и, прежде всего, дает веру, мудрость сердца. Это прекрасное качество, которое позволяет различать добро и зло. А если ты согласишься Богу и Его полюбишь – услышишь? – любящему Бога все идет во благо. И это наше сегодняшнее «до свидания» тоже содействует к благу. И я глубоко убежден – это есть храм Господа нашего, Иисуса Христа, это – Его приход, Его паства, здесь сидящая. Его! А Он посылает рабочих своих на жатву в виноградник свой, Он знает все ваши нужды, страдания, беды, надежды и отвечает всегда любовью. И все содействует к благу! Только одного нам надо: не перестать, не останавливаться в поисках жемчужины, которой является Иисус Христос. Не потеряйте ее, братья и сестры, этой жемчужины. Аминь...

На последних словах проповеди ксендз Мартин почти кричит, успокаивая нас. Кажется, он сейчас сорвется. Сколько раз то ли в шутку, то ли всерьез, он говорил нам, своим друзьям, что хотел бы умереть в Днепродзержинске. И мы – то ли всерьез, то ли в шутку отвечали ему: нет ничего проще! Мы подберем для вас место, отче, за оградой костела...

И когда настал момент передачи знака мира, к священнику тянулись руки в знаке прощания, любви, плохо сдерживаемых слез. После причастия ксендз Мартин благодарил свою парафию.

– Хор – наше молоденькое дитя. Вы волновались сегодня, и это хорошо. Хочу сказать вам «спасибо» – пойте Господу песню новую! Всем, кто только начал приходить в костел – спасибо! Спасибо, что вы откликнулись на приглашение Господа. Я глубоко убежден, что здесь будет расцветать настоящее христианство. Христос всему тебя научит, только избери Его! Найди Его! Не перестань искать Его в своей жизни! Сюда, в костел, мы приходим искать Христа, а не впечатлений и сантиментов. Может, и не увидим отца Мартина больше? Может, и не увидим! Но дай Бог, чтобы мы встретились в Его Царстве, в Его доме – это самое главное. Все остальное, повторяюсь, как старик уже повторяюсь – ерунда! Сестры, братья! Уже начинаю кричать на вас... Значит, еще чувствую себя пробощем здесь, настоятелем. Но это уже последний день, хорошо?

Сестры и братья уже не сдерживали слез. Прощайте, отец Мартин!

– Пан Александр уже, правда, готовится что-то сказать мне, а я ему не разрешаю. Хочу сказать ему тоже большое спасибо. За помощь, такую очень деловую. И дружеские отношения на протяжении этих лет. Конечно, бывали и тяжелые моменты, и хорошо, что они были, что Бог все преодолел.

Ксендз Мартин обвел глазами костел:

– Много здесь было сотрудников наших. Не могу не сказать спасибо и «Bog zaplas» Сергею Федорову, который почти с самого начала со мной: как завхоз, водитель, друг, мажордомус и еще многое другое. Он всегда был в тени, его нет ни на одном фильме о костеле, а ничто здесь не происходило без его участия.

Сергей кусает губы и уже откровенно плачет. Терять своего отца, своего друга и наставника...

– Хотя Сергей и не католик... Хотел бы сказать – еще не католик... А я убежден, что Бог его ищет!

Ксендз замолчал, всхлипнул, закрыл лицо руками и застыл, сотрясаемый внутренними рыданиями. Может быть больше, чем о ком-либо, он жалел об этой душе, которую он так и не успел обратить. Так и стоял перед своими прихожанами настоятель, не в силах сдерживать слез. Костел ответил ему слезами.

– Сережа! Бог уже объявил силу свою на твоей жизни. Держись Его, не опускай руки... Даже я не ожидал, что я... в такой момент, я... человек слабый, оказывается.

* Бог отблагодарит (польск.)

Усилием воли ксендз Мартин взял себя в руки.

– В организации «Каритас» спасибо за всякую помощь нашему врачу – пани Оле, за ее готовность всегда служить и помогать. И тем спасибо, кто как Галина, на кухне, тихонько, но всегда с улыбкой, не стыдятся никакой черной работы. Женщинам, может неформально во главе с малой пани Валерией Домбровской, которые столько лет приходили убирать и убирают костел и территорию – спасибо им!

Ксендз Мартин замолчал на мгновение. Ему так хотелось передать напоследок своей пастве что-то самое важное, самое нужное, квинтэссенцию своего семилетнего служения костелу Святого Николая.

– Бог нас призывает. И он заботится, чтобы наши имена были выписаны там, на небесах, в Книге Жизни. И это самое главное. Пройдет время, а мы не пройдем. Смотрите, сколько заброшенных могил и гробов. Но это не страшно. Главное – верить в новую жизнь, чтобы быть навсегда с Богом. И спасибо Ему, что Он всегда заботится и помнит о нас. Мы уходим, убегаем от Него, а Он нас ищет, как пастырь своих овец. А мы – ищем Его, часто не зная, что мы фактически Его ищем, что мы страдаем ужасно из-за отсутствия Его любви, а точнее, из-за отсутствия нашего ответа на Его любовь.

Отец Мартин хлопнул рукой по амвону.

– Спасибо! Все нормально, жизнь идет дальше!

Раздирая сердце, звучит «Многая лета». Сегодня свершилась прекрасная месса, а мы наполнены тоской и грустью. Грустью расставания. Одновременно мы можем, но еще не решаемся назвать себя счастливыми: ведь столько лет мы были вместе!

После мессы отец Мартин приглашает меня к себе в комнаты. Они забиты книгами, журналами, картинами, кассетами. Обведя вокруг рукой, ксендз сказал:

– Выберите отсюда, что хотите. Пока я здесь еще хозяин. Все что угодно. Книгу?

Я сотни раз бывал здесь. И почти не раздумывая, спросил:

– Можно вот эту картину?

Картина изображала костел зимней ночью. Светит луна, лежит снег, а из окон храма пробивается теплый, зовущий свет. Красок немного, но они почти гениально передают непреходящее настроение грусти, печали по ушедшим и тихой надежды, что там, внутри храма вас может быть ожидает спасение. Эту картину написал Александр Солодовников, талантливый, спившийся художник. Он приходил к отцу Мартину и, смущаясь, просил несколько гривен на вино. Отец Мартин просил художника о другом.

– Саша, я буду заказывать у вас картины. Возьмите себя в руки и пишите, ведь у вас редкий талант, не хороните его!

Картину с костелом Саша Солодовников написал просто так и принес ксендзу в подарок. Спустя несколько дней художник ушел из жизни.

Ксендз Мартин снял картину со стены и передал ее мне. На память.

А через три дня он уехал. За пару часов до отъезда в костел позвонил городской голова.

– Это правда, что уезжает ксендз Мартин?

– Да, правда.

– Через десять минут буду.

Через десять минут Василий Швец был в костеле. Они обнялись с настоятелем. Может быть, в этот момент городской голова вспомнил, как, будучи впервые в городе-побратиме Кельцы, он увидел на ступеньках мэрии ксендза Мартина, который специально ожидал там его, чтобы морально поддержать. А может, он вспомнил необыкновенно вкусные пирожные, рецепт необыкновенности которых заключался в том, что их надо есть за чашкой чая в компании с настоятелем костела. Или что-нибудь еще. Ведь как много можно всего вспомнить!

– Не забывайте, отец Мартин, мы всегда будем считать вас днепродзержинцем, – сказал городской голова.

Не забывайте нас, отец Мартин

Глава последняя. Новая.

Ярким солнечным днем посреди дороги напротив костела стоял странный человек.

Он был бородат, худощав, почти аскетичен, одет в длинную коричневую рясу со свисающим капюшоном, подпоясанную белым шнуром. И в сандалиях на босу ногу. Человек почесывал бороду и живо поглядывал по сторонам, будто поджидая кого-то.

Вдруг он встрепенулся, прищурился и стал похож на длинноногую цаплю, увидевшую долгожданное лакомство – зеленых лягушек, ради которых еще нужно помахать клювом.

По улице со стороны коммерческого техникума, который давным-давно назывался заводским училищем, – развинченные и малость приبلатненные – шли группой подростки.

Тинэйджеры, или как их там. Им было весело. Не обращая внимания ни на кого, они шумно прикалывались над собственными шуточками, перемежая речь спонтанным матом, думая, что так оно и надо. Девчонки ругались не слабее пацанов и смачно затягивались сигаретами.

– Хей! – окликнул их человек в рясе с капюшоном. – Як справи?

Ребята остановились и с любопытством и иронией разглядывали говорящего.

– Мене звуть брат Блажей, я – монах-капуцин та настоятель цього костьолу. Заходьте до нас!

– Ой, я умру... И что там делать? Молиться?

– Молитися? – в ужасе вскричал монах. – Та ні! Будемо займатися любов'ю!

Насмешливое выражение лиц сменилось на недоверчиво-обалденное.

– Чем-чем? Любовью?

– Это как? Глубоко?

Монах утвердительно затряс бородой.

– Натурально! Любов'ю!

– И где ж мы будем ей заниматься?

– Та просто ж у бібліотеці! Я дивлюся на вас та й думаю: які гарні дівчата – скільки ж тут роботи!

Молодежь переглянулась.

– Зайдем?

– А что я – самый умный?

– Та давай зайдем, побакланім немного...

– Ти диви, які неспіливі! Я хоч і монах, а все ж не кусаюся.

И залился веселым смехом. Лед был сломан.

Через час, выходя из библиотеки, смеялись все.

– Но то хто нам дає правдиву любов? Хто є джерелом любові?

– Христос?

– Амінь! А ти казав – секс.

Ребята схватились за животы.

– Тоді до побачення! Приходьте ще до нас.

– Придем, брат Блажей! В натуре!

Новый настоятель костела святого Николая, монах-капуцин, брат Блажей Суска попал в Днепропетровск не на пустое место. Здесь, на фундаменте, забитом ксендзом Мартином, стояло здание католической веры, которое можно было обустривать и украшать, добавлять вверх и вширь.

– Я щиро вдячний ксьондзу Мартину, що він залишив після себе таку підготовлену парфію. Підготовлену до прийняття нового пробоща. Я знаю, як ви любили і як плакали за своїм настоятелем. По-людськи це цілком зрозуміло. Може, десь у Красилові тепер хтось плаче за мною... Сподіваюся, що ви приймете нас, братів менших капучинів, та ще й полюбите. Але головне, щоб тут, у Дніпропетровську, й надалі розквітала католицька віра,

правдива християнська любов.
Что-то новое входило в костел.
Не такое. Другое. Но не выходящее за рамки католичества.
Боже, как оно широко...

Эпилог

г. Хмельницкий, 11/12 – XI, 99

Дорогой Александр!

Хотя теоретически много у меня сейчас свободного времени, не нахожу либо четкой концепции, либо «мужества» написать воспоминания, удовлетворяющие музейный архив в Днепродзержинске. А может быть, как всегда в моей жизни: преимущество форм неоконченных, раскол между стремлением к совершенной определенности и уважением (до боли!) к таинственной человеческой судьбе. Не исключаю, что все гораздо проще: лень и нехватка сил. Значит, преждевременно писать мемуары? Не знаю. Хотя неделю тому назад я сочинил записку:

«Не без доли пафоса можно сказать: я оставил в Днепродзержинске часть своего сердца. Убеждает меня в этом пребывание в кардиологическом отделении Каменец-Подольской больницы. Сердце начало плохо работать (или выходит из строя). Наверное, подверглось декомплектации во время прощания с Днепродзержинском».

Но пафос бывает невыносимым, хотя, не обязательно ложным, мол, беспомощный в высказываниях и чувствах человек ищет убежища. Тогда – пафос, или шутки, или автоирония, или хаос.

Наводящие вопросы:

– Что Днепродзержинск оставил во мне? Что я в нем оставил?

– К чему привык? С чем не примирился?

– Насколько (не)честный вопрос: ограничить семь прошлых лет до одного города Днепродзержинска. Впечатления во многом совокупные.

Бывают мгновения, мини-эпизоды, но впечатляющие, большого (субъективного?) значения.

Например.

– Когда мы сносили пристройку «Знания в маси»;

– Когда вы мне подарили самовар;

– Поцелуй и слова Илюшки: «Я за тобой заскучался»;

– Ваше крещение, брак Альбертов;

Вне всякого эпизода: 100-летие.

Есть дела, о которых писать больно и пока не пора, и...

Например, явления:

– организационные,

– душпастырские неудачи,

– ротация кадров, кражи, отселение,

– отъезд сестер и Макария,

– медленное увеличение числа прихожан,

– «пропадание» детей,

– ничтожные эффекты экуменизма,

– и т.д.

Вот, получилось как введение к вступлению. Ну что? Пусть будет. Ал. Юл., я вас очень сердечно приветствую, с благодарной памятью остаюсь всегда.

Молюсь за ваших близких.

Мартин

г. Хелм, Рождество.

Саша, дорогой!

Вам не повезло, вот попался у меня период усталости, маленького сердечного трепета, и потому содержание короткое и, возможно, не совсем «кстати». Но, знаете, чувства мои пока не изменились. Я вас от души поздравляю, желаю крепкой и постоянной дружбы с Господом, Тем, который есть, был и приходит именно к Вам, пусть глубже и сильнее... Жене Вашей и детям – привет! Посылаю Вам книжечку, надеюсь, будет вам полезна, хотя язык не всегда простой (упражняйтесь!). Успехов тоже в собственном творчестве.

P.S. Не пишу отдельно Сергею (собственно у нас никогда не было личной переписки). Но помню и молюсь за него.

Уважаемый, дорогой пан Александр!

Уже скоро Ваш день Рождения. Пожалуйста, примите самые лучшие пожелания душевных и физических сил, творческой инициативы. Наполняйтесь любовью ко Христу и Его Церкви, не абстрактной, но состоявшейся из конкретных людей, тоже слабых и грешных. Смело, ибо, на основании молитвы, желаю Вам исцеления Богом всех Ваших семейных отношений. И да сбудется мечта, о которой Вы писали, когда я был в хмельницкой больнице. Помните? Но Бог помнит. И Он всегда верен, ибо «не может отречься от Самого Себя». Поверьте. Ради собственного счастья!

Ваш Мартин Янкевич

.....

Автор выражает глубокую благодарность Музею истории г. Днепродзержинска, Народно-му музею Днепровского Металлургического комбината за предоставленную возможность плодотворной работы в музейных фондах, а также всем, кто в разные годы бескорыстно помогал в сборе материалов по истории Римско-католической Каменской приходской церкви во имя Святителя Николая – Днепродзержинского костела Святого Николая.
07.07.2000.- 07.07.2008.

Послесловие автора

За годы, прошедшие после выхода в свет первого издания книги «Жизнь. Смерть. Воскресение», в днепродзержинском костеле Святого Николая произошли большие и малые изменения. Сменился настоятель, но продолжается обновление храма. Появились новые прихожане, а иные ушли из костела. Дети стали взрослыми, и уже сами воспитывают своих детей, взрослые постарели, а кто-то покинул этот мир, в том числе персонажи настоящей книги. Во многих событиях костельной жизни автор либо принимал непосредственное участие, либо был их свидетелем, либо знает о них от других. И не раз звучали предложения продолжить жизнеописание костела Святого Николая. Но что-то удерживало от этого шага: то ли ностальгия, то ли опасение совершить ошибку в оценках происходящего, ведь большое видится на расстоянии. Однако если новейшая история храма заслуживает новой книги, такой автор обязательно найдет, как ответ на требование времени.

Книга «Жизнь. Смерть. Воскресение» опубликована при финансовой поддержке Сената Республики Польша и фонда «Помощь полякам на Востоке».

Dofinansowano ze środków Senatu RP dzięki pomocy Fundacji «Pomoc Polakom na Wschodzie».

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1

- Глава 1. Начало
- Глава 2. Озарение
- Глава 3. Католики юга России
- Глава 4. Инициативная группа
- Глава 5 Игнатий Ясюкович
- Глава 6. Первый католик города
- Глава 7. Костел
- Глава 8. Первые шаги
- Глава 9. Святые
- Глава 10. «Спасти и сохранить»
- Глава 11. Такие разные годы
- Глава 12. В поисках главного направления
- Глава 13. История любви
- Глава 14. Человек другой эпохи
- Глава 15. Апофеоз
- Глава 16. Памятник архитектуры
- Глава 17. Смерть и война
- Глава 18. Зов на встречу католиков
- Глава 19. История любви (окончание)
- Глава 20. Истина, требующая доказательств
- Глава 21. Революция
- Глава 22. В предчувствии смерти
- Глава 23. Второе рождение

ЧАСТЬ II

- Глава 1. Настоятель костела
- Глава 2. Первый спонсор костела
- Глава 3. Месса
- Глава 4. Свидетели преступления
- Глава 5. Епископ
- Глава 6. Костельные истории
- Глава 7. Линия жизни
- Глава 8. Будни ремонта душ
- Глава 9. Последний аборт
- Глава 10. И такое было
- Глава 11. Ксендз-строитель
- Глава 12. Милосердная любовь
- Глава 13. Дела Господни очень просты
- Глава 14. Сто лет – это еще не возраст
- Глава 15. Автобус для троих
- Глава 16. Влюбленные в музыку
- Глава 17. Lascimosa
- Глава последняя. Новая.
- Эпилог